

ЮРИЙ МУХИН

СССР имени БЕРИЯ

Загадка
37
года

ЮРИЙ МУХИН

СССР имени БЕРИЯ

МОСКВА
«АЛГОРИТМ»
2008

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8
М92

Мухин Ю. И.
М92 СССР имени Берия / Юрий Мухин. — М.: Алгоритм, 2008. - 336 с. - (Загадка 1937 года).

ISBN 978-5-9265-0474-0

Л. П. Берия, оклеветанный Хрущевым, стал для многих людей олицетворением зла. Между тем, будучи ближайшим соратником великого Сталина, он сыграл выдающуюся роль в создании непобедимой Советской империи. В частности, именно благодаря Берии в СССР в кратчайшие сроки, в тяжелое послевоенное время был создан ядерный щит, сделавший невозможным нападение США на Советский Союз.

Заслуги Берии перед Советской державой огромные; он мог бы сделать и больше, если бы не был подло убит почти сразу после убийства Сталина. Автор книги не сомневается, что это были именно убийства...

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-9265-0474-0

Глава 1

НАЧАЛО ШАНТАЖА СССР

ПОТСДАМ

После обеда 25 июля 1945 года Черчилль улетел в Лондон, чтобы, как все полагали, присутствовать на своей победе на очередных парламентских выборах. На конференции глав стран-победительниц во Второй мировой войне в Европе, проходившей недалеко от Берлина в городе Потсдаме, образовался перерыв в два дня.

Вечером, когда жара несколько спала, Сталин, Молотов и Берия вышли прогуляться в парк Нойен Гартэн.

Для оговоренной еще в Крыму конференции сам Берлин, после его штурма советскими войсками, никак не подходил, Потсдам тоже был сильно разрушен, посему размещать делегации и там было трудно. Но в Потсдаме сохранилось большое здание — дворец германского кронпринца, расположенный в парке Нойен Гартэн. В нем было достаточно помещений для заседаний и работы многочисленных экспертов и советников, а для размещения глав делегаций, министров иностранных дел и остальной свиты хорошо подходил пригород Потсдама — Бабельсберг, почти не пострадавший во время войны. В Бабельсберге до войны жили крупнейшие правительственные чиновники, генералы и прочие видные деятели нацистской Германии, в связи с чем он состоял из многочисленных удобных двухэтажных вилл, утопавших в зелени и цветниках.

Маршал Жуков, командовавший войсками в советской зоне оккупации, проявил бешеную энергию и чудеса верно-

подданнической старательности, послав в Потсдам многочисленные отряды и команды инженерных частей Красной Армии. Работа шла по 24 часа в сутки, и к 10 июля все было закончено. В помещении дворца, где должна была проходить конференция, капитально отремонтировали 36 комнат и конференц-зал с тремя отдельными входами. Американцам выбрали для апартаментов президента и его ближайшего окружения голубой цвет, англичанам для У. Черчилля — розовый. Для советской делегации зал был отделан в белый цвет. В Нойен-Гартэн соорудили множество клумб, высадили до десяти тысяч различных цветов, многие сотни декоративных деревьев.

Помимо прочих обязанностей, Берия все еще руководил Народным комиссариатом внутренних дел, поэтому в его работу входила и организация подслушивания конфиденциальных разговоров, которые вели между собой приезжавшие в СССР высокопоставленные иностранцы. И Берия знал, что подобная мишура давала прямо противоположный эффект, поскольку и премьер-министр Британской империи, и президент США были выборными руководителями, которых требования избирательных кампаний заставляли вести себя скромно. Излишняя роскошь, которую предоставляла им советская сторона, может, и льстила им, но давала возможность громогласно издеваться над ненужной расточительностью «тоталитарного режима», противопоставляя эту, действительно ненужную, помпезность своей «демократической» скромности. Кстати, глава «тоталитарного режима» И.В.Сталин, органически не терпевший никакой помпезности, приехав с вокзала в свою резиденцию в Потсдаме — виллу генерала Людендорфа, — тут же потребовал убрать из нее всю излишнюю мебель, которую с фельдфебельской старательностью со всей Германии стащил в нее маршал Жуков.

«Чем более застенчивым является генерал перед лицом противника, тем большую решимость и отвагу проявляет он в деле угождения начальству, — хорошо известный, хотя и

мало вспоминаемый, закон военного искусства», — подумал Берия. И ему вспомнилось произведение Куприна, в котором командир учебной роты объяснял юнкерам, что русский офицер обязан отличаться благородством души и блеском сапог. «Что касается благородства души, то его у царского офицерства к революции почти не осталось, да и у нынешнего пока не сильно прибыло, — оценил ситуацию с офицерством Красной Армии Берия. — Но если эти циклопические усилия Жукова считать за блеск сапог, то блеска — да, блеска у нынешнего офицерства больше, чем нужно. Впрочем, — усмехнулся сам себе Берия, — над кем смеюсь? Я ведь уже две недели и сам Маршал Советского Союза».

В этот день встреча Сталина, Черчилля и Трумэна началась в 11 часов утра, а это время, когда Сталин, обычно работающий до 4—5 часов ночи, только просыпается. Поэтому утром спешащий Сталин не смог переговорить с Молотовым и Берией ни о чем, непосредственно не касающемся темы идущих переговоров с союзниками. Теперь же можно было поговорить не спеша, и Сталин решил совместить трудный (в чем он не сомневался) разговор с осмотром окрестностей, которые его, любившего цветы, не могли не интересовать.

Речь шла о сообщении, полученном от Трумэна вчера вечером, которое Сталин тогда же передал Молотову, а тот Берии, но обсудить его они не успели.

Накануне, 24 июля, после окончания пленарного заседания, когда члены делегаций поднялись со своих мест и стояли вокруг стола по два и по три человека, президент Трумэн подошел к Сталину, и они начали разговаривать одни при участии только своих переводчиков. Трумэн сообщил, что Соединенные Штаты, идя на героический риск, израсходовали более 400 миллионов фунтов стерлингов, если считать в британской валюте, и создали новую бомбу! Исключительной силы! И уже успешно испытали ее! И эта бомба будет иметь решающее значение для всей войны с Японией! Какая удача!

Однако Сталин принял это известие настолько спокойно, что и Трумэн, и, наблюдавший за их разговором со стороны Черчилль решили, что в тяжелых трудах Сталина заботам об атомной бомбе совсем не было места. Черчилль, к примеру, был уверен по виду Сталина, что если бы Сталин имел хоть малейшее представление о той революции в международных делах, которая совершалась благодаря наличию у США, и только у США, такого мощного и принципиально нового оружия, то это сразу было бы заметно. Более того, Черчилль считал, что ничто не мешало Сталину сказать: «Благодарю вас за то, что вы сообщили мне о своей новой бомбе. Я, конечно, не обладаю специальными техническими знаниями. Могу ли я направить своего эксперта в области этой ядерной науки для встречи с вашим экспертом завтра утром?» Однако Сталин сохранял на лице веселое и благодушное выражение, и беседа между двумя могущественными деятелями скоро закончилась. Когда все начали разъезжаться, Черчилль подошел к Трумэну. «Ну, как сошло?» — спросил он. «Он не задал мне ни одного вопроса»,— ответил Трумэн.

Отсюда Трумэн с Черчиллем пришли к выводу, что Сталин ничего не знает об атомном оружии, и, следовательно, СССР в атомной гонке безнадежно отстал, однако они ошибались.

Сталин об атомной бомбе знал очень много, но это не делало СССР сильнее.

В Нойен-Гартэн Сталин начал прерванный вчера разговор, восхищенно осматривая куст роз, разведением которых увлекался на своей даче.

— Какой прекрасный сорт! Интересно, приживется ли он в Подмосковье? — Затем повернулся к Молотову: — Так ты, Вячеслав, считаешь, что у союзников атомной бомбы еще нет и Трумэн с Черчиллем вчера просто блефовали, когда сообщили об ее успешном испытании?

— Думаю, блефуют, — как всегда, подумав, ответил Молотов, — набивают цену, чтобы убедить нас, что мы им боль-

ше не нужны для победы над Японией, и с японцами они, дескать, и сами справятся, а посему в вопросах европейского устройства мы им должны уступать. Они на нас давят этой бомбой — это как раз в характере Черчилля, и по его физиономии это было видно. Мы в своей зоне оккупации взяли всех найденных немецких физиков, допросили, и они, судя по всему, не врут — немцы были еще очень далеки от создания атомной бомбы. Неужели их так опередили американцы? Не верится...

— Не верится или не хочется верить? — спросил Сталин и обратился к Берии. — А ты, что думаешь, Лаврентий?

— Тут два вопроса, — тоже подумав, начал Берия. — Во-первых, они эту чертову бомбу создали. Наши компетентные источники информации нам пока недоступны — мы не можем пока с ними связаться, но, судя по веселью и пьянкам в кругах, связанных с этим проектом, скорее всего, позавчера они ее успешно испытали.

Но сколько этих бомб у них может быть? По нашим сведениям и расчетам, еще две, от силы, три. Ну, разрушат они два или три японских города, ну, убьют несколько десятков, пусть даже сотен тысяч мирных жителей — что из того? Они только разозлят японцев. Нет, без нас, без СССР, союзники войну с Японией не закончат. И только вступление в войну Советского Союза подорвет боевой дух японцев, только это заставит их капитулировать, ввиду полной бесперспективности дальнейших боевых действий.

Во-вторых. Они действительно блефуют. Им, чтобы закончить войну с Японией, нужны сухопутные силы, а их армия в Европе драться в Японию не поедет — разбежится. Правда, их генералы стесняются так говорить и говорят «самодемобилизуется». Их же солдаты тут, в Европе, счастливы, что уцелели в войне с немцами, а теперь сама мысль о том, что их ждет возможная смерть в боях с японцами, для американских солдат невыносима. Американские солдаты, да и большинство офицеров, открыто говорят, что они, дескать, свой долг исполнили — немцев разбили, и теперь пусть с японцами дерется кто-нибудь другой.

Так что Черчиллю и Трумэну мы нужны, как воздух, и нельзя им ни на копейку делать никаких уступок по этой причине — с бомбой или без бомбы, они войну без нас не закончат.

РЕПАРАЦИИ

Тут Берия вспомнил, что следующее заседание конференции, по договоренности глав государств, должно будет рассмотреть вопрос о репарациях с Германии и ее союзников, после чего в памяти мелькнуло обсуждение этого вопроса у Сталина еще в конце зимы. Тогда Сталин пригласил его в свой кабинет, в котором уже сидели Вознесенский и Микоян.

— Вот какой, довольно интересный вопрос, — жестом пригласив садиться, начал Сталин. — То, что мы немцев победим — это факт, осталось сделать это с минимальной кровью наших солдат. И теперь надо подумать, как заставить немцев хотя бы немного компенсировать нам потери в войне? О чем договариваться с союзниками после Победы? Ведь здесь два принципиальных момента.

Можно наложить на немцев большую контрибуцию. Вряд ли англичане и американцы дадут нам это сделать, но пробовать можно. Сразу немцы большую контрибуцию не выплатят, следовательно, придется получать ее в течение 10, а может, и 20 лет. Для этого надо оставить немцам все их заводы, они будут на них работать и выплачивать нам долг.

А можно вывезти у них по репарациям оборудование всех их военных заводов и включить его стоимость в сумму военных компенсаций.

Товарищи Вознесенский и Микоян предлагают идти по первому пути, я правильно вас понял, товарищ Вознесенский?

— Да, конечно. Оборудование нынешних заводов Германии уже и физически изношено, и морально устарело. А за немецкие деньги мы можем купить в США или у тех

в мире, у кого оно есть, самое современное и эффективное оборудование.

Вознесенский, по мнению Берии, был человеком не на своем месте уже хотя бы из-за своих непомерных амбиций и гипертрофированного самолюбия. Освоив плановую работу, по сути, работу бухгалтера, но в масштабе государства, он был председателем Госплана и в этой должности заместителем Сталина в правительстве — в Совете Народных Комиссаров. Работы советской экономики не знал и не собирался в ее подробности вникать. Работал механически, полагаясь на числа в отчетах и советы своего аппарата. Понимал он это сам или нет, но из-за своего незнания в трудных вопросах он боялся принимать ответственные решения, стремясь, чтобы эти решения принял лично Сталин. Этим Вознесенский очень усложнял работу остальных хозяйственных руководителей страны, в том числе и Берии, хотя Берия был заместителем Сталина не только в правительстве, но и в высшем властном органе страны — в Государственном Комитете Обороны.

Не понимая, что он является самым слабым руководителем, Вознесенский очень обиделся, когда ему не присвоили звание Героя Социалистического Труда в 1943 году. До этого, еще в 1942 году, звание Героя было присвоено целому ряду хозяйственных руководителей звена нарком (министр) — директор завода, а потом Сталин счел, что это ненормально, что среди высших руководителей страны он единственный Герой, и представил к присвоению звания Героя своих заместителей — Молотова, Берию, Микояна и даже Маленкова.

Возможно, что из жалости и чтобы не обижать Вознесенского, из которого амбиции просто выпирали, Сталин представил бы к званию Героя и Вознесенского, но тот своей глупостью испортил все дело. Он в 1942 году поручил своему аппарату состряпать себе докторскую диссертацию по экономике, а в 1943 защитил ее, и тут же угодливая Академия наук приняла его своим членом. Таким образом, Воз-

несенский получил нужным образом оформленные справки о том, что он лучший хозяйственник СССР. У него не хватало ума понять, что мнение о нем его товарищей-министров и его подчиненных, о котором он не заботился никак, в тысячу раз более почетно и ценно, нежели мнение безответственных и продажных болтунов из Академии наук. Но главным было время, которое он выбрал для защиты диссертации и баллотировки в Академию — 1942—1943 годы,— страшнейшие годы войны, когда его товарищи по правительству и подчиненные света белого не видели из-за работы по приближению Победы. Вознесенский не понимал, что теперь присвоение ему звания Героя Социалистического Труда было бы оскорблением этому званию.

Берия, изучив Вознесенского, очень сомневался, что тот мог додуматься до мысли о контрибуции с Германии, Берия ни на минуту не сомневался, что идею явить Сталину свой академический гений ненавязчиво подсказал Вознесенскому хитрый Микоян — нарком (министр) внешней торговли СССР. В войне Советский Союз поистратил свой золотовалютный запас, и после войны Микоян рисковал остаться без работы, а валюта, поступающая из Германии, давала его наркомату надежду на постоянную работу и хороший кусок хлеба с маслом.

— Что вы по этому вопросу думаете, товарищ Берия?

Этим вопросом Сталин пояснил, зачем он вызвал Берию.

— Да, логика есть, — ответил Берия. — Но проработали ли товарищи Вознесенский и Микоян вот такие, с ходу пришедшие мне в голову вопросы.

Большая часть Германии будет оккупирована союзниками. Это сейчас мы им очень нужны, в связи с тем, что они без нас войну с Японией не закончат. Поэтому не исключено, что мы в документах по итогам войны сможем убедить их на выплату Германией достойной контрибуции. Но ведь как только мы перестанем быть им нужны, они тут же сделают так, что с той части Германии, которую оккупируют они, мы никаких денег не получим. Большая контрибу-

ция — это журавль в небе. А будем собирать ее только со своей части Германии, озлобим против себя тех немцев, которых нам, собственно, злить ни к чему.

А вот оборудование тех заводов, которые наши войска захватят — оно наше, оно уже у нас. И лучше синица в руке, чем журавль в небе.

Но не это главное. Мы демобилизуем армию. Где, на каких заводах будут работать наши демобилизованные солдаты? Даже если бы сейчас у нас было много денег, и мы сегодня заказали бы заводы в США, то пока там их спроектируют, пока поставят нам новое, еще не опробованное в работе оборудование, пока на нем будет отработана технология, пройдут годы.

А если мы перевезем к себе немецкое оборудование, то, во-первых, оно уже готово, во-вторых, технологические процессы на нем уже отработаны, в-третьих, мы среди пленных найдем специалистов для быстрого обучения наших специалистов работе на этом оборудовании. У нас не возникнет обычной для послевоенного времени безработицы.

Гитлер основные заводы построил перед войной, и даже в ходе войны, поэтому я бы не стал пугаться того, что они так уж сильно морально устарели. Потом, что такое морально устаревшее оборудование? Положим, это старый токарный станок. Да, на нем не выточишь гидрогайку, но простую гайку и болт выточишь без труда. Но у нас сейчас не хватает ничего — ни болтов, ни гаек, ни каких-либо станков, чтобы их точить, — ни старых, ни новых. А рассрочка в выплате контрибуции приведет к тому, что мы новое оборудование за рубежом будем покупать и вводить в строй очень долго, и очень долго еще и потому, что ни у кого не будет опыта эксплуатации такого оборудования. При таком подходе процесс восстановления нашего хозяйства будет идти очень медленно.

А для перевозки немецких заводов из Германии в СССР и для постройки у нас зданий этих заводов и фундаментов для этого оборудования потребуется хотя и много труда, но

это будет, в основном, не очень квалифицированный труд. И вот тут, на мой взгляд, есть очень важный вопрос, который напрямую с экономикой как будто и не связан.

Если потребовать с немцев эту сомнительную контрибуцию, то нужно будет немедленно отпустить всех немцев из нашего плена — и из нашей зоны оккупации, и из англо-американской, чтобы они работали в Германии — ведь контрибуция будет взиматься с каждого работающего немца.

А как же наказание за войну, за смерть наших людей? Как же наказание за то, что они голосовали за Гитлера? Нет, я считаю, что немецкие пленные должны поработать у нас и хотя бы немного загладить свою вину и вину Гитлера.

Не могу точно оценить, сколько пленных мы возьмем — часть-то пленных возьмут союзники, — но, думаю, миллиона три трудового ресурса низкой квалификации мы будем иметь. А может, и больше. К станкам их не поставишь — к станкам нужно ставить свободных людей, чтобы они имели стимул повышать квалификацию. А пленных придется использовать в строительстве, но в строительстве каких предприятий, если для этих предприятий нет оборудования?

И не только о пленных речь. Масса наших мерзавцев служила и служит у немцев. Простить их нельзя! Представляете, товарищ Сталин, вернется такой мерзавец, служивший у немцев пусть даже и в обозе, в свое село, а вокруг вдовы, мужья которых убиты с помощью этого мерзавца. Каково будет этим вдовам? Поэтому таким мерзавцам хоть пять лет, а дать надо. И, думаю, таких негодяев будет несколько сот тысяч.

Так что и справедливость требует держать синицу в руке, хотя и контрибуцию, конечно, требовать надо.

В итоге я за то, чтобы сразу же выгрести из Германии все, что нам может пригодится. Этим мы выиграем два-три года в собственном развитии.

— Что касается рассрочки выплаты контрибуции,— вступил в разговор Микоян. — Мы могли бы взять кредиты и погашать их этой самой, получаемой в рассрочку кон-

трибуцией. Но мы купили бы новые и современные оборудование и заводы, а не старые и изношенные.

—Ты, Анастас Иванович, не беспокойся — мы закупки за рубежом прекращать не собираемся, и работы тебе, наркому внешней торговли, хватит, — усмехнувшись, сказал Сталин. — Тут вопрос в другом. Наша цель — как можно быстрее построить такой Советский Союз, который бы не нуждался в закупках оборудования за рубежом, который бы любую Сложную технику мог делать сам. А для этого СССР нужны опытные ученые, инженеры и рабочие. И опыт эти люди получают в собственной работе, а не в созерцании чужих достижений.

Образно этот случай можно описать так. У нас есть возможность или немедленно получить грузовик с мотором мощностью 30 лошадиных сил и грузоподъемностью 1 тонну, или через три года получить 3-тонный грузовик в 70 лошадиных сил. Что лучше? Лучше немедленно начать возить грузы на 1-тонном грузовике и работой на нем воспитать кадры конструкторов, механиков и шоферов, которые через пять лет безо всяких закупок из-за рубежа сами построят и сами будут успешно эксплуатировать 10-тонный грузовик. Мы не потеряем время не только для восстановления народного хозяйства, но и для обучения и воспитания кадров.

Тогда так и решили.

А буквально накануне, в начале июля 1945 года, Берия вызвал к себе наркома (министра) нефтяной промышленности СССР Н.К. Байбакова. Тому было 34 года, наркомом он стал едва полгода назад, а предприятия его наркомата были разбросаны по всей территории СССР. Конечно. Байбаков был горд должностью, но, в то же время, внутренне сознавал, что он не охватывает всех проблем отрасли и не справляется с той массой дел, которая на него навалилась.

Когда Байбаков вошел в кабинет, Берия стоял у карты Советского Союза, испещренной пометками предприятий, за работу или строительство которых он отвечал. Привет-

ливо поздоровавшись с молодым наркомом, своим протеже, Берия не спеша начал.

— Николай Константинович, нам досталось множество немецких химических заводов, работавших на войну. К примеру, в Польше, в районе Освенцима, немцы построили комплекс современнейших химических предприятий, на которых евреи, согнанные в концлагеря Освенцима со всей Европы, из местных углей производили для немцев каучук, моторное топливо, взрывчатку и многое другое.

Советскому Союзу вся эта продукция нужна, поэтому эти заводы обязательно нужно перевезти в СССР, смонтировать и заставить эти заводы работать на нас.

Байбаков, и так не справляющийся со своим объемом дел, ужаснулся.

— Но товарищ Берия, я нарком нефтяной промышленности, а это химия, эти заводы — это не мое дело, это дело Главгазтоппрома!

— Во-первых, — спокойно уточнил Берия, — и не мое, во-вторых, знаю, какой вы промышленности нарком, товарищ Байбаков, но Советскому Союзу нужна продукция этих заводов, понимаете — нужна! И Политбюро поручило мне организовать ее производство, а вы подчиняетесь мне. Так что включайте в состав своего наркомата Главгазтоппром и считайте это дело своим!

— Слушаюсь, товарищ Берия, но вы берете у правительства поручения, а выполнять потом мне.

— Вы паникуете, Николай Константинович, раньше времени, — начал сердиться Берия, — вам гордиться нужно тем, что в вас верят, а не ныть!

Давайте лучше прикинем, где в Союзе их разместить? Эти производства требуют много воды, поэтому нам нужны такие районы, чтобы и уголь был в избытке, и река была.

Начнем с Донецкого угольного бассейна, — Берия посмотрел на карту. — Пусть специалисты Главгазтопа поищут площадку для строительства где-нибудь в низовьях Дона — в районе Ростова или Новочеркасска.

Так, Урал. Тут, пожалуй, удобно опереться на реку Белая. Рядом и бурые угли, и нефть Башкирии. Пусть поищут подходящую площадку в районе Уфы или Стерлитамака.

Ну, и что-то нужно дать Сибири. Тут очень хороши Черемховские залежи угля. А рядом Ангара. Давайте-ка именно сюда перебросим предприятия из Освенцима. Комбинат будет очень большой, возможно, собственно в Иркутск его перемещать и не стоит... Видимо рядом придется основать новый город, какой-нибудь Ангарск.

— И за сколько же лет мы должны будем управиться с этим делом?

— За два года.

— Невозможно!

— Опять вы за свое! — рассердился Берия. — Ничего. Глаза боятся — руки делают, управимся...

Берия в мыслях отключился от этих мгновенно промелькнувших воспоминаний и вернулся в Потсдам.

— И надо постараться, — сказал он Сталину и Молотову, — как можно больше немецких заводов вытащить из зоны оккупации союзников.

МОЛОТОВ И АТОМНАЯ БОМБА

— То, что они сегодня блефуют, это понятно, но атомная бомба — это очень серьезно, — продолжил Сталин. — Почему? Потому, что именно это преимущество через год или через пять лет — когда они накопят эти бомбы, может толкнуть их на военную авантюру против нас: вора делает вором случай.

Вячеслав, партия и Государственный Комитет Обороны тебе поручили создать атомную бомбу. Когда нам ее от тебя ждать? Через год, три года, десять лет?

— Не знаю, стыдно признаться, товарищ Сталин, но не знаю.

— Что так? Тебе не помогают? Вознесенский или Берия не делают того, что обязаны делать?

— Не в этом дело: с Вознесенским я совладаю, а Лаврентий сам меня в этом деле подталкивает.

Чувство собственного достоинства, присущее Молотову, не позволяло ему врать в случаях личного оправдания, поэтому он и сказал о подталкивании его Берией. А вызвано это было тем, что Курчатов, занимавшийся работой по атомной бомбе, не получая необходимого для этой работы у подчиненных Молотова, часто жаловался Берии, и уже тот решал вопросы Курчатова у Молотова.

— Так в чем же дело? — настаивал Сталин на ответе.

— Я не могу вопросы создания атомной бомбы охватить. Я же все время, как буриданов осел, стою перед вопросом, кому направить ресурсы — на производство танков, самолетов — того, что действительно приведет к Победе и спасению жизней наших солдат, или на какую-то сомнительную атомную бомбу? Ведь тратя деньги на это дело, я фактически отодвигаю Победу, а мне никто внятно не говорит, получится это дело или нет. А сам я, к своему стыду, вникнуть в подробности создания атомной бомбы не могу.

— Но ты же мог заставить Академию наук прояснить тебе ситуацию...

— Как, Коба» как?! — начал горячиться Молотов, который единственный в правительстве обращался к Сталину на «ты» и называл его старой партийной кличкой «Коба». — Это же не простые люди, это большие умы, — это обмылки в бане, которые в руках не удержишь. Как только ставишь перед ними прямой вопрос, они начинают вертеться, как уж на сковородке, и ни да, ни нет не говорят.

— Неладное у нас дело с наукой, неладное, — продолжил Молотов. — Набились в нее черт знает какие люди, понаписывали неизвестно кому нужных диссертаций, а на самом деле только и умеют, что повторять то, что уже открыто другими. Деньги тратят на свои исследования без счета, любуются собой, как гигантами ума, а попробуй поручить им действительно новое, нужное стране дело и в ответ, вместо конкретного решения, получишь только заумную болтовню и общие сомнения по любому вопросу.

— Это обычное дело, и тебе надо было искать действительных ученых-физиков, и на них опираться, — не принял объяснения Сталин. — Разве не то же самое у нас происходит с конструкторами, скажем, в авиации? А возьми биологию с ее засильем болтунов-генетиков, морганистов-вейсманистов, бесплодных, как мулы. Но мы же выдвинули Лысенко, мы же оперлись на его идеи мичуринской генетики и теперь имеем не только болтунов-морганистов в институтах, но от Лысенко имеем и новые высокопродуктивные сорта, и прогресс в сельском хозяйстве. Подбор кадров, Вячеслав, это главное дело коммунистов, и нас с тобой от этого никто не освобождал.

— Я что, заслужил такой упрек? — обиделся Молотов. — Ты вспомни середину тридцатых, ведь крику о достижениях советской ядерной физики было хоть отбавляй, казалось, еще немного и у нас паровозы будут ездить на ядерном топливе. Вспомни, у нас перед войной не только академики, но и молодые физики, казалось бы, делали выдающиеся открытия в области ядерной физики. У нас уже тогда было только специализированных на ядерных исследованиях четыре исследовательских института: в Ленинграде, Харькове и два в Москве. По-моему, с 1920 года у нас работает завод по переработке урановой руды и получения радия на Каме в Березниках. Я же был председателем Совнаркома и помню, что государство денег для этих физиков не жалело.

А что получилось, когда государству потребовалась атомная бомба? Эти же физики все разбежались. Есть такой Ландау, рекламу ему сделали, что это чуть ли не «быстрый разумом Невтон», так тот вообще заявил, что по его расчетам атомная бомба невозможна...

— Постойте, Вячеслав Михайлович, знакомая фамилия, — вступил в разговор Берия. — Это не тот антисоветчик, которого я где-то перед войной освободил и передал на поруки академику Капице?

— Может, и тот. И Капица, кстати, тоже уклонился от того, чтобы возглавить работы по созданию атомной бом-

бы. Вспомните, товарищ Сталин, когда Берия где-то весной 42-го года написал докладную о необходимости заняться атомной бомбой, и этот молодой физик Флеров нам об этом же с фронта написал, мы же тогда запросили Академию Наук. И все эти иоффе и капицы, наши «быстрые разумом невтоны» нам ответили, что советская наука не может сделать стране атомную бомбу,— зло напомнил Молотов известное собеседникам обстоятельство. — В конце концов, я в 1943 году поставил на эту работу Курчатова, хотя он ученик и сотрудник предателя Гамова, сбежавшего в Америку в начале тридцатых. Сам Курчатов и этот Флеров работают, как и надо работать, но с ними-то почти никого нет! Курчатов до сих пор смог привлечь человек 5—6 физиков, да и то — молодых. На важнейшем направлении — на создании ядерного реактора работает сам Курчатов и еще всего два физика.

Можно заставить человека выкопать яму, — подумав, закончил мысль Молотов, — но как ты ученого заставишь найти в науке что-то новое, если он заявляет, что это новое найти невозможно? И остальные физики, ходят вокруг да около, занимаются чем угодно, какими-то космическими лучами, как тот же Ландау, но начинаешь привлекать их к делу, и они тут же становятся неспециалистами в этом вопросе.

— Это что же, саботаж?! — Сталин посмотрел на Берию.

— Не думаю... — пожав плечами, ответил тот. — Мы до сих пор не имеем никаких данных о том, что такое поведение наших ученых является осмысленным стремлением помочь немцам, их союзникам или капиталистам. Скорее всего, тут трусость нашей науки перед реальным делом. Привыкли к тому, что есть у их исследований полезный результат или его нет, а диссертации они все равно защитят. Привыкли повторять чьи-то исследования. А атомная бомба — дело незнакомое: возьмешься за него и ничего не получится — какой же ты физик и академик?

Но, товарищ Сталин, на мой взгляд, товарищ Молотов говорит не о главном, — Берия решил высказаться. — Я вообще не вижу здесь вопроса после того, как американцы атомную бомбу все же создали. Раз американские физики ее создали, значит, и наши обязаны... если они физики. А не хотят, так у нас еще много школ, в которых не хватает учителей, — будут не в Академии сидеть, а учить деток в школах тому, что тела при нагревании расширяются.

Потом, если бог не выдаст и американцы не вскроют нашу агентуру, то мы вскоре получим все, чтобы американскую атомную бомбу скопировать. Не захотят наши академики этим заняться, найдем простых физиков, и на этой работе они станут академиками.

Вообще, все эти вопросы с конструкцией атомной бомбы, это не айсберг, и даже не вершина его, а только маленькая льдинка на вершине айсберга. Главное же в другом.

Образно говоря, нам сейчас нужен современный самолет и мы обсуждаем, есть ли у нас конструктор, чтобы сконструировать такой самолет. Но, чтобы построить самолет, нужен алюминий, нужна качественная сталь, нужна резина, нужна медь, нужны изделия из этих материалов — от двигателей до электромоторов. И если ничего этого нет, то какой смысл обсуждать кандидатуры и количество конструкторов самолета? Его все равно не создашь из-за отсутствия материалов, а не из-за отсутствия чертежей самого самолета.

А для нашей атомной бомбы на сегодня ничего нет — нет урана-235, нет способов его получения, нет оборудования для этого, нет заводов. Нет плутония, нет реактора для его наработки, нет даже представлений, как с ним работать. Нам предстоит привлечь и организовать работу нескольких сотен тысяч человек только в атомной отрасли, и миллионы работников в других областях, причем так, чтобы там, как только потребуется, немедленно бросали свою работу и начинали работать на бомбу. Работа по собственно изготовлению бомбы, как бы она ни была сложна, — это ничто по сравнению с работой над материалами, из которых она будет изготовлена, — вздохнул Берия.

— Это так, я просто не договорил, — подтвердил слова Берии Молотов.

— И как же, Вячеслав, ты собираешься эту работу сделать? — спросил Сталин.

— Ты знаешь, Коба, я большевик, я живу для коммунизма, и я умру для него на любом посту, на который меня поставит партия, но, Коба, и партии, и Советскому Союзу будет лучше, если мы эту работу поручим Берии.

Сталин, до этого разговаривавший очень спокойно, не забывая осматривать кусты роз, вскипает, бьет ладонью по бутону, осыпая лепестками ботинки.

— Берии?! И это Берии?! Металлургия — Берии! Топливная промышленность — Берии! Производство оружия — Берии! Танки — Берии! Добыча нефти — Берии! Да, забыл, Берия еще и нарком внутренних дел! Когда же вы перестанете эксплуатировать этот гнилой лозунг: «Кто везет, на том и ездят!» Маленков завалил выпуск самолетов — передадим это дело Берии! Каганович расписался в своем бессилии организовать железнодорожные перевозки — поручим их Берии! Когда же это закончится?! — несколько успокоившись. — Знаешь, Вячеслав, дай бог нам на своем большевистском посту умереть не от безделья, а то мы еще до этого задавим Берию на его посту своей немощностью.

— Но мы же можем какие-нибудь дела передать от Лаврентия кому-нибудь молодому, скажем, добычу нефти, — невозмутимо игнорируя вспышку Сталина, настаивал на своем Молотов.

— Нефти? Да ты что — не понимаешь, что нефть это мясо для советского народа? Что мы не можем больше поставлять нисколько зерна на экспорт, потому, что, сколько бы дополнительного зерна мы не выращивали, а его нужно скармливать скоту, чтобы получать мясо. А что еще поставлять на экспорт, пока мы не начнем производить для экспорта избыточное количество техники? Только нефть. Это важнейшая задача, и какому же молодому ты ее хочешь поручить?

Вознесенскому? Так он хорошо справляется только с теми делами, которые знает, как делать, а новое дело он не потянет и замордует нас вопросами. Новое дело быстрее и легче самому сделать, чем ему поручать.

Маленкову? Так он все превратит в бумажную волокиту.

Может, Хрущеву с его энергией? Так мы будем иметь не нефть, а большую поленницу дров, которые он наломает, пока доберется до нефти.

— Но ведь я уже не молод садиться за парту и учить физику, — не сдавался Молотов.

— А я — мальчик?! — вновь раздраженно отчеканил слова Сталин.

После этого Сталин повернулся и, ни слова не сказав, быстро пошел по дорожке по направлению резиденции, а Молотов, виновато полуобнимая Берию, попытался оправдаться.

— Лаврентий, извини, но я искренне думаю, что никто в стране не организует это дело лучше тебя.

Берия же, удивленно и восхищенно глядя вслед Сталину, ответил в пространство.

— Не ожидал я от товарища Сталина такого...Не ожидал!

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ

Будучи умным человеком, Берия прекрасно осознавал свою роль в системе управления СССР и его народным хозяйством, знал, что он один из наиболее сильных хозяйственных руководителей страны, если не самый сильный, поэтому, хотя Сталину и не хочется поручать ему атомный проект, а все равно поручит. И Берия начал думать о том, как ему сделать эту бомбу, — как организовать ее создание в СССР.

Он снова освежил в памяти все, что добыла разведка об американском атомном проекте, и в мозгу привычно вос-

создалась схема управления, во главе которой он поставил себя. Ниже были узлы управляющих инстанций, подчиняющихся ему, и уже начали всплывать фамилии кандидатов на занятие должностей в этих инстанциях, но Берия вдруг понял, что так ничего не получится. Он воспроизводил в мозгу обычную схему наркомата (министерства), но дело было всеобъемлющим и требовавшим задействования практически всех отраслей народного хозяйства. А при наркоматной схеме, требующей согласования всех вопросов с другими наркоматами, дело будет двигаться крайне медленно, и его ускорение потребует невероятных усилий, причем, с непрерывным вовлечением Сталина в решение любых, в том числе и мелких вопросов.

Такая схема даст эффект только в случае, если возглавлять ее будет не Берия, а сам Сталин — глава страны и руководитель всего ее народного хозяйства, но тогда Берия будет руководителем только на бумаге, а на самом деле он будет просто передаточной инстанцией приказов и распоряжений от Сталина к своим подчиненным. Быть таким «руководителем»— это мечта любого бюрократа, но не Берии,— он хотел видеть воплощение в атомном проекте плодов собственного ума и труда, а не только сталинских. .

Но когда все время над чем-то думаешь, то решение найдется, и недели через две нашел решение и Берия Он набросал это решение на двух страничках, положил на дно папки для бумаг, с которой обычно ходил к Сталину, и стал ожидать, когда же Сталин вернется к его участию в атомном проекте.

Поздним вечером 19 августа 1945 года Берия был приглашен в кабинет Предсовнаркома СССР. Сталин стоял у окна, глядя в опускающиеся сумерки, и вошедший Берия не стал отвлекать его от мыслей, а просто сел у стола для совещаний, ожидая, когда Сталин очнется от раздумий.

Заканчивалась война Советского Союза с Японией, и проходила она быстрее и легче, чем ожидал Сталин.

Эта война началась 9 августа 1945 года, а уже утром 18 августа главнокомандующий японской Квантунской армией генерал Ямада, находившийся в Чанчуне, подтвердил по радио согласие выполнить все условия капитуляции, предложенные ему командующим советскими войсками маршалом А. М. Василевским. И в этот же день в Харбине высадился первый эшелон десанта в 120 человек, сопровождавший генерала Шелахова. Он встретился с группой японских генералов во главе с начальником штаба Квантунской армии генералом Хата и предъявил им условия капитуляции японских войск. Японцы вынуждены были их принять, и уже утром 19 августа Хата с группой японских генералов и офицеров были доставлены на командный пункт 1-го Дальневосточного фронта к маршалу К. А. Мерецкову. А в 14 часов 10 минут 19 августа подписал акт о капитуляции сам генерал Ямада, после чего он и премьер-министр Маньчжоу-Го Чжан Цзин-хуэй выступили перед войсками и населением по радио, призвав прекратить сопротивление.

Дело было сделано — Великая Отечественная и, одновременно, Вторая мировая войны были закончены. Огромный груз упал с души у Сталина, но, как всегда бывает у руководителя, окончание одного дела означало, что нужно всеми силами наваливаться на очередное. И сейчас Сталин думал об одном из таких дел — о том, как предотвратить Третью мировую войну.

— Ну, что же, американцы расставили точки над «i»: взорвали атомные бомбы над Хиросимой и Нагасаки, — не спеша, начал Сталин. — И этим они показали всему миру, в первую очередь нам, что и бомба у них есть, и решимости ее применить тоже достаточно, — Сталин помолчал. — Не вижу иного выхода, Лаврентий, надо тебе браться за это дело.

Сталин вновь задумался, и Берия, видя это, не спешил отвечать.

У Сталина было очень много подчиненных, и все они (порою не без оснований) считали себя прекрасными ра-

ботниками и выдающимися государственными деятелями. Однако среди них было очень мало таких, которым можно было поручить совершенно новое дело.

Все остальные были хороши в делах, по которым уже было известно, как их делать, и по которым требовался только контроль за исполнением и незначительные, тоже понятные, усовершенствования. В таких, привычных, делах подчиненным не требуется рисковать и брать на себя ответственность за абсолютно новое решение, по которому нельзя предсказать, чем оно закончится, — победой или поражением. Правда, таким, сереньким подчиненным новые дела тоже поручались (куда денешься!), но такие подчиненные тут же шли к Сталину, чтобы спросить его, как это новое дело сделать. Прямо они, конечно, не спрашивали, поскольку их должностное положение обязывало их принимать решения самим, но они «согласовывали» со Сталиным свои решения, как бы демонстрируя ему свою исключительную дисциплинированность и послушность.

Однако Сталину, чтобы согласовать какое либо решение своему подчиненному, требовалось разобраться в этом вопросе так же хорошо, как и самому подчиненному, то есть, таким «согласованием» подчиненные Сталина заставляли Сталина работать за себя и нести ответственность за те дела, которые Сталин поручил этим подчиненным. И деваться было некуда — Сталин вынужден был работать за таких «государственных деятелей», но справиться он мог только с их небольшими по масштабу делами — он успевал вникнуть в подробности таких дел, чтобы принимать по ним компетентные решения.

А среди подчиненных Сталина Берия был полностью самостоятельным и ответственным работником, которому без страха можно было поручить любое новое дело, и Сталин знал, что если Берия его не сделает, то тогда это дело не сделает никто.

Но это было не единственным достоинством Берии, которое знал и ценил Сталин.

Огромная эффективность Берии как руководителя достигалась прежде всего за счет его ума. (Сталин внутренне усмехнулся: этот довод мало действует на людей — ведь все «тоже умные». Вот в этом заключается незаметная для многих разница — все тоже умные, а Берия был просто умным). Сталин знал, что многие, зная Берию прежде всего как главу НКВД, уверены, что он каждого мог убить или посадить в лагерь, поэтому его подчиненные его боялись и только из-за этого страха становились очень трудолюбивыми.

Это не так, и даже не потому, что Берия никогда такой власти не имел. Просто умный руководитель никогда не станет пугать подчиненного. Если бы люди вдумывались в то, как функционирует система управления, то без труда поняли бы, почему это так. Запуганный самодуром-начальником подчиненный вынужден подавить в себе любую инициативу и работать только «от и до» — делать только то, что приказал начальник.

Ведь тут так. Если вы в подчинении у самодура и проявили инициативу, т.е. сделали нечто, чего он не приказывал, то тут два варианта. Это «нечто» может окончиться неудачей. Что с вами сделает начальник за то, что вы нанесли убытки самовольничая? При наличии небольшой фантазии, вы это легко себе представите. Второй вариант — вы добились успеха. Не спешите радоваться, результат может быть еще хуже. Если, действуя по своей инициативе, без приказа самодура-начальника, вы добьетесь успеха, то этим оскорбите его. Получится, что он такой дурак, который не догадался дать вам нужный приказ, а вы умнее его, и сделали трудное дело без его мудрых указаний. Конечно, он вас не накажет — победителей не судят, — но найдет способ отбить у вас желание самовольничать.

В результате у дурака-начальника умственный потенциал его подчиненных парализуется, а сам начальник не способен продумать и указать, что делать каждому подчиненному. Такой начальник может даже сам «пахать» днями и ночами, а его подчиненные все равно будут бездельничать, дожида-

ясь его указаний. И тут тоже два варианта. Если дело, которым командует дурак, запугавший подчиненных, развивается экстенсивно, т.е. растет количественно, то за счет этого какое-то время его дурость не будет видна и создастся впечатление, что такой стиль руководства эффективен.

Положим, дураку поручили выращивать зерно, и он в первый год приказал засеять 10 000 га, во второй 15 000, в третий 20 000 га и т.д. Объем получаемого зерна будет все время расти, за счет роста пахоты, создавая видимость благополучия. Но если прирост объема пахоты прекратится, и надо будет добиваться роста объема зерна интенсивным путем, т.е. в основном за счет ума подчиненных, то не только роста не будет, но и достигнутая эффективность начнет падать при увеличении числа наказаний и жестокости расправ.

Сталин вспомнил Кагановича — наркома путей сообщений. Пока правительство ежегодно давало ему дополнительные деньги, рельсы, шпалы, стройматериалы, паровозы, людей и т.д., он всех в своем наркомате «брал за горло», жестоко наказывал, и дела у него шли как будто прекрасно. Но началась война, экстенсивный рост НКПС остановился, перевозки надо было обеспечивать за счет ума подчиненных, и тут-то и выяснилось, что ни его личная работоспособность, ни наказания ничего не дают.

Умный руководитель сделает все, чтобы подчиненные его не боялись, сделает это не во имя дешевой популярности, а по деловым соображениям — чтобы не задавить в них инициативу. Если они ошибутся, то он простит, а если и накажет, чтобы подчиненный в следующий раз был вдумчивее и собраннее, то так, чтобы не запугать его. А если подчиненный отличился, то наградит его и будет за него искренне рад — ведь подчиненный эффективно сделал часть дела, порученного самому начальнику. Как же тут не радоваться?

Умный начальник, подумал Сталин, это не безвольный толстовец. Он может быть и зол на язык, и тяжел на руку, и

скор на расправу. Пока есть лентяи и разгильдяи— по-другому нельзя. Если не бить разгильдяев, то это будет вопиющей несправедливостью по отношению к добросовестным работникам. Ведь все кормятся от одного дела, и бездельники паразитируют на трудолюбивых. Умные начальники бездельников и разгильдяев кнутом заставляют отрабатывать свой хлеб, поскольку выгнать их не всегда удается: не всегда есть им замена, да и не всегда эту замену справедливо делать. Скажем, ленивый солдат. Что, его в тыл отправлять, а трудолюбивые пусть гибнут?

Сталин редко видел Берию в работе с подчиненными, но Сталин получал с мест и характеристики на него, и доносы, поэтому прекрасно представлял стиль руководства Берии. Сталин знал, что Берия всегда предупреждает руководителей предприятий об их личной ответственности за неукоснительное выполнение задания, но у Берии была уникальная способность воодушевлять подчиненных на работу. Естественно, у директоров промышленных предприятий в начале работы с Берией превалировал страх. Но постепенно у работавших с ним несколько лет чувство страха исчезало, и приходила уверенность, что Берия будет поддерживать их, если они успешно выполняют важнейшие народнохозяйственные задачи. Берия поощрял в интересах дела свободу действий крупных хозяйственников в решении сложных вопросов. То, что и требуется, подумал Сталин, жесткий контроль, исключительно высокая требовательность и вместе с тем умение создать у руководителя уверенность, что в случае добросовестной работы над поставленной задачей поддержка Берии ему всегда обеспечена.

А атомный проект был огромным делом с тысячами никому не известных подробностей, в которые Сталину, на тот момент главе Советского правительства, председателю Государственного Комитета Обороны, наркому (министру) обороны и фактическому генеральному секретарю партии, не хватило бы никакого времени вникнуть. Волей-неволей Ста-

лин вынужден был пойти на уступки Молотову и забрать у него атомный проект, чтобы сдвинуть это дело с мертвой точки, но кроме Берии атомный проект действительно просто некому было поручить.

СПЕЦКОМИТЕТ

— Что ты, Лаврентий, думаешь по этому вопросу? — наконец прервал паузу Сталин.

Берия уже был готов к ответу.

— Нам нужна быстрота, — ответил он, — поэтому, полагаю, что начать нужно со специального комитета под моим председательством. Это будет как бы законодательный орган всех работ по бомбе. Включить в него предлагаю следующих товарищей.

Берия вынул из папки, принесенной с собой, лист бумаги и протянул его Сталину, а тот окинул документ взглядом.

— Ванников, Первухин, Махнев, Завенягин — это понятно. Маленков — тоже. Курчатов — понятен. Ты считаешь, что Вознесенский со своим гонором будет хорошо работать под твоим началом? — спросил Сталин.

— Будет, конечно, постоянно вам на меня жаловаться, но куда он денется — если будет он, то и Госплан будет работать на бомбу быстрее.

— Думаешь, академик Капица по-настоящему подключится к созданию бомбы?

— У меня, на самом деле, надежда на Курчатова и на тех, кого он привлечет к проекту. А Капицу я предлагаю для очистки совести. Ученый он, может, и не плохой, но тип скользкий, скорее всего, он извернется, чтобы не нести ответственности. Но чем черт не шутит — вдруг действительно начнет работать и что-то сделает?

— Полагаю, что ты больше надеешься на получение разведданных, нежели на наших ученых.

— Не совсем так. Вы же знаете, кто организовал нам поставку сведений по американскому атомному проекту, — это люди, которые могут предать нас в любой момент, как только они сочтут это выгодным для себя. Да, в конце концов, и американскую контрразведку нельзя недооценивать. Так что американские ученые это хорошо, но и своих ученых надо готовить и подбирать для этого дела.

— Что еще? — Сталин вернул Берии документ, тем самым согласившись с предложенными кандидатурами членов Спецкомитета.

— Далее я хочу создать нечто вроде смеси из разных министерств, назовем его, предположим, первое главное управление, и подчинить это управление Спецкомитету — это будет его исполнительный орган.

— Что значит — смесь министерств? — не понял Сталин.

— Введу в состав этого управления действующих замов тех министерств, которые во многом определят решение этой проблемы.

— Но тогда ты посягнешь на единоначалие — у этих замов будет два министра — свой и ты.

— Тут мы, конечно, потеряем, — согласился Берия, — но зато возрастет скорость решения вопросов в этих министерствах.

— Кого предлагаешь во главу?

— Ванникова.

Сталин, усмехнувшись, оценивающе посмотрел на Берию.

— Надеешься, что прощеный предатель до конца жизни будет замаливать грехи самоотверженной работой?

— Не только на это. У Ванникова есть, конечно, и отрицательные черты, но он исключительно энергичен и болезненно честолюбив. Если мы пообещаем ему еще одно звание Героя, или даже два, то он будет землю носом рыть. А в данном случае только такие исполнители и нужны.

— Ты становишься главой атомного государства в государстве, — понимающе усмехнулся Сталин. — Хорошо, —

подытожил он, — готовь соответствующие постановления о создании Спецкомитета и этого ПГУ.

Берия напоминающее посмотрел на Сталина.

— Товарищ Сталин. Все же меня надо освободить для этого дела хотя бы от чего-нибудь.

— От чего?

— Вы же знаете — от должности наркома внутренних дел.

— А кого вместо тебя?

— Круглова, моего зама в НКВД.

Сталин сначала сделал движение, как бы соглашаясь с Берией, но потом все же заколебался.

— Нет, подождем немного — пока у тебя по бомбе организационный период и дел не много. А чуть позже решим и этот вопрос.

Поздним вечером 31 декабря 1945 года Берия все еще никак не мог закончить набежавшие дела и работал в своем кабинете, когда из Киева позвонил его лучший друг Хрущев.

— Ага, — закричал Никита в трубку, — все еще на работе сидишь, прохвессор! — Хрущев мало обращал внимания на необходимость заменить свой малороссийский выговор на великорусский. — Поздравляю тебя, и Нину, и Серго с Новым, 1946 годом и желаю, чтоб вам и елось, и пилось, и хотелось, и моглось! Домой езжай, прохвессор, домой! Пора праздновать!

— Спасибо, Никита! — Берия, сам забывший о поздравлениях, был искренне тронут звонком Хрущева. — Желаю, Никита, тебе и твоей Нине крепкого здоровья и удач в новом году! А с чего это ты взялся дразнить меня профессором?

— А ты что, обзоров заграничной прессы не читаешь?

— Да как-то руки не доходят.

— Тогда дай-ка я тебе прочту, что о тебе пишут империалисты, — в трубке было слышно, как Хрущев шуршит бумагами. — Вот из «Нью-Йорк таймс», — Никита начал, запинаясь, читать: *«Живой бывший начальник политической полиции — редкое явление в Советской России. На про-*

шлой неделе в России появилось такое лицо — профессорского вида маршал Берия перестал быть начальником НКВД. Преемником Берия Сталин избрал генерал-полковника Сергея Круглова, великана с лицом младенца (6 футов и 2 дюйма, 245 фунтов), который имеет вид полицейского и действительно является таковым». Так что, раз ты дела в НКВД уже сдал младенцу, то ты теперь только прохвессор, — смеялся Хрущев.

НЕФТЬ ДЛЯ НАРОДА

В феврале 1946 года Лаврентий был вызван в кабинет Сталина. Около торца длинного стола для заседаний уже сидел Байбаков, тут же прохаживается Сталин с трубкой в руках. И этой трубкой Сталин показал вошедшему Берии сесть напротив Байбакова.

— Товарищ Берия! Вчера я выступил перед своими избирателями и сообщил советскому народу контрольные цифры, которыми мы, правительство, должны руководствоваться при восстановлении народного хозяйства. В том числе я уверил советский народ, что через три пятилетки, то есть к 1960 году, добыча нефти в стране возрастет по сравнению с сегодняшним днем в три раза и достигнет 60 млн. тонн.

Я согласовал это число с вами, и вы одобрили эти 60 миллионов тонн, уверив меня, что фактически мы будем производить гораздо больше...

— Как?! Еще больше?! — ужаснулся Байбаков.

— А народный комиссар нефтяной промышленности товарищ Байбаков, считает производство 60 млн. тонн нефти в 1960 году авантюрой, считает, что в 1960 году мы будем краснеть перед советским народом за не выполнение этого авантюрного плана.

— Я так не говорил! — запротестовал нарком.

— Но это следовало из того, что вы сказали. Товарищ Берия, я действительно возложил на нефтяную промышленность совершенно невыполнимое задание?

— Товарищ Байбаков, у председателя Совнаркома товарища Сталина есть заместители, которые руководят и отвечают за группы наркоматов. Какой заместитель товарища Сталина руководит наркоматом нефтяной промышленности? — прищурившись, задал риторический вопрос Берия.

Байбаков, опуская голову, ответил упавшим голосом.

— Вы, товарищ Берия.

— Значит это я, не только согласовал товарищу Сталину дать вам задание в 60 млн. тонн нефти, но и себя обязал дать Родине эти 60 миллионов тонн, не так ли?

— Но Лаврентий Павлович,— начал оправдываться Байбаков, — я специалист-нефтяник, я ответственно заявляю — невозможно за 15 лет скакануть в добыче нефти в три раза. Мы сегодня качаем всего 19 млн. тонн в год, чтобы качать 60, нам нужно увеличивать производство, грубо говоря, на 20% ежегодно, мало того, делать это непрерывно в течении 15 лет! Это невозможно!

Берия уже прекрасно разбирался во всех вопросах добычи и переработки нефти, но, главное, руководство нефтяной и топливной промышленностью заставило его досконально разобраться в геологи и технологии горного дела, и быть в курсе всех новейших достижений в этих отраслях науки.

— А девонские залежи, а шельфовая нефть, а «второе Баку», а метод опорных скважин? — тут же быстро спросил он Байбакова. — Вы что же, собираетесь все это осваивать враскачку, не спеша?

— Но в стране разруха, у нас очень мало буровых станков и еще меньше обсадных труб — ведь для них нужна очень прочная сталь. Как без всего этого мы будем бурить скважины? — ужасался Байбаков.

— Товарищ Байбаков, стволы артиллерийских орудий — это тоже трубы из очень прочной стали, а сами буровые станки не сложнее артиллерийских систем, — веско ответил на эти опасения Берия. — Мы переводим на мирные рельсы артиллерийские заводы, на которых у нас есть обо-

рудование и специалисты, умеющие производить и прочные трубы, и сложные системы. Почему мы должны паниковать при мысли о тройном увеличении добычи нефти? Мы увеличим добычу гораздо больше, чем в три раза!

Сталин подошел к Байбакову, тот попытался встать, но Сталин чубуком трубки нажал на его плечо и посадил на место.

— Товарищ Байбаков, какими свойствами должен обладать советский нарком?

Байбаков, ненадолго задумавшись, ответил.

— Знанием своей отрасли, трудолюбием, добросовестностью... опорой на коллектив...

— Все верно, товарищ Байбаков, — подтвердил Сталин. — это очень нужные качества, но какие все-таки наиважнейшие?

— Ну, наверное, бережливость, самоотверженность...

— Еще что? — Сталин оставался недоволен ответом.

— Товарищ Сталин, я весь арсенал качеств наркома назвал. Буду рад, если вы мне что-нибудь подскажете..

— Все правильно товарищ Байбаков, — улыбнулся Сталин, и сам ответил с явственным грузинским акцентом, — но главного вы не сказали. У советского наркома должны быть «бичьи» нервы... плюс оптимизм!

Байбаков вышел, и Сталин с Берией остались наедине.

— Мы не ошиблись с этим юношей? — спросил Сталин.

— Не думаю, — ответил Берия, — просто он еще очень неопытен как нарком, отсюда все его страхи. Есть, конечно, и завихрения молодости — любит в ресторанах покрасоваться, как какой-то купчик или актриска, но я его от этого отучу. Тут дело в другом — он не имеет, не накопил нужных знаний для работы в такой должности, да и не один он — по топливному наркомату у меня такие же проблемы с наркомом. Это объективно, как говорится, даже если взять девять беременных женщин, то ребенка через месяц все равно не получишь.

— У тебя есть предложения?

— Надо временно разделить наркомат нефтяной промышленности на два аналогичных — на наркоматы юго-западного и восточного районов СССР. На второй поставим наркомом Евсеенко, кстати, и на него посмотрим в самостоятельном деле, может, он окажется лучше Байбакова. А года через три, когда наркомы будут готовы снова объединим. То же надо сделать и с топливным наркоматом. А пока наркомом всей нефтяной и топливной промышленности СССР придется побыть мне.

— Много на себя валишь, Лаврентий.

— А куда денешься? Пока они самостоятельно не работают, мне все равно приходится их работу делать, а так они быстрее научатся.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Через 10 лет, к 1955 году, Советский Союз добывал уже 70 млн. тонн нефти, а через 15 лет, в 1960 году, добыл 147 млн. тонн — не в три, в почти в 8 раз больше, чем в 1945 году.

Глава 2

БЕРИЯ: КАКИМ ОН ПАРНЕМ БЫЛ

ПЕРЕБОР КАВКАЗЦЕВ

18 марта 1946 года проходило заседание Политбюро, на котором присутствовал сам Сталин.

По конституциям СССР 1918, 1924, 1936 гг. население страны избирало депутатов высшего законодательного органа страны — Верховного Совета. Депутаты Верховного Совета (Советская власть) принимали законы страны и назначали Правительство СССР — Совет Народных Комиссаров (с 1946 г. — Совет Министров). Правительство руководило страной: организовывало всех на исполнение Законов и Указов Верховного Совета, т.е. Советской власти.

Правительство состояло из народных комиссариатов (министерств), руководили ими народные комиссары (министры), их всех возглавлял председатель Совета Народных Комиссаров (председатель Совета Министров) — конституционный глава страны. Персонально главами СССР от Октябрьской революции по смерть Сталина были: В.И.Ленин — по 1924 г., А.И.Рыков — по 1930 г., В.М.Молотов — по 1941 г., И.В.Сталин — по 1953 г.

Верховный Совет СССР в полном составе (все депутаты) собирался на свои сессии не реже двух раз в год, в промежутках законодательную власть осуществлял (менял министров, издавал указы и т.д.) Центральный Исполнительный Комитет Верховного Совета СССР. В 1938 г. он был переименован в Президиум Верховного Совета СССР. Председателями ЦИК (Президиума) были: Я.М.Свердлов — по

1919 г., М.И.Калинин — по 1946 г., Н.М. Шверник — по 1953 г., в 1953 г. — К.Е.Ворошилов. Так было организовано официальное конституционное управление СССР.

Для контроля за властью в стране— за тем, чтобы она безусловно служила всему народу, правящая партия- ВКП(б) — выстроила параллельную официальной (конституционной) власти структуру. Номинально считалось, что это структура управления только самой партией (повторю — в Конституции такая структура не была предусмотрена как орган госуправления), но фактически структура управления партией, контролируя конституционную власть, управляла и этой властью, и всей страной.

Параллельное управление СССР происходило по следующей схеме.

Элита страны, ее лучшие люди, готовые на труд и бой за страну и ее идеальное справедливое будущее — Коммунизм, вступали в ВКП(б). Коммунисты избирали себе руководителей первичных, районных, областных, республиканских организаций и всей партии прямо или через делегатов съездов. Формально высшими руководящими органами партии были собрания или съезды, но фактически партией (и страной) руководили избираемые этими собраниями и съездами постоянно действующие органы: парткомы, райкомы, обкомы, центральные комитеты. Центральные комитеты (ЦК) избирались республиканскими компартиями и всей ВКП(б), но постоянно действующими они были формально, поскольку фактически они, в лучшем случае, собирались на пленумы три раза в году. А непрерывно всей партией руководили избираемые Центральным Комитетом ВКП(б) органы, в котором было по мере роста численности партии от 70 до 130 членов ЦК. Центральный Комитет ВКП(б) избирал: политическое бюро (Политбюро), в котором обычно было 10 человек и несколько кандидатов в члены Политбюро; и несколько (обычно 5) секретарей партии (одного из секретарей ЦК назначал «генеральным», в республиках — «первым»).

Любой мало-мальски важный вопрос, требующий вмешательства государственной власти СССР, поступал сначала к секретарям и в Политбюро, там рассматривался, и если он мог быть решен на основании действующих законов, то Политбюро его решало, а решение передавало Правительству СССР для исполнения. Официальный глава СССР — председатель Совнаркома (Совмина) — всегда был членом Политбюро и председательствовал на его заседаниях. Получалось так, что он перед тем, как рассмотреть вопрос со своими министрами, сначала рассматривал его с товарищами по партии.

Если же вопрос требовал изменения законов Советского Союза, то решение Политбюро адресовалось в Президиум Верховного Совета, и Президиум издавал соответствующий указ — либо изменял, либо принимал новые законы, утверждая их впоследствии на съезде или сессии Верховного Совета. А Председатель Президиум Верховного Совета, то есть, глава Советской власти, тоже был обязательным членом Политбюро. И в данном случае тоже получалось, что глава Советской власти, перед тем как рассмотреть изменение законов со своими товарищами, членами Президиума и депутатами, рассматривал это изменение законов сначала с товарищами по Политбюро.

Получалось, что по Конституции партия вроде и ни при чем, но фактически она управляла государством.

Членами Политбюро при Сталине, как правило, были наиболее выдающиеся на тот момент государственные деятели (поскольку в то время партийных и государственных деятелей невозможно было разделить — это было практически одно и то же).

Сначала Сталин был Генеральным секретарем партии и членом Политбюро как бы от партии, но потом он добился, чтобы должность Генсека упразднили, и он был просто одним из пяти секретарей партии. Но в глазах большинства и партии и народа он был вождем, и это его выделяло среди всех. Такой должности — «вождь» в стране не было,

и Сталин был вождем потому, что был Сталиным, то есть эта должность намертво была связана только с ним.

Пока Сталин официально был только одним из пяти секретарей партии, то он на Политбюро рассматривал абсолютно все вопросы и партии, и государства: и экономические, и государственного строительства, и военные. Рассматривал как вождь. Но когда в 1941 году Сталин стал главой СССР — председателем Совнаркома, — заседания Политбюро для него стали ненужной обузой, потерей времени. С наиболее деятельными членами Политбюро — Молотовым, Берией, Ворошиловым, Кагановичем, Микояном — он совещался как глава страны со своими министрами. Собирать их еще раз на заседании Политбюро для повторного обсуждения уже принятых вопросов и только для того, чтобы обозначить «руководящую роль партии», было глупо. И с началом войны на Политбюро стали рассматриваться только кадровые вопросы, вопросы пропаганды, награждения и помилования и вопросы контроля за силовыми структурами государства. Если в 1940 г. вопросы народного хозяйства Политбюро рассматривало непрерывным потоком, начиная от государственного бюджета, кончая организацией питания на отдельных предприятиях, то с 1942 года вопросы экономики отсутствуют начисто. Практически единственными случаями, когда Политбюро вспоминает о деньгах, были случаи выплаты гонораров «прогрессивным писателям» и помощи «прогрессивным газетам» за рубежом, т. е7 это все те же вопросы пропаганды.

С 1941 года совместные решения партии и правительства Сталин подписывал только как председатель Правительства СССР. От партии эти документы подписывал один из секретарей ВКП(б): сначала А.А. Жданов, после его смерти — Г.М. Маленков. Чрезвычайно загруженный как глава страны, Сталин стал пропускать заседания Политбюро, согласовывая его решения по телефону или после того, как оно уже состоялось, но сегодня он решил прийти на заседание ввиду сложности рассматриваемого вопроса.

— ...Вопрос Секретариата Центрального Комитета,— наконец подошел Жданов к вопросу, из-за которого на Политбюро пришел и Сталин. — Товарищи, после смерти товарища Щербакова мы никого не вводили в состав Политбюро, а тут еще тяжело... если не сказать больше, заболел Михаил Иванович Калинин, и практически не работает. Секретариат ЦК предлагает на предстоящем пленуме предложить Центральному Комитету утвердить членами Политбюро кандидатов в члены Политбюро товарищей Берию и Маленкова, а кандидатами в члены Политбюро избрать товарищей Булганина и Косыгина.

— Этот вопрос — не вопрос, — тут же заявил Хрущев, который давно был в дружеских отношениях с Берией. — Давно пора! Я — за!

— Нет, товарищи, подождите, — остановил Хрущева Сталин. — На самом деле в отношении товарища Берии вопрос есть. Нас в Политбюро всего 10 человек, при этом я — русский грузинского происхождения, и товарищ Берия тоже. Да еще и товарищ Микоян — кавказец. Не много ли у нас в Политбюро будет кавказцев?

— Товарищ Сталин, — удивился Молотов, — мы партия интернационалистов, ставить вопрос таким образом нам просто недопустимо!

— Вообще-то, три кавказца в Политбюро — это перебор, — задумчиво подтвердил армянин Микоян.

— Вот ты и выйди, чтобы перебора не было, — тут же шутлива среагировал Хрущев.

— Разве Берия еврей? — Каганович формировал свой словарный запас еще до революции и ему более привычным было слово «жид», поэтому он «еврей» произносил как «яврей». — Если бы был еврей, то тогда да, тогда были бы разговоры. А еврей в Политбюро я один, значит, все в порядке. Если не еврей, то кто там будет смотреть, кто он?

— Хорошо, но тогда давайте соблюдем формальности и заслушаем биографию товарища Берии, — после некоторых раздумий подвел итог Сталин.

Жданов растерялся.

— Товарищ Сталин, я не подготовил, думал, мы все ее знаем.

— Хорошо, тогда давайте вспомним, что мы знаем о товарище Берия. Пожалуй, на правах председательствующего в Политбюро, это сделаю я, — вспоминая, начал Сталин.

Л.П. БЕРИЯ. СПРАВКА

Родился товарищ Лаврентий Павлович Берия на Кавказе, в партию вступил после февральской революции и сначала начал работать по линии ЧК. Причем, чекистом был очень хорошим, был награжден орденами, товарищ Дзержинский наградил его почетным оружием за ликвидацию уголовного бандитизма на Кавказе, а также за ликвидацию дашнаков и разного капиталистического отребья. Где-то в конце 20-х партия поручила ему пост председателя ЧК всех закавказских республик, а он вдруг пишет заявление с просьбой дать ему возможность стать студентом. Вы можете себе такое представить, чтобы при царе жандармский генерал вдруг запросил бы отставку, чтобы стать студентом?

— Товарищ Сталин, — поправил вождя Берия, — я тогда еще не был председателем ЧК, я был заместителем по оперативной работе.

— Ну, значит, жандармский полковник. Вот такой у нас товарищ Берия: был чуть ли не генералом, а хотел стать простым инженером-строителем.

— Думаю, товарищ Сталин, что я был бы не простым, а хорошим инженером-строителем, — слегка улыбаясь от этих воспоминаний, возразил Берия.

— В этом мы не сомневались, — подтвердил Сталин, — но отпустить товарища Берию учиться не могли.

А в 1930 году коммунисты Кавказа избрали его первым секретарем Закавказского крайкома, и мы получили на Кавказе очень энергичного и толкового хозяина. Для сравнения, СССР в те годы развивал экономику так, как и не снилось

никому в мире, а товарищ Берия развивал экономику Закавказья в два раза быстрее, чем в среднем СССР. При нем мы развили нефть Каспия, при нем Грузия получила металлургию, при нем заработал ферросплавный завод в Зестафони. А металлургический комбинат в Рустави тоже при тебе?

— Нет, мы только начинали его проектировать.

— А как при товарище Берия преобразился Тбилиси! Ведь Тифлис всегда был грязной захолустной деревней, а при нем он получил канализацию, водопровод, множество дворцов и прекрасных жилых домов. Почему я и говорю, что мы не сомневаемся, что товарищ Берия был бы прекрасным инженером-строителем. Впрочем, он и так им является.

А Колхида? Ведь это были сплошные малярийные болота! Товарищ Берия завез на древнюю землю Колхиды эвкалипты и осушил болота. А чай, наш грузинский чай.

— Чай, товарищ Сталин, начали разводить без меня, еще до революции, — немного смущенный похвалами вождя, поправил Берия.

— А сколько его было? Это при вас, товарищ Берия, производство чая увеличилось, если мне память не изменяет, раз в 60.

Товарищ Берия был на своем месте, но у Советского Союза возникла беда — ежовщина, — нахмурился Сталин. — Получив поручение избавить Советский Союз от пятой колонны троцкистов и прочей нечисти, предатель Ежов подобрал в НКВД негодяев и обрушил террор на сотни тысяч честных людей. Потом мы узнали, что мерзавец Троцкий дал команду своим людям при аресте оговаривать как можно больше невинных людей. И в логике мерзавцу Троцкому не откажешь! Ведь, во-первых, создавалась видимость, что сторонников Троцкого в СССР очень много, а, во-вторых, троцкисты считали, что «всех арестовывать не будут» — прятались, негодяи, за спинами честных людей.

Мне как-то рассказывал генерал Горбатов,— отвлекся Сталин, — если помните, командующий 3-й армией в войне. Он был арестован и невинно осужден при Ежове, так вот,

он вспоминал, что вместе с ним в лагере сидел троцкист, который один оклеветал около 300 человек! Руководствовался, негодяй, принципом: «Чем больше — тем лучше!»

Разобрать завалы ежовщины мы могли поручить только умному и честному коммунисту. И выбор партии пал на товарища Берию, хотя прямо скажем, товарищ Берия очень не хотел становиться народным комиссаром внутренних дел СССР.

— Отчаянно отказывался, — подтвердил Хрущев.

— Но товарищ Берия со своим опытом прекрасного чекиста нужен был партии именно в НКВД. На этом посту товарищ Берия очистил аппарат НКВД от той дряни, которая туда проникла при Ежове, да еще и при Ягоде. Как мне помнится, из ежовского НКВД был вычищен чуть ли не каждый четвертый сотрудник, существенную часть уволенных пришлось осудить, а наиболее выдающихся мерзавцев — расстрелять. В том числе, и в назидание тем, кто в НКВД остался работать. Одновременно товарищ Берия привлек на работу в НКВД около 15 тысяч честных коммунистов из партийных органов, из армии, из промышленности.

Эти новые сотрудники под руководством товарища Берии перестроили работу НКВД и начали пересмотр всех дел, выявляя невинно осужденных. Их реабилитировали, возвращали в экономику, в армию. Я упомянул генерала Горбатова, а ведь в первую очередь надо было бы вспомнить нашего самого выдающегося фронтового полководца — маршала Рокоссовского. Он ведь тоже был возвращен в армию благодаря реабилитации, проведенной товарищем Берией. Если я правильно помню, то только в 1939 году было реабилитировано около 900 тысяч человек.

— Около 350 тысяч, товарищ Сталин, — опять поправил Берия.

— А если подсчитать вместе с возвращенными из ссылки? — спросил Сталин, задумавшись.

Берия, в свою очередь, тоже задумался.

— Тогда да, тогда примерно столько.

— Но товарищ Берия не был всепрощающим исусиком, — продолжил Сталин, — он продолжал разоблачать и уничтожать «пятую колонну» предателей...

— Но делал это недостаточно хорошо! — перебил Сталина Ворошилов.

— Что и кого вы имеете в виду, товарищ Ворошилов? — удивился Сталин.

— Мерецкова, Павлова, Смушкевича, Рычагова и других арестовали слишком поздно, а их предательство разве забудешь? — зло прищурившись, напомнил Ворошилов.

А вспомнил он трагические события только что закончившейся Великой Отечественной войны.

ПРЕДАТЕЛИ

И эти события вспомнили все члены Политбюро.

Вечером 29 июня 1941 года в этом же кабинете тоже проходило заседание Политбюро, собранное на скорую руку. Присутствовали только Сталин, Берия, Молотов, Маленков и Микоян.

Берия ознакомил членов Политбюро с протоколами допросов предавших Родину генералов Красной Армии. Он подводил итоги.

— ...В предательстве этих негодяев нет сомнений,— с горечью констатировал Берия. — Мерецков показал, и это подтверждено другими фактами, что эти предатели по заданию Уборевича, то есть по заданию Троцкого, своим людям создавали легенды, как выдающимся полководцам, и расставляли их на ключевые посты. В частности, такая легенда выдающегося танкиста была создана, ныне генералу армии, Павлову, и это меня очень беспокоит — ведь Павлов и сейчас командует Западным фронтом.

— Как сейчас проверишь — по заслугам или нет повышали Павлова? — засомневался Молотов. — Менять командующего фронтом всего через неделю после начала войны —

это будет похоже на панику. Да и как Павлов на таком посту мог предать, по каким мотивам?

— Они, эти генералы, не верят, что могут разбить немцев, они считают это нереальным и поэтому заранее готовы им сдаться, чтобы выслужить себе высокие должности у Гитлера, — пояснил Берия.

— Ну, это уж слишком — как коммунисты будут служить фашистам? — возмутился Молотов.

— Такие коммунисты, как они, будут служить кому угодно. Вот прочтите, — Берия открывает один из протоколов и передает его Молотову, — что показывает Мерецков о своем разговоре с Павловым во времена финской войны. Они с Мерецковым еще в 1940 году договорились до того, что им при немцах будет не хуже, чем при советской власти.

— Как это понять? — не понял Микоян. — Как это «не хуже»?

— Видимо, считают, что, захватив СССР, Гитлер сформирует в отдельных республиках колониальные войска по типу британских в Индии, а Мерецков с Павловым останутся на генеральских должностях в этих колониальных войсках, — понимающе сказал Молотов, догадавшись. — Если, конечно, будут иметь перед Гитлером заслуги.

И Сталин, и члены Политбюро знали, что сразу после победы над Францией Гитлер уверенно заявил начальнику Генштаба Германии: *«Теперь мы показали, на что мы способны. Поверьте моему слову, Кейтель, русский поход по сравнению с этим всего лишь штабная игра»,* — советская разведка об этом хвастовстве донесла. Но они не знали, что как только стало известно о начале операции «Барбаросса», практически все до одного военные специалисты мира тоже предсказали скорый крах России. Американские военные эксперты рассчитали, что Советский Союз продержится не больше трех месяцев. Черчилля засыпали такими же неточными прогнозами: фельдмаршал Джон Дилл, начальник генерального штаба Британской империи, дал Красной армии всего шесть недель. Посол Великобритании в Москве Стаф-

форд Криппс считал, что она продержится месяц. Самыми неточными были оценки английской разведки: она считала, что русские продержатся не больше десяти дней.

А какие еще прогнозы они могли дать?

Ведь, что касается оценки русской (советской) армии и ее полководцев, то что во всем мире могли о нас думать? Последние цари довели русскую военную машину до полного маразма. Еще за 100 лет до Второй мировой войны, в 1854—1855 годах вся русская армия не сумела сбросить в море англо-французский десант, высадившийся в Крыму. Русско-турецкая война 1877—1878 годов была хотя и победной формально, но явила такую беспомощность русской военной машины, что русская военно-историческая комиссия, которая должна была бы оценить итоги этой войны для изучения их в военных учебных заведениях, не смогла этого сделать вплоть до Первой мировой, — не смогла сделать хоть какие-то выводы даже для Академии Генштаба. В 1904-1905 годах Россия позорно проигрывает войну существенно более слабой Японии. Полный маразм явила Россия и в Первую мировую войну, как в плане организационном, так и в плане военном, включая качество генералитета и офицерства русской армии. Скажем, по итогам войны на 13 914 убитых и раненых в боях офицеров, 14 328 человек спокойно ожидали конца войны в плену у немцев, а русские генералы были еще и почище офицеров: на 33 убитых генерала 73 сидело в плену. Строили-строили перед войной линию крепостей для защиты России от немцев — Ковно, Вильно, Гродно, Ломжа, Остроленка, Рожаны, Пултуск, Зегрж, Новогеоргиевск, Варшава и Ивангород, — а ни одна из них и не подумала защищаться. Гарнизоны русских крепостей или сбежали при виде немцев, или сразу же сдались. Ну, и как их сравнить даже с австрийской крепостью Перемышль, которую русские войска осаждали 6 месяцев? А как это позорное поведение русских войск по защите своих крепостей сравнить с отчаянностью французов и с решимостью немцев в «Верденской мясорубке»? Семьдесят дней немцы штурмовали француз-

скую крепость Верден и ее форты, потеряв 600 тысяч человек, а защищавшиеся и потом контратаковавшие французы потеряли 358 тысяч! Русскую армию уже давно во всем мире презирали, и у мира были на то основания.

Гражданская война 1918—1920 годов не в счет, поскольку русские дрались с русскими. А первое же столкновение с иностранной армией, а это была армия всего-навсего Польши, окончилось крахом для красных полководцев. Никто не принимал во внимание то, что маршал Блюхер куплен японцами, а его дикую неспособность в августе 1938 года сбить шесть японских батальонов с сопок у озера Хасан все воспринимали как уже традиционную неспособность русских к войне. Бои на Халхин-Голе в 1939 году, которые велись, по представлению европейцев, где-то в пустыне на краю мира, не впечатлили даже крохотную Финляндию, нагло развязавшую в том же году войну с СССР с целью захватить Карелию и Кольский полуостров. А то, что Финляндия держалась против СССР четыре месяца, произвело впечатление не только и не столько на англичан и немцев, сколько на самих советских полководцев.

Традиционное низкопоклонство российской интеллигенции перед Западом, так или иначе распространяемое и на армию, произвело парализующее действие на генералитет и офицерство Красной Армии — куда нам, сиволапым, с немцами тягаться! Польша была завоевана Гитлером за 27 дней, Дания — за 24 часа, Норвегия — за 23 дня, Голландия — за 5, Бельгия — за 18, Франция — за 39, Югославия — за 12, Греция — за 21 день и Крит — за 11.

Вот этого Политбюро недоучло — недоучло, что советские генералы будут предавать и готовить себе почву для службы под знаменами Гитлера. Как, скажем, командующий ВВС генерал Рычагов, который перед войной дал команду снять с советских истребителей радиостанции, или как генерал Мерецков, вносивший в мобилизационный план заведомо невыполнимые задания.

— Этого гада Павлова надо немедленно арестовать! — предложил Маленков.

— Я бы не спешил,— остановил Маленкова Берия.— Нужно, думаю, послать на Западный фронт кого-то, кто бы вошел в курс дела и принял под свою команду войска фронта, а потом арестовать Павлова, но не как предателя, а за какое-либо воинское преступление. Если Красная Армия узнает, что Павлов предал, не будет веры никаким генералам. А как воевать с мыслью, что твой генерал — предатель?

— Надо будет переговорить с Тимошенко, возможно, можно будет послать на Западный фронт маршала Шапошникова, — подытожил Сталин. — Он, правда, всю жизнь в штабах просидел, но в данном случае это, возможно, и лучше. — Обращаясь к Берии: — Что еще?

— Арестованный Ванников показывает, что членом их организации был Михаил Каганович, брат Лазаря Моисеевича. С одной стороны, нет никаких иных фактов, кроме этого показания, с другой стороны, еврей обвиняет еврея, — довольно редкий случай. Михаил Каганович — член ЦК, и в таких случаях Политбюро обязано устроить Ванникову и Михаилу Кагановичу очную ставку в присутствии членов Политбюро. Ванников у нас в Москве, Михаил Каганович в Казани, я его пригласил в Москву на 1 июля. Надо бы договориться о сборе членов Политбюро в этот день. Особенно желателен, сами понимаете, Лазарь Моисеевич Каганович.

Борис Львович Ванников до ареста уже два года был наркомом (министром) вооружений СССР, он тоже был членом ЦК и, кроме этого, в свое время был другом Михаила Кагановича. Членам Политбюро было над чем задуматься.

— Лазарь мечется по узловым станциям, расшивает пробки для движения воинских эшелонов к фронту, — раздраженно сказал Сталин. — Как его вызовешь? Он будет мне звонить, я ему сообщу о брате, но приедет он или нет к 1-му числу, неизвестно. Да неизвестно и где будут остальные члены Политбюро. Товарищ Маленков будет, скорее всего, в Москве, вот вы с ним от имени Политбюро и проведите очную ставку Ванникова с Михаилом, а если подъедет Лазарь, то и с Лазарем.

ПАНИКА ГЕНЕРАЛОВ

В это время вошел секретарь Сталина Поскребышев, и, не прерывая разговора членов Политбюро, положил перед Берией лист бумаги со словами: «Вы говорили, что это нужно срочно». Берия быстро пробежал короткую записку и озабоченно покачал головой.

— Агентурное сообщение подтвердилось — я не хотел о нем говорить, не проверив,— немцы захватили Минск. Еще вчера. Сейчас об этом начали вопить все европейские радиостанции.

Все присутствовавшие опешили.

— Что?!

— Как?!

— Почему мы об этом ничего не знали?!

Сталин с тревожной задумчивостью жестом прекратил вопросы

— Что-то непонятное творится с командованием Красной Армией. Давайте-ка, все вместе съездим в Наркомат обороны к нашему Верховному главнокомандующему.

То, что немцы захватили столицу Литовской ССР Вильнюс, еще можно было понять, так как этот город находился менее чем в ста километрах от границы. Но Минск!!

На второй день после начала войны в СССР была образована Ставка Главного Командования и председателем Ставки, то есть, Верховным Главнокомандующим Красной Армии был нарком обороны, маршал С.К. Тимошенко. Когда Сталин и члены Политбюро вошли в его кабинет, Тимошенко уже стоял возле длинного стола, на котором начальник Генерального штаба Красной Армии Т.К. Жуков разложил карту фронтов, от Баренцева до Черного моря. Все ожидали немедленного доклада о падении Минска, но Жуков, откашлявшись, бодрым голосом сообщил положение армий на фронтах и подытожил.

— В целом на всех фронтах от Балтики до Черного моря идут ожесточенные бои. Соединения Красной Армии контр-

атакуют, на Юго-Западном фронте — довольно успешно, но немцы на некоторых участках сумели вклиниться в нашу оборону, особенно глубоко— в полосе Западного фронта. Здесь у нас явно не хватает сил и срочно требуется переброска резервов на это направление.

Сталин довольно долго лично изучал карту, по которой сделал доклад Жуков, а потом, показав карандашом на район западнее Минска, спросил.

— Почему здесь, с Брестского направления, немцы так глубоко вклинились? Почему здесь не было наших соединений, чтобы остановить их?

— Тут должны были действовать соединения 4-й армии — 22-я танковая, 6-я и 42-я стрелковые дивизии, но, как сейчас выясняется, немцы уничтожили их артиллерийским огнем в Бресте еще утром 22 июня, — доложил, замявшись Жуков.

— Вы хотите сказать, что эти дивизии не только не вывели из Бреста на боевые позиции, но даже не подняли по тревоге, и немцы расстреляли их, спящих, артиллерией через Буг с расстояния винтовочного выстрела?! — переспросил Сталин.

— Так получилось, товарища Сталин, — начал Жуков, оправдывающейся скороговоркой. — Я Павлову еще 18 июня, за четыре дня до войны, телеграммой дал распоряжение привести войска в боевую готовность, и почему он не вывел войска из Бреста, я не знаю.

— А у нас что — в Красной Армии уже не контролируется исполнение приказов? — В голосе Сталина уже явно слышались металлические нотки.

— Мне не доложили! — в отчаянии воскликнул Жуков.

— А вы приказывали своим подчиненным, доложить вам? — зло настаивал на ответе Сталин.

— Они должны были сами... — у Жукова уже явственно дрожал голос.

— Тут положение, товарищ Сталин, еще хуже, — с горечью признался Тимошенко. — Этих дивизий вообще не

должно было быть на зимних квартирах в Бресте. По планам боевой подготовки они еще 15 июня должны были быть выведены для обучения в летние лагеря, но Павлов их почему-то не вывел.

— И вы этого не знали?? Кто контролирует дислокацию войск Красной Армии?

— Генштаб... — Жуков уже плохо себя контролировал, у него все дрожало — и руки, и губы.

— Кто начальник Генштаба? — глядя на Жукова в упор, тяжелым голосом задал не требующий ответа вопрос Сталин.

— Мне не доложили... — голос Жукова срывался.

Для всех членов Политбюро стало понятно, что эти генералы, так до войны подсиживавшие друг друга, так стремившиеся на свои генеральские должности, так охотно писавшие друг на друга доносы, по сути, не способны воевать — не способны провести в жизнь даже элементарное военное решение, такое, как приведение войск в боевую готовность накануне войны.

Сталин тяжело посмотрел на Жукова, и тот опустил голову под его взглядом. Жуков понял, что Сталин вспоминает раннее утро 22 июня, когда по получении от Молотова сообщения о том, что немцы официально объявили войну СССР, Жуков бодро предложил обрушиться на немцев всеми сосредоточенными у границ силами и уничтожить. Теперь Жуков предстал перед правительством не начальником Генштаба, а безответственным болтуном, не соображающим, ни что происходит на фронтах, ни что он предлагает. Но на этом испытания Жукова не закончились.

— Что с Минском? — спросил Сталин, пытаясь сдержаться.

— Все подходы к Минску перекрыты, немцы Минск не возьмут! — отрапортовал Жуков.

— Что?!! — сорвался и закричал Сталин. — Вы не знаете, что Минск немцы взяли еще вчера?!!

— Как взяли?! — хором с ужасом воскликнули Тимошенко и Жуков.

— Вы почему не знаете, что происходит на фронтах?!! — закричал на них, уже очевидно взбешенный Сталин.

— Ухудшились условия связи, не все донесения с фронтов проходят... — залепетал Жуков.

— Да как же вы, верховный главнокомандующий и начальник Генштаба, мать вашу, можете командовать фронтами, не имея с ними связи?!! Кто отвечает за связь в Красной Армии? — звенящим голосом спросил Сталин.

— Вышестоящие штабы, — опустив голову, проговорил Тимошенко.

— Кто отвечает за связь Ставки с фронтами?! — продолжал экзамен Сталин.

— Генеральный штаб, — уже, по сути, пищал Жуков.

— Кто начальник Генерального штаба?! — вновь задал вопрос Сталин.

Жуков, наконец, не выдержал и, закрыв лицо руками, заглушая рыдание, выбежал из кабинета. Молотов, потрепав Сталина за рукав, негромко сказал, выходя вслед за Жуковым.

— Спокойно, Коба!

— Думаю, тут два вопроса, — вступил в разговор Берия. — Немцы открыли себе кратчайший путь на Москву. Судя по всему, это свершившийся факт. Надо искать силы и чем-то перекрыть им дорогу. Потом, нужно как-то спасать остатки войск Западного фронта.

— Что мы можем найти немедленно? — спросил Сталин Тимошенко.

— Я уже думал: мы можем перебросить две армии с Юго-Западного направления, — Тимошенко все же старался держать себя в руках и отвечать осмысленно.

— Какие? — потребовал уточнить Сталин.

— Вот и вот, — Тимошенко показал расположение армий на карте.

Сталин задумался, оценивая, сколько времени может занять их переброска на Западное направление. В это время Молотов ввел в кабинет вздрагивающего от икоты Жукова, бросающего затравленные взгляды на Сталина.

Как ни странно, но эта бабья истерика Жукова вызвала к нему доверие — если бы был предателем, то подготовил бы ответы на вопросы Сталина, а реакция начальника Генштаба с его искренними рыданиями характеризовала его, как глупого разгильдяя, а не как врага.

— Давайте приказы о переброске на Западное направление этих армий, — скомандовал Сталин Тимошенко, а потом обратился к Берии. — Вернетесь в Совнарком, разыщите Кагановича, пусть проследит, чтобы эшелоны под эту переброску войск подавались бесперебойно, — затем вновь повернулся к Тимошенко — Сосредоточьте авиацию для прикрытия станций погрузки и выгрузки войск от действий немецких бомбардировщиков, — И, немного подумав, добавил. — Маршал Кулик в Москве?

— Да, — подтвердил Тимошенко.

— Немедленно отправляйте его к Павлову с задачей объединить под одним командованием оставшиеся силы Западного фронта, — распорядился Сталин. — Кулик, конечно, маршал своеобразный, но в храбрости ему не откажешь.

— Вы думаете, что мы недостаточно храбры?!

Сталин, вздохнул и зло ответил.

— Я не знаю, что думать, товарищ Тимошенко. Советский народ дал Красной Армии танков больше, чем есть у какой-либо иной армии в мире, советский народ дал вам самолетов больше, чем есть у кого-либо, обеспечил артиллерией и стрелковым оружием, вверил вам, полководцам Красной Армии, миллионы своих сынов, а вы чем народу ответили? Тем, что отдали немцам на убой лучших сынов советского народа?!

После этих слов Сталин резко сломал в руке карандаш, бросил его на карту и, не прощаясь, пошел к выходу; члены Политбюро, попрощавшись, последовали за ним. Перед входом в наркомат Сталин остановился у своей машины и подождал подошедших Берию, Молотова, Маленкова и Микояна.

— Ленин оставил нам великое наследие, — с горечью констатировал Сталин, — а мы — его наследники — все это просираем. — И, помолчав, добавил: — Я буду работать в Кунцеве, а вы думайте, что можно предпринять.

НАЧАЛО ПОБЕДЫ

Молотов в эту ночь безуспешно пытался заснуть и под утро 30 июня 1941 года по пути в кабинет, зашел к вернувшемуся с фронта Председателю Президиума Верховного Совета М.И. Калинину. Подслеповатый «всесоюзный староста» по крестьянской привычке начинал работу очень рано, и теперь, узнавая Молотова скорее по голосу, успокаивал

— Не паникуй, Вячеслав. Немцы нам, конечно, морду набьют, на то они и немцы, народ основательный. Но они с нами теперешними не совладают. Мы — русские, нам надо быстрее разозлиться. А когда разозлимся, то с нами и немцы ничего не поделают. Не отчаивайся, иди, работай!

Теперь перед Молотовым лежал чистый лист бумаги, в руках он вертел карандаш, но никаких нужных решений в голове не было. К десяти часам зашел Берия и, подсев к столу, спросил.

— Есть решения, Вячеслав Михайлович?

Молотов раздраженно встал и начал ходить по кабинету.

— Какие, к черту, решения? Мы же не занимались военным делом, не изучали его. Не знаю, как Сталин, он читает книги по 500 страниц в день, может, читал и что-то по военному искусству, и командованию армиями во время войны, но мне-то было не до этого! Партия в этом вопросе полагалась на этих говняных полководцев Красной Армии, а они, видишь, что из себя представляют... Что тут придумаешь!

— Думаю, что начать нужно с государства, — не обращая внимания на раздражение Молотова, предложил Бе-

рия. — Уже понятно, что войны «малой кровью, оглушительным ударом» не получится. Эта война потребует исключительного напряжения всех сил советского народа, а для этого все эти силы нужно сконцентрировать на ведении войны, и сделать это можно только в случае, если управление народом будет осуществляться из одного центра. Этот центр должен быть всевластным. Он должен быть и высшей законодательной властью, и исполнительной, и судебной. Как в Гражданскую войну, когда вся власть была сконцентрирована в Совете Труда и Обороны.

Если мы это не сделаем, то погрязнем в волоките, — со знанием дела констатировал Берия. — Тут и в мирное время недели проходят, пока президиум Верховного Совета простые вопросы разжует, или пока в Совнаркоме Вознесенский все свои недоумения выскажет, а что будет сейчас, когда все вопросы, которые требуют решения, страшны, и ответственность за них огромна? Нужен один центр власти со всей полнотой ответственности!

Я думаю, что его можно назвать Государственным Комитетом Обороны и организовать в составе трех человек: председатель товарищ Сталин, вы — заместитель и Ворошилов — член Комитета от армии. Кстати, Климент Ефремович ночью прилетел с фронта и сейчас у себя.

— Знаешь, Лаврентий, — немного подумав и осознав значение предложения, дополнил Молотов,— без твоей энергии и скорости поиска решений не обойтись. Ты тоже должен войти в комитет.

— Тогда нас будет четверо, голоса могут делиться. Тогда нужен и пятый, скажем, от партии. Может, товарищ Жданов?

— Вряд ли в ближайшее время его можно будет вернуть из Ленинграда. Наверное, нужно взять Маленкова. Пятеро — это не очень много, это нормально. Решения можно будет принимать и взвешенно, и быстро, — Молотов снял трубку и дал команду. — Пригласите ко мне срочно товарищей Ворошилова и Маленкова. Да, и всех замов Совнаркома, которые есть на месте.

— Ну, и Тимошенко в качестве Верховного не годится, — продолжил Берия, — чем больше будет поражений, а теперь понятно, что они будут, тем меньше армия будет ему верить. Тут нужен Сталин — человек, которому народ верит безусловно.

— Но снять Тимошенко — это выразить недоверие генералитету, а это опять подрыв авторитета генералов.

— А можно не снимать, можно реорганизовать. Сейчас у нас Ставка Главного командования, а мы ее реорганизуем в Ставку Верховного Командования, заменив в ходе этой реорганизации председателя,— тут же нашел выход из положения Берия.

— И еще нужно, чтобы Сталин стал наркомом обороны.

— Не много ли? — засомневался Берия. — И председатель ГКО, и глава правительства, и Верховный Главнокомандующий, и еще и нарком обороны. Да, еще и секретарь ЦК. Справится ли он?

— Сталин справится. Конечно, ему будет трудно, но зато у нас на всех этих направлениях будет кипеть работа и решения будут такие, какие надо.

— И вот еще что, — добавил Берия. — Нужно возродить в армии институт комиссаров, пока война не отберет нам генералов, которым народ мог бы верить.

Идея комиссаров им обоим была ясна. Комиссары появились впервые не в России, а в США, в которых Конгресс еще в XIX веке устанавливал для армии: *«Комиссар — назначенный правительством в воинскую часть чиновник, в чьи обязанности входит следить за моральным и политическим духом военных»*. И в Советской России, как только советское правительство в 1918 году начало создавать Красную Армию, то сразу выяснилось, что призванные большевиками бывшие царские офицеры и генералы предают Советы и спасибо не говорят. Поэтому практически сразу же к ним начали приставлять комиссаров — людей, верных правительству. Поскольку в то время советское правительство было коалиционным, то первые комиссары были предста-

вителями обеих правящих партий, т.е. не только большевики, но и левые эсэры. Однако после измены левых эсэров и перехода всей власти в руки большевиков комиссары, само собой, были уже только коммунистами.

Надзор за командованием был главной функцией комиссаров, второй функцией была политическая воспитательная работа, т.е. комиссары должны были убедить всех, что перед Красной Армией поставлены справедливые и нужные народу цели.

Как казалось Правительству СССР, в 1937—1938 годах армию очистили от предателей, причем чистили армию не сотрудники НКВД, а сами генералы, поскольку никакой НКВД не мог арестовать военнослужащего, если на это не давал разрешения его командир. Оставшимся генералам, проявившим себя на ниве борьбы с предателями, верили, посему в Правительстве СССР возникла эйфория доверия к генералам, и 12 августа 1940 года комиссары были упразднены. Технически — у конкретных комиссаров в армии была упразднена функция надзора за командным и начальствующим составом РККА и оставлена только функция воспитательной работы, в связи с чем, эти люди стали называться уже не комиссарами, а заместителями командиров по политической части.

Теперь же Берия вновь предлагал вернуть им функции надзора за командованием.

— Подожди, Лаврентий, не все сразу, давай сначала решим вопрос с ГКО, — ответил Молотов, не хотевший смешивать вместе столь сложные вопросы.

ПРОЩЕННЫЙ ПРЕДАТЕЛЬ

А 1 июля 1941 года Берия вместе с Маленковым в здании ЦК проводили очную ставку Ванникова и Кагановича. Как и предполагал Сталин, никого больше Политбюро для этого не смогло выделить — все были заняты. Берия и

Маленков сидели у торца длинного стола, а перед ними напротив друг друга сидели арестованный Ванников и приехавший из Казани директор авиационного завода Михаил Каганович.

— Подследственный Ванников, — сухо начал Берия, — скажите в лицо Михаилу Моисеевичу Кагановичу то, что вы сообщили следствию.

Ванников, тупо глядя в стол, бесцветным голосом начал.

— Михаил Каганович был членом нашей троцкистской организации...

— Ты что, Боря, ты что говоришь?! — ужаснулся Каганович.

— Ты был членом нашей организации, — снова подтвердил свои слова Ванников.

Ванников цеплялся, как за соломинку, за указание уже казненного Троцкого оговаривать как можно больше окружающих, дескать, всех не посадят, особенно ввиду начала войны и острой потребности СССР в специалистах.

— Сволочь! — вскипел экспансивный Каганович. — Я же за тебя в 37-м ручался, ты же у меня на квартире от Ежова тогда прятался, как же ты можешь на меня клеветать?!

— Потому и прятал, — внешне спокойно отреагировал Ванников, продолжая смотреть в стол, — что был членом нашей организации.

Каганович вскочил и через стол схватил Ванникова за горло.

— В глаза мне смотри, гад, в глаза!!

Берия оттащил Кагановича от Ванникова и вытолкнул в дверь, за которой в коридоре стоял конвоир, доставивший Ванникова с Лубянки.

— Успокойтесь, Михаил Моисеевич, успокойтесь. Перекурите пока в коридоре, погуляйте, а мы сами с ним переговорим,— Берия похлопал Кагановича по плечу, стараясь вернуть его из состояния аффекта.

Каганович прислонился к стенке и как бы обмяк. Берия взглянул на него, не зная, как быть, но потом все же вер-

нулся в комнату, закрыв за собой дверь. Каганович с расширенными глазами и, шатаясь, сначала побрел по коридору, но затем снова прислонился к стене. Потом резко сунул руку в задний брючный карман, немного помедлил, но все же вынул из кармана браунинг и передернул затвор. К нему бросился конвоир, но Каганович успел приставить ствол к груди и выстрелить.

Из комнаты выскочили Берия и Маленков, Берия закричал конвоиру: «Вызови врача немедленно!» — а сам опустился возле Кагановича, пытаясь уложить его поудобнее. Оставшийся без присмотра из комнаты боязливо появился Ванников. Увидев, что произошло, он рухнул на колени и завыл.

— Товарищи, простите, я сволочь, я его оклеветал — он не виноват!

...На заседании Политбюро 18 марта 1946 года возникла минутная пауза — все вспоминали те, еще не очень далекие, события страшного начального периода войны, а Лазарь Каганович вспомнил, как вернулся в Москву и хоронил на Новодевичьем кладбище своего любимого старшего брата, по примеру которого и он пошел в революцию...

— А только ли товарищ Берия виноват в том, что мы не успели обезвредить Павлова, Мерецкова, Рычагова и прочих предателей? — прервал паузу Сталин. — Разве это не тогдашний нарком обороны товарищ Ворошилов повышал этих предателей в званиях и должностях? Разве не мы, коммунисты, не смогли распознать в них предателей?

— Кроме того, — добавил Молотов, — в эти страшные дни товарищ Берия сохранял самообладание и действовал энергичнее, чем кто-либо из нас.

— То, что товарищ Берия энергичен и был энергичен, этого никто отрицать не станет, — вздохнул Каганович. — Но он же был и мягкотелым тогда, когда врагов надо было уничтожать беспощадно!

— О чем это вы, Лазарь Моисеевич, о какой мягкотелости? — спросил Хрущев.

— Он знает, о какой! — пробурчал Каганович.

— Я думаю, что товарищ Каганович не может забыть, что мы простили часть предателей, — понял Сталин, что имел в виду Каганович, — скажем, того же Мерецкова, и, что товарищу Кагановичу особенно обидно, простили Ванникова и, действительно, простили по настоятельному ходатайству товарища Берии.

Мы понимаем ваши чувства, товарищ Каганович, но вашего брата уже было не вернуть, а Ванников реабилитировал себя добросовестным и даже самоотверженным трудом в годы войны, — после этих слов, не получив возражений, Сталин продолжил характеристику Берии. — Война только закончилась, и, думаю, в самом деле, нет резона вспоминать, как работал товарищ Берия в годы войны.

Мы произвели больше оружия, чем вся Европа произвела для немцев, и это заслуга товарища Берии. Да и то, что самолетов мы построили больше, тоже его заслуга. И то, что Кавказ отстояли — тоже товарищ Берия. И сегодня создание атомного оружия поручили ему потому, что лучшего организатора мы не видим.

Есть еще товарищи, которые против перевода товарища Берии из кандидатов в члены Политбюро?

— Я тоже «за», — сказал Каганович. — Просто некстати вспомнилось...

Глава 3

МОНБЛАН ПРОБЛЕМ

РАБОЧИЙ ДЕНЬ

В начале июня 1946 года Берия находился в Москве и работал в своем кабинете, принимая посетителей. В этот день настроение у него было начисто испорченным после прихода Павла Судоплатова — главы разведки Спецкомитета. Судоплатов возглавлял отдел «С» Министерства государственной безопасности. Собственно МГБ в то время уже руководил В.Абакумов, но подчинялся отдел «С» непосредственно Берии, являясь одновременно 2-м бюро Спецкомитета. Такое подчинение было вызвано исключительно особой секретностью направления работы 2-го бюро — Судоплатов организовывал получение из США подробных данных об американском атомном проекте, и его агенты, и получаемая от них информация были секретны даже для руководителей МГБ.

Из США и, частично, из Англии уже были получены подробные доклады, содержащие данные об эксплуатации первых атомных реакторов в этих странах, детальные эскизы конструкции и особенности производства урановой и плутониевой бомб, данные о конструкции системы фокусирующих взрывных линз и размерах критической массы урана и плутония для взрыва ядерного устройства. Благодаря разведке мы уже знали о принципе имплозии — сфокусированном взрыве вовнутрь, соединяющем уран или плутоний в критическую массу. Имели данные о плутонии-239, о детонаторном устройстве, времени и последовательности операций

по производству и сборке бомбы, и о способе приведения в действие содержащегося в ней инициатора. Были получены данные о составе заводов по очистке и разделению изотопов урана, а также дневниковые записи о первом испытательном взрыве атомной бомбы в США в июле 1945 года.

Но об этом в СССР знали считанные люди, а из ученых эти данные получал непосредственно от разведчиков, и работал с ними только Курчатов. Он же, через сотрудников Судоплатова, давал задание советским агентам в США, какие данные и из каких американских лабораторий требуется получить. В результате, все остальные советские физики-ядерщики удивлялись тому, с какой быстротой Курчатов находит решения самым сложным научным и техническим проблемам, возникавшим в ходе создания бомбы и атомной промышленности. Они не знали и не имели права знать, что хотя Курчатов и сам по себе был сильнейшим физиком, но все же большинство ответов на возникающие вопросы он запрашивал у агентов советской разведки в Америке.

Однако вместе с очередной порцией разведданных из США для Курчатова, Судоплатов принес Берии и коротенькое письмо без подписи для «советского руководителя», смысла которого сам Судоплатов не мог понять. Письмо сообщало: «Мы считаем, что к знакомству с первичной информацией, получаемой с нашей помощью, должны быть допущены некоторые лица из приведенного списка», и приводился список из восьми советских физиков-ядерщиков. Берия, взглянув на записку, помрачнел и, никак ее не откомментировав, отпустил Судоплатова.

Долго думать ему не давали подчиненные в приемной, поэтому Берия, взглянув на список вызванных на сегодня, и отметив, что Курчатов будет у него через полтора часа, поручил секретарю вызвать к нему и генерал-лейтенанта госбезопасности Мешика, заместителя начальника Первого главного управления по режиму, обязанного обеспечить секретность работы Спецкомитета. Решив доложить об этом письме Сталину после того, как сам его проработает, Берия

на отдельном листочке бумаги выписал стоявшие в списке фамилии ученых, а само письмо спрятал в сейф и приступил к приему посетителей.

Когда Завенягин, заместитель начальника Первого главного управления (ПГУ), и Курчатов вошли в кабинет Берии, тот довольно резко говорил в телефонную трубку:

— ...Нет! Я сказал — нет! Страна еще в разрухе, тяжело всем, и вы без этого обойдетесь. Мы не будем тратить валюту, ищите замену отечественными материалами... И Вознесенский прав, что не дает! — положил трубку, встал, поздоровался за руку, пригласил сесть. — Что у вас?

Курчатов и Завенягин, услышав этот разговор по телефону, нерешительно переглянулись, и Курчатов начал.

— Понимаете, Лаврентий Павлович, для производства фильтров для диффузионного разделения изотопов нужны каркасы, а эти каркасы прядутся из очень тонкой никелевой проволоки, а чтобы получить эту проволоку, нужны фильеры. Фильер — это такая матрица с отверстием, через которое протягивается проволока...

— Я знаю, что такое фильеры, — раздраженно прервал его Берия. — Что вам нужно?

— Лучшие фильеры можно изготовить только из алмазов...

— Сколько алмазов вам необходимо?

Завенягин подал лист бумаги, Берия взглянул и вскинул брови.

— М-да! Они действительно необходимы?

— Конечно, а Вознесенский и слушать не стал.

Берия положил листок на стол и накрыл ладонью.

— Это не ваш вопрос — это мой вопрос. Я его у Вознесенского решу. Алмазы у вас будут.

— Спасибо, Лаврентий Павлович! — обрадовался Курчатов.

— За что? — пожал плечами Берия, встал, подал руку Завенягину и обратился к Курчатову. — Игорь Васильевич, на минуту задержитесь.

Пока Завенягин выходил из кабинета, Берия взял список ядерщиков, выписал из него на отдельный лист шесть фамилий и подал Курчатову.

— Игорь Васильевич, предположим, мы вам для знакомства с разведданными по атомному проекту, поступающими из США, дадим еще трех человек. Каких ученых из этого списка вы бы выбрали?

Курчатов с удивлением взглянул на Берию, а потом на список.

— Вы считаете, что я недостаточно грамотно использую данные разведки?

— Нет, дело не в этом, в вашей грамотности я не сомневаюсь, и не сомневаюсь, что из всех физиков, участвующих в проекте, только вы эту работу можете исполнить лучше всех. К сожалению, я не могу вам объяснить, зачем это надо, но я прошу выбрать троих.

— Я могу предложить лучшие кандидатуры, — сказал Курчатов, еще раз взглянув на список.

— Необходимо выбрать из этого списка, — поморщился Берия.

Курчатов взял из стакана на столе Берии карандаш и подчеркнул.

— Тогда этот, этот и этот.

— Спасибо, — Берия встал и протянул Курчатову руку, прощаясь.

В распахнутую ушедшим Курчатовым дверь тут же вошел работник аппарата Берии.

— Товарищ Берия, у меня хотя и кадровый, но довольно срочный вопрос, я позволил себе протиснуться перед Комаровским.

— Мешик уже пришел?

- Д а .

— Тогда сначала пусть зайдет Мешик. Что у вас?

— У нас в аппарате замначальника 4-го отдела уезжает управляющим нефтепромыслов, на его место просится начальник отдела из аппарата товарища Вознесенского Ше-

велев. Прекрасный работник, большой практический опыт, во время войны был армейским инженером, полковник. Начальник 4-го отдела очень просит его принять переводом.

— Он что — что-то натворил у Вознесенского, что просится к нам с понижением должности и оклада?

— Да нет, товарищ Берия, это прекрасный и очень серьезный и работник, и человек.

— И прекрасным людям нужны деньги и слава. Так в чем дело? — видя, что работник мнется. — Говорите прямо, у меня нет времени.

— Товарищ Берия, но это всему аппарату Совмина известно — товарищ Вознесенский очень большой хам, к нему даже министры боятся заходить. А Шевелев, как бы сказать, человек с чувством собственного достоинства, ему трудно у Николая Алексеевича. А у нас — в вашем аппарате — все работники Совмина хотят работать, поэтому, как только Шевелев узнал, что у нас вакансия, он тут же заявление и принес, несмотря на понижение в должности.

— М-да... — поморщился Берия. — Вы меня с Вознесенским окончательно поссорите: они с Молотовым уже жаловались товарищу Сталину, что я у них работников сманиваю. Ну, хорошо, дождитесь вечером, когда я освобожусь, и заходите вместе с этим Шевелевым и начальником 4-го отдела. А сейчас пусть Мешик зайдет.

Вошел Мешик, и Берия несколько замялся, не зная как начать разговор так, чтобы и Мешик осмысленно работал, и, в то же время, не говорить Мешику всего.

— У нас, Павел Яковлевич, утечка информации и пока непонятно откуда. Есть данные, что американцы знают пофамильно наших физиков, работающих в Спецкомитете.

— Кого именно?

Берия протянул ему полный список на восемь фамилий, Мешик внимательно его просмотрел и сразу же заметил.

— Тут двое у нас не работают.

— Здесь одно из двух: или их шпион сидит не у нас в Спецкомитете и пользуется только безответственной бол-

товней наших работников в пьяных компаниях вне службы, или...

— ...или американцы нас дурят, специально подбросив двух не наших, чтобы мы думали, что в Спецкомитете их шпиона нет? — закончил мысль Мешик.

— Вот именно!

— Да тут, похоже, одни евреи! — удивился Мешик, присмотревшись к списку внимательней.

— Да, и это тоже характерно. Нужно плотно и негласно этими людьми заняться — с кем встречаются, о чем болтают? Сами они могут и не догадываться, что работают у американцев источниками информации. Их-то могут использовать втемную, а вот того, кто использует, надо найти. Обязательно!

— Сейчас же этим займемся.

Мешика сменили член Спецкомитета, отвечающий за строительство, Комаровский, и начальник строительства завода по разделению изотопов урана Петросьянц. Комаровский поздоровался с Берией и представил ему Петросьянца.

— Начальник 8-го управления ПГУ, отвечающего за строительство газодиффузионного завода — комбината «813». Это он подготовил заявку на обеспечение строительства материалами.

Берия сел, вынул из пачки бумаг толстую папку заявки, пролистал ее, положил перед собой и посмотрел на Петросьянца.

— Товарищ Петросьянц, вы читали, что на вашей заявке написали отделы Спецкомитета и Госплана?

— Нет, товарищ Берия.

Берия прочел некоторые резолюции отделов на первой странице в папке и на приложенных к папке листах.

— К примеру. «Пункты 8,11 и со 116 по 131 совершенно лишние» или «пункты 46, 47 и 154 — невыполнимы» и даже такая: «Этот Петросьянц считает, что мы уже построи-

ли коммунизм». Товарищ Петросьянц, а почему вы не включили в свою заявку птичье молоко?

Петросьянц, впервые попав к Берии и не зная его характера, взволнованно запротестовал.

— Товарищ Берия, комбинату 813 все это необходимо!

Берия некоторое время задумчиво смотрел на Петросьянца, потом показал на папку заявки.

— Все включили? Ничего не забыли?

— Кажется, нет.

— Хорошо, вы все получите.

Это были последние посетители на сегодня, и Берия позвонил, чтобы договориться о встрече со Сталиным, но тот был пока занят. И Берия в мыслях вернулся к тому, что предшествовало получению сегодняшнего письма.

ТАЙНЫЕ СОЮЗНИКИ

Гитлеровцы были расистами — они считали арийцев, в первую очередь, себя, высшей расой. И евреи, из тех, кто был объединен сионизмом, тоже расисты, и тоже считают себя даже не высшей, а богоизбранной нацией. Гитлер собирался создать Третий рейх — империю немцев — на территориях СССР, а сионисты хотели создать свою метрополию — Израиль — в Палестине. У Гитлера и сионистов не было спорных вопросов. И они нуждались друг в друге: Гитлеру нужно было благосклонное отношение мировой прессы к своим планам, и эта пресса была в руках сионистов, а сионистам Гитлер был необходим, чтобы насильно перевезти европейских евреев в будущий Израиль, поскольку добровольно заселять Палестину европейские евреи не хотели. Кроме того, Палестина находилась в руках англичан, которые на создание Израиля в Палестине смотрели отрицательно. Союз Гитлера и сионистов не мог не сложиться, и он тайно оформился еще до войны, хотя формально сионисты, базирующиеся в США, как бы поддерживали Соединенные Штаты в войне с немцами.

Советский Союз почувствовал силу этого союза Гитлера с сионистами, когда узнал к концу 1941 года, что немцы уничтожают евреев на оккупированных территориях СССР, и начал сообщать об этом всему миру. Казалось бы, сионисты должны были бы тут же поддержать СССР, но они и их газеты, вместо этого, объявили эти массовые убийства большевистской пропагандой. Это было время наивысших немецких побед — в это время немецкие войска под командованием генерала Роммеля успешно наступали в Африке и скоро должны были освободить Палестину от англичан, чтобы начать перевозку туда уже собранных в гетто европейских евреев, а на востоке немецкие войска успешно наступали в России.

Однако к началу 1942 года немецкая армия потерпела жестокие поражения под Москвой и Ростовом, не сумела взять Ленинград, а в Африке англичане задержали немцев в Египте. Кроме того, в связи с нападением Японии на США американцам объявил войну и Гитлер, в связи с чем, СССР и Соединенные Штаты стали союзниками.

Для сионистов стало ясно, что Гитлер войну не выиграет, Палестину не освободит и европейских евреев туда не переселит. Сионистам нужно было думать о будущем, и они решили предать Гитлера и убедить Советский Союз помочь им после войны создать Израиль в Палестине. ,

В начале 1942 года президент США Рузвельт стал настойчиво предлагать Сталину прислать в США Молотова для переговоров якобы по поводу открытия второго фронта против немцев в Европе в 1943 году, что было очевидно невозможным делом. Сталин недоумевал, зачем нужен этот полет Молотова в США, и тогда Рузвельт поручил послу США в СССР Стэндли устно объяснить Сталину, что в мае в Нью-Йорке пройдет всемирный сионистский конгресс (он приходил в гостинице «Балтимор», поэтому впоследствии был назван «балтиморским»), и Молотову очень важно заключить с сионистами тайное и устное соглашение. Политические партии, составлявшие сионистское движение, в

большинстве своем были социалистическими, поэтому были все основания полагать, что Израиль сможет стать оплотом коммунизма на Ближнем востоке. Соответственно, у Сталина и Молотова не было неприятия мысли о помощи в организации социалистического государства, а союз с сионистами в тот момент был крайне необходим. И в мае 1942 года Молотов слетал в США и заключил с ними тайное соглашение, а впоследствии, уже в 1943 году, в Палестину съездил видный советский дипломат, еврей по национальности, Майский, и подтвердил это соглашение будущему первому премьер-министру Израиля Бен-Гуриону.

Союз с сионистами дал немедленный результат.

Тон мировой прессы резко изменился в пользу СССР.

Еще весной 1941 года, когда воюющая Англия уже не имела денег расплачиваться с Соединенными Штатами за поставки оружия, в США был принят закон о ленд-лизе, по которому дружественным США странам оружие не продавалось, а давалось в аренду на время войны. Но на СССР этот закон не распространялся и СССР вынужден был платить за поставки оружия из США золотом. Но как только Молотов дал согласие на послевоенную помощь в создании Израиля, еврейское лобби в Конгрессе США тут же решило этот вопрос, более того, почти половину ленд-лиза в СССР составляли поставки не оружия, а продовольствия и оборудования заводов и фабрик двойного назначения — по производству высокооктанового бензина, автомобильных покрышек, ткацкие производства и т.п.

А в 1943 году руководитель американского атомного проекта генерал Гровс по указанию сионистов и вопреки протестам должностных лиц США, назначает руководителем научных исследований по атомной бомбе прокоммунисти¬чески настроенного физика Оппенгеймера и дает ему возможность привлечь к работам по атомной бомбе советского разведчика физика Фукса и ряд других физиков, также являвшихся агентами советской разведки. В СССР потоком потекла информация об атомном проекте американцев.

Всего этого даже Судоплатов не знал и полагал, что информацию в СССР поставляют подпольные коммунисты США. Вообще-то это так и было, но главным было другое — все эти советские агенты в атомном проекте США были евреями, и помимо работы на коммунизм, они работали и на сионистов, и по их заданию, причем, именно сионисты (еврейское лобби Америки) обеспечивали им защиту от разоблачения их шпионской деятельности.

Поэтому Судоплатов и не понял текста полученной записки, а Берию это короткое и безапелляционное указание сионистов привело в ярость — как смеют эти наглецы что-либо указывать им, советским руководителям!! Более того, подумав, зачем это надо сионистам, Берия еще больше возмутился. Ведь все указанные в списке советские физики-евреи и так получали всю необходимую им для работы информацию, поступающую из США. Но получали ее не прямо, а от Курчатова. А сионисты в США, видишь ли, пришли к выводу, что в СССР не русские, а евреи должны числиться в великих ученых, посему в первую голову советские евреи должны получать украденную у США информацию, и выдавать ее за плоды своего ума. То есть, сионисты нагло требовали в многонациональном СССР предоставить евреям особый статус.

Однако, немного успокоившись, Берия ощутил свою беспомощность, и от этой беспомощности его настроение начисто испортилось. Ведь сионисты, еще не провозгласив Израиль и по-прежнему нуждаясь в помощи СССР, со своей стороны четко выполняли все обязательства тайного соглашения. Сейчас они, по сути, просят пустяк, как им в этом пустяке отказать?

В это время позвонил секретарь Сталина Поскребышев и сообщил, что товарищ Сталин уже освободился и ждет Лаврентия Павловича.

Берия обрисовал Сталину ситуацию и свое видение ее, добавив:

— Если бы у этих сионистов был вождь как вы или хотя бы, как Черчилль, чтобы мы знали с кем разговаривать, чтобы у них был хоть кто-то, кто нес бы настоящую ответственность за все, что делает каждый отдельный член организации. А то ведь там дикая смесь кого попало — от мракобесных раввинов до чуть ли не коммунистов, с их идеями еврейских сельских коммун — киббуцев. Только когда интересы всех совпадают, сионисты действуют все вместе, согласовано, а в остальных случаях у них же каждый еврей это гений, и не только по отношению к неевреям, но и по отношению друг к другу. У них же нет не только вождей, но и просто авторитетов. Ну, откажем мы им, а какой-нибудь умный раввин обидится и донесет в ФБР, и всех наших агентов арестуют, что будем делать? На данном этапе лишиться информации из США мы не можем. Придется им уступить, — после паузы подытожил Берия.

Сталин задумался в поиске решения и, чтобы не затягивать молчание, спросил.

— Поиском их шпионов уже занялись?

— Я что, товарищ Сталин, заслужил, чтобы мне напоминали о таких делах? Но это же евреи, вы представляете, какие у них связи, да и этот Еврейский антифашистский комитет уже не поймешь чей — наш или американский. Надо, товарищ Сталин, закрыть эту лавочку с еврейскими антифашистами...

— ...и какой-нибудь умный раввин тут же обидится и донесет в ФБР на наших агентов? — быстро дополнил Берию Сталин. — Кого персонально из наших евреев-физиков ты предлагаешь допустить к первичной информации?

— Курчатов из их списка выбрал Алиханова, Кикоина и Харитона.

— Ты посвятил Курчатова в курс дела?

— Нет, он не знает, почему я предложил ему сделать этот выбор.

— Это лучшие наши физики? — поинтересовался Сталин?

— Это лучшие из тех, кто был в их списке.

— А что ты о них думаешь?

— Это все те же пресловутые теоретики.

— Ну, ты не прав, теории в любом деле необходимы.

— Лучшие и самые точные теории создают только практики, поскольку они понимают, о чем теоретизируют, — упрямо не согласился Берия. — А вы возьмите двух из этих теоретиков, означенных в списке, — Харитона и Зельдовича.

Получать плутоний можно либо в реакторе с замедлением нейтронов графитом, либо в реакторе с замедлением их тяжелой водой. Так вот, у нас именно Харитон с Зельдовичем создали выдающуюся теорию, провели расчет и доказали, что реакторы на тяжелой воде невозможны. И мы начали заниматься этим типом реакторов только после того, как узнали, что американцы их уже эксплуатируют.

Вот вам и вся необходимость теории и теоретиков.

— М-да... — протянул Сталин. — Ну, черт с ними, — допускай их к информации. Сами ничего придумать не могут, может, хоть повторят без ошибок находки американских ученых.

ВОЖДЬ

Летом 1946 года Сталин позволил себе ненадолго съездить на отдых в Сочи, а вскоре вызвал к себе для разговора Берию. Был солнечный и жаркий день, Берия в белых брюках, рубашке и шляпе, обутый в сандалии ожидал Сталина у ступенек его дачи, слушая жалобу телохранителя вождя.

— Дача плохо защищена, и вчера мы, сопровождая товарища Сталина к берегу моря, наткнулись на двух девочек из Сочи, лет по десяти, собиравших грибы на территории дачи. Причем, девочки пролезли сквозь изгородь из колючей проволоки «не зацепившись» и не заметив, что они зашли на охраняемый участок. Сталин, естественно, распо-

рядился дать девочкам собрать грибы и отправить их на машине домой, но такая изгородь вокруг места отдыха главы государства, — это непорядок! — возмущался приехавший вместе со Сталиным из Москвы телохранитель (их в то время называли «прикрепленными»). — И вообще, товарищ Берия, нас мало. Мы же из Москвы до Харькова ехали на трех машинах, по дороге товарищ Сталин все время выходил и пешком осматривал деревни, разрушенные кварталы в Курске и Орле. Ходит по улицам, за ним толпа немедленно собирается, женщины на шею вешаются, а нас всего восемь! Ведь никакого внешнего оцепления такими силами не организуешь.

А здесь, в Сочи? — продолжал жаловаться телохранитель. — Выедем в город вроде на машине, а он выйдет и пойдет по улице пешком. Как позицию занять? Вот и идем: один спереди, двое сзади, и четвертый идет по противоположной стороне и просит людей не перебегать через дорогу навстречу товарищу Сталину. Да разве всех уговоришь?!

Вчера поехали в порт, от проходной пошли к причалу. Там разгружался теплоход «Ворошилов», и товарищ Сталин долго смотрел на разгрузку, между прочим, теплоход ему не понравился — он нашел его неуклюжим. Возвращаемся к машинам, а у проходной уже собралась большущая толпа отдыхающих. Ведь всем охота посмотреть на вождя, убедиться, правда ли, что товарищ Сталин вот так просто гуляет по порту. Подходим к машинам, думаем, что вот наконец, обеспечим безопасность, а товарищ Сталин открывает дверцу и приглашает прокатиться с нами сбежавшуюся ребятню. Поехали на «Ривьеру», там было открытое кафе, зашли туда, усадили ребят за столики, но получилось то же, что в порту. Отдыхающие окружили, и среди них было много детей. Он еще и их всех приглашает на лимонад, да еще я по его распоряжению принес из буфета большую вазу конфет, и товарищ Сталин начал угощать детей конфетами. Это в такой-то толпе! А нас всего четверо! Ну, а если враги

об этом узнают, ну что стоит выстрелить из толпы, как Каштан в товарища Ленина?!

Берия слушал, и ему это тоже не нравилось. Но что он мог сделать? Заикнись об этом Сталину, и Сталин обругает. Он и в Москве, намечая планы ее реконструкции и интересуясь строительством, ходил точно так же. Причем, собирающаяся толпа ему мешала, он пытался уговорить ее разойтись, а потом стал осматривать подлежащие реконструкции районы ночью, но и это не спасало — народ как-то узнавал его и все равно тянулся за ним хвостом. Причем, Сталин не делал из этого ни малейшей рекламы, никогда с ним не было не только кинооператоров или фотографов, но и просто журналистов.

Однако сама мысль о том, что кто-то, какая-то охрана, отделит его от народа, была для Сталина оскорбительной и унизительной. Он скорее бы согласился быть убитым, чем подать кому-либо мысль, что он боится народа, ради которого живет.

Берия уважал Сталина безмерно — он восхищался умом, самоотверженностью и волей этого человека, отдающего всю свою жизнь без остатка советскому народу. Недавно Берия прочел сообщение из Англии, что бывший министр иностранных дел Британской империи Энтони Иден сказал, что если бы можно было представить ситуацию, в которой планеты Солнечной системы проводили бы переговоры, и каждая из них должна была бы быть представлена одним только ее представителем, то от планеты Земля должен быть делегирован Сталин. Поскольку Иден не знает другого человека, который бы мог лучшим образом защитить интересы населения нашей планеты. С этим мнением британского государственного деятеля Берия был абсолютно согласен.

В то же время Берия знал, что Сталина тяготит и то безудержное восхищение, которое искренне высказывает к нему народ, и, тем более, то славословие, которое льют на него партийно-государственные чиновники. С одной сто-

роны Сталин понимал, что для объединения народа в единую семью такое восхваление вождя необходимо, но, с другой стороны, оно его коробило.

В начале 30-х Берия, тогда первый секретарь компартии Грузии, приезжал на эту же дачу к Сталину решать подоспевшие вопросы. А Сталин отдыхал вместе с С.М. Кировым, с которым они были близкими друзьями. И Берия удивился, когда Киров, просматривая передовицу в «Правде», начал иронизировать и над писаками, называвшими Сталина «великим вождем всех времен и народов», и над самим Сталиным. «Слушай, — говорил Киров, — ты не подскажешь, ты образованней меня, чей ты еще великий вождь? Кроме времен и народов что еще на свете бывает?» А Сталин, смеясь и поддерживая шутку, называл Кирова «любимый вождь ленинградского пролетариата». И тоже подтрунивал: «Ага, кажется, не только ленинградского, а еще и бакинского пролетариата, наверное, всего северо-кавказского. Подожди, напомни, чей ты еще любимый вождь? Ты что думаешь, у меня семь пядей во лбу? У меня голова — не дом Совнаркома, чтобы знать все, чьим ты был любимым вождем». И то, что Сталин к своему восхвалению относился безразлично, вызывало у Берии еще большее уважение.

Разговор Берии с телохранителем прервал спускавшийся по ступенькам Сталин, одетый так же, как и Берия, но в мягких сапогах и белой штатской фуражке. В руках у Сталина была тонкая папка. Берия поздоровался и они по длинной тропинке, разговаривая, двинулись к морю. Сталин был по рождению горец, плавать не умел, и купаться в море не любил, но любил посидеть на берегу, вдыхая морской воздух и глядя на волны.

— На пламя огня и текущую воду можно смотреть бесконечно, — как-то сказал он Берии.

У моря Сталин и Берия сели недалеко от воды под деревянный грибок, телохранители расположились метрах в 50, прикрывая их с флангов и с тыла, и Сталин продолжил начатый разговор.

— Не подумал ли ты случайно, Лаврентий, что я вызвал тебя в Сочи отдыхать? — шутливо спросил Сталин, заметив, что Берия вопросительно смотрит на папку в его руках. — Нет, дорогой, нам надо поработать, и вызвал я тебя, к сожалению, не для того, чтобы от работы разгрузить.

По каналам, скажем так, прорытым Молотовым в 1942 году и расширенным Майским в 1943-м, — давай называть их тем, чем они есть — по еврейским каналам, по каналам сионистов, — не только ты получаешь разведданные об американском атомном проекте, но и я получаю кое-какие сведения о планах мистера Трумэна.

И сведения, надо сказать, неутешительные. Эти сукины дети все же интенсивно готовят планы войны с нами, разумеется, с применением атомных бомб. С одной стороны, можно было бы и не обращать внимания на эти планы — раз есть генералы, то они обязаны готовить планы войны, чтобы никакая война не застала их врасплох. Но, с другой стороны, американцы категорически отвергают и наши предложения, и саму мысль о запрещении атомного оружия, и они его энергично накапливают, несмотря на то, что и им оно стоит неимоверно дорого. Ведь тут, понимаешь, если атомные бомбы не использовать, то нет смысла их копить, а они копят.

Ну и цели, конечно, наметили — бомбить будут там, где больше людей. На Москву определили 8 бомб, на Ленинград — 8, ну и на остальные наши города соответственно. Считают, что для первого удара по СССР им нужно 133 бомбы, а потом еще 70. Вот накопят они эти 200 бомб — что будут делать?

Остановить их может только одно — знание, что и у нас этих бомб не менее сотни.

Насколько ты вник в вопросы создания атомной бомбы, на каком этапе мы находимся? Вводи меня в курс дела, можешь не спешить, но и ненужных мне подробностей не надо.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Берия удивился, — Сталин был в курсе всех дел атомного проекта.

— Я не взял никаких данных.

— А это и хорошо, что не взял, что ты знаешь — то и я буду знать. Опиши мне сначала принципиальные трудности.

Вопрос немного удивил Берию, поскольку Сталин знал удивительно много, и Берия имел основания полагать, что о научной сути атомной проблемы Сталин знает больше его. Дело в том, что Сталин был исключительно образован. Тут Берия сам себе усмехнулся, вспомнив Вознесенского, любившего всякие дипломы и чрезвычайно гордившегося наличием этих формальных признаков образованности. Но штука-то в том, что все знания при желании можно получить самому, без вуза, и еще бабушка надвое сказала, что эффективнее. Ведь что такое это самое «европейское университетское» образование? Это знание (о понимании и речи нет) того, что написано менее чем в 100 книгах под названием «учебники», книгах, по которым учителя ведут уроки, а профессора читают лекции.

Л, начиная с ранней юности, со школы и семинарии, Сталин, возможно, как никто стремился узнать все и читал очень много. Даже не читал, а изучал то, что написано в книгах. В юности, беря книги в платной библиотеке, они с товарищем их просто переписывали, чтобы иметь для изучения свой экземпляр. Книги сопровождали Сталина везде и всегда. Берия знал, что до середины Гражданской войны у Сталина в Москве не было в личном пользовании даже комнаты — он был все время в командировках на фронтах — и Сталина отсутствие жилплощади не беспокоило. Но с ним непрерывно следовали книги, количество которых он все время увеличивал.

Сталин не был коллекционером книг — он их не собирал, а отбирал, т.е. в его библиотеке были только те кни-

ги, которые он предполагал как-то использовать в дальнейшем. Но даже те книги, что он отобрал, учесть трудно. В его кремлевской квартире библиотека насчитывала, по оценке Берии, который в ней часто бывал, несколько десятков тысяч томов. Это были книги, которые Сталин прочел, но часть этих книг он изучил с карандашом в руке, причем, не только подчеркивая и помечая нужный текст, но и маркируя его системой помет, надписей и комментариев с тем, чтобы при необходимости было легко найти нужное место в тексте книги — легко вспомнить, чем оно Сталина заинтересовало, какие мысли ему пришли в голову при первом прочтении. И таких книг с его пометами, по прикидочной оценке Берии, было около 5,5 тысячи! По этому признаку Сталин имел сотни «лучших европейских образований».

Все это промелькнуло в мозгу Берии, и он понял, что Сталин просто хочет согласовать свои знания в этом вопросе со знаниями Берии, чтобы у них были одинаковые данные для оценки обстановки.

— Хорошо, — ответил Берия. — Я начну сначала, а вы не перебивайте, даже если вы это знаете, чтобы я был уверен, что вы будете знать то, что и я.

По сегодняшним представлениям о строении атома, он состоит из ядра, заряженного положительно, и вращающихся вокруг этого ядра электронов — почти невесомых частичек, заряженных отрицательно. А ядро состоит из частичек, заряженных положительно — протонов, и нейтральных частичек, таких же по весу, как и протоны, — нейтронов.

Чтобы было легче это понять, я представляю себе ядро атома в виде ягоды малины — она ведь тоже кругленькая, а сама состоит из кругленьких частичек, ботаники называют их костянками, а я именно так представляю себе протоны и нейтроны.

Количество протонов определяет вид химического элемента. Если у химического элемента в ядре один протон, то это химический элемент водород, если два — то гелий, если три — то литий и так далее. А вот нейтронов в ядре может

быть разное количество, и получается, что может быть один и тот же химический элемент, но с разным весом атома. Такие разновидности называются изотопами. Например, если в ядре атома водорода вообще нет нейтрона, то это просто водород, а если, кроме протона, есть и нейтрон, то это изотоп водорода и называется он дейтерий, а если два нейтрона, то это тритий. Впрочем, это только изотопам водорода дали собственные имена, у остальных элементов они различаются по сумме протонов и нейтронов в ядре, в общем смысле — по атомному весу.

Так вот, у некоторых химических элементов есть изотопы с особыми свойствами. Если по ядру этого изотопа ударить нейтроном, то его ядро развалится на две части с выделением очень большого количества энергии, мало этого, из ядра вылетят еще несколько нейтронов, которые ударят по соседним ядрам, а те тоже развалятся. Это называется цепной реакцией, и в результате ее ядра некоторого объема вещества могут разделиться в миллионные доли секунды, а выделившаяся энергия будет огромна. Произойдет взрыв огромнейшей силы.

Между прочим, эту реакцию можно и замедлить, тогда выделяемую энергию можно будет использовать для получения, скажем, электроэнергии.

Химических элементов, которые могли бы служить взрывчаткой для атомной бомбы, на сегодня известны два. Во-первых, это изотоп урана с весом 235 атомных единиц, то есть такой, в ядре которого находится 92 протона и 143 нейтрона. Такой уран в природе есть, и, значит, мы его можем получить прямо из природы. Второй химический элемент, который можно использовать для атомной бомбы, это плутоний. У него в ядре 94 протона и 145 нейтронов. Плутония в природе нет, и его надо получать искусственно.

Предположим, что у нас уже есть и уран-235, и плутоний в нужном для бомбы количестве, и тут возникает масса вопросов, которые неизвестны. Начиная с того, каковы свойства урана и плутония — можно ли их обрабатывать,

скажем, ковать. Не агрессивны ли они, не разлагаются ли в порошок при хранении, сколько надо урана и плутония, чтобы произошел атомный взрыв, как соединить в бомбе атомную взрывчатку, чтобы произошел все-таки взрыв, а не просто разброс этой атомной взрывчатки в разные стороны от выделения тепла. Конструирование атомной бомбы — это вопрос огромнейшей сложности.

Но вся эта сложность — это чепуха, понимаете, товарищ Сталин, — чепуха по сравнению с теми сложностями, которые предстоят при получении урана-235 и плутония. Вот эта работа — упаси господь! Не знаешь даже, с чего начать.

Начну с того, что запасы урана у нас практически не разведаны, на сегодня наши запасы урана — 370 тонн, и даже Курчатову исследования начинать пока не с чем. Ищем уран по всему СССР и Европе, кое-что взяли трофеями в Германии, думаю, что нужные 50 тонн для него все же найдем, и к концу года Курчатов сумеет запустить хотя бы опытный реактор. Но это опытный реактор, на нем плутония для атомной бомбы не наработаешь.

Но вернусь к руде. В природе уран находится в основном в виде урана-238, изотопа уран-235 в этом природном уране всего 0,711% от всего урана. Правда, для работы реактора — для наработки нужного для бомбы количества плутония, и эта смесь годится, главное добыть хотя бы этот уран.

А тут такое положение: в собственно урановой руде — в том, что геологи называют урановой рудой, — урана в лучшем случае 2 килограмма в тонне, а, судя по всему, вскоре нам придется перерабатывать и руды с содержанием 200 граммов урана в тонне. Но чтобы добыть эту руду, надо перелопатить пустую породу. Как мы оцениваем, для получения 1 тонны металлического урана нам придется добыть и переработать 100—120 тысяч тонн различных минералов. Тонна урана занимает объем чуть больше, чем бочонок в 50 литров, а чтобы эту тонну получить, нужно переработать 2000 полностью груженных железнодорожных вагонов сырья! Представляете?

Но даже эта тонна такого урана прямо для бомбы не годится. Этот уран нужно либо грузить в ядерный реактор для получения плутония, либо извлекать из него те 0,711% изотопа уран-235. И вот тут проблемы только нарастают.

Ну, начнем с того, что для управления реакцией получения плутония из урана-238 в реакторе, в промышленный реактор нужно загрузить примерно 150 тонн урана и не менее 1000 тонн блоков из чистейшего графита. Графит и алмаз — это химический элемент углерод, так вот, графит для реактора должен быть по примесям чище, чем чистейшей воды алмаз. Как такой графит получать в таких количествах, тоже пока неизвестно.

Графит замедляет нейтроны, но их можно замедлить и с помощью тяжелой воды — это вода, в молекуле которой вместо двух атомов водорода два атома дейтерия. Такие реакторы будут даже экономичнее графитовых, поскольку потребуют меньше урана для своей работы. (Хотя они будут более опасными). Но на сегодня производство тяжелой воды— это совершенно нерешенная проблема, и даже, по нашим прикидкам, более тяжелая проблема, нежели получение чистого графита. Поэтому, думаю, мы сначала начнем получать плутоний в реакторах с графитом.

Такой реактор для получения плутония будет работать месяца три, только после этого в урановых брикетах в этом реакторе накопится плутоний в мало-мальски достаточных количествах. Эти урановые брикеты нужно будет извлечь из реактора, растворить, выделить из урана плутоний (пока неизвестно как), и вот уже этот плутоний, после пока неясной его обработки, можно будет использовать для создания атомной бомбы.

— Прервись, сколько плутония будет в уране после трех месяцев работы промышленного реактора? — спросил Сталин.

— Если ориентироваться на американцев и на наши расчеты, то не более 0,01%, то есть максимум до 100 граммов в тонне обработанного в реакторе урана, но сколько мы плу-

тония сможем извлечь из этой тонны на самом деле, пока не ясно, может, граммов 50—60.

— То есть со 150 тонн урана, обработанного в реакторе, через три месяца получим до 10 кг плутония. А сколько нужно для одной маленькой атомной бомбы?

— Столько, примерно, и нужно.

— Значит, с одного промышленного реактора мы сможем получать четыре бомбы в год?

— Хотелось бы, да сразу столько вряд ли получится. В этом деле пока ничего не известно — нет ни одной опробованной технологии ни в одном процессе, требуемом для создания этой бомбы, поэтому думаю, что нас ждут годы аварий и срывов.

— Это понятно, но, надеюсь, что и ты понимаешь, что все трудности нужно устранять как можно быстрее. У нас нет времени на эти аварии и срывы. Кстати, ты сказал, что у нас разведано всего 370 тонн запасов урана, а только на одну загрузку реактора нужно 150...

— Пока что мы основную добычу урана ведем в Германии и Европе, а свои запасы пока разведываем. Думаю, что с этим проблемы не будет — найдем! Лучшие силы геологов работают. Через год, полагаю, в добыче урана у нас будет занято до 600 тысяч человек.

— Сколько, сколько?! — встревожился Сталин.

— Меньше не получится.

Сталин покачал головой.

— М-да...Значит, к концу года мы запустим исследовательский реактор... А когда начнем строить промышленный?

— Уже начали. Производство плутония будет огромным комбинатом, и как этот комбинат будет выглядеть, примерно понятно. Вот мы и начали строить, а подробности, которые получит на исследовательском реакторе Курчатов, учтем, когда начнем монтаж собственно промышленного реактора. Надеюсь, что мы его введем в строй не позже 1948 года.

— Хорошо бы. Ладно. Но ты говорил о возможности выделения изотопа урана-235 из урана. Как идут дела в этом направлении?

— Есть, в принципе, несколько способов, однако часть из них пригодна, скорее, для лабораторных исследований, а для промышленности подходят два — диффузионный и центрифужный.

— В чем их смысл? Как он разделяют 238-й и 235-й ураны? — поинтересовался Сталин.

— Эти изотопы — это один и тот же химический элемент, поэтому никакими химическими способами разделить их невозможно. Приходится крутиться.

Уран сначала переводят в газообразную форму — соединяют со фтором в шестифтористый уран — гексафторид урана, а это газ. Так делают американцы, да мы, собственно, так бы перевели уран в газообразную форму и без них. После обработки урана фтором получается газ, в котором молекулы урана-238 чуть-чуть тяжелее, нежели молекулы урана-235.

Разница на обычный взгляд ничтожна — молекула гексафторида урана-238 весит 352 атомные единицы, а молекула гексафторида урана-235 — 349 атомных единиц. Если считать, что молекула 235-го весит килограмм, то молекула 238-го будет весить килограмм и еще 8 грамм. Эту разницу — эти 8 грамм в килограмме, в обычной жизни ни на каких весах не определишь. Вот, скажем, тоже не простое дело — разделить молоко на обрат и сливки. Так здесь, если объем сливок весит килограмм, то такой же объем обрата весит килограмм и 120 грамм, т.е. разница заметная, почти 12%, а при разделении изотопов урана — всего 0,8%. Вот за такую соломинку— за эти 0,8%,— приходится цепляться.

В диффузионном способе используют то, что в газе все молекулы хаотично двигаются, и тем быстрее, чем легче молекула. Соответственно, молекулы гексафторида урана-235 движутся чуть-чуть быстрее, чем урана-238. И если на пути такого газа поставить перегородку с очень маленькими от-

верстиями — диафрагму, то через нее пройдет несколько больше более быстрых молекул гексафторида урана-235.

— На сколько больше?

— Без слез, как говорится, не выговоришь — на 0,2%. — Берия беспомощно развел руками. — То есть, если взять исходный газ и прогнать его через одну диффузионную машину — через одну диафрагму, то в нем содержание изотопа урана-235 поднимется с 0,711% всего до 0,712%. Поэтому, полученный после первого обогащения газ запускают в следующую диффузионную машину, потом в очередную, и так далее, и так далее. После прохождения, скажем, через 14 машин, содержание увеличится с 0,711% до 0,730%.

— А какое же содержание 235-го урана нам надо иметь в этом газе?

— Не менее 90%.

— Так сколько же нам этих машин надо?! — обеспокоился Сталин.

— Мы их еще не имеем, поэтому сказать трудно, но, полагаем, до 10 тысяч в одной колонне друг за другом, причем разных типов. Ужасное будет производство по своей сложности, ведь неисправность одной машины из этих тысяч будет приводить к остановке всех! Да добавьте к этому то, что гексафторид урана чрезвычайно агрессивен и неустойчив, поэтому, как эти машины создать, пока непонятно. Непонятно и как создать мембраны с этими мельчайшими отверстиями.

— М-да... Кому поручил конструирование этих машин?

— Наука ратовала за конструкторов Кировского завода в Ленинграде, я согласился, но на всякий случай поручил и Горьковскому машиностроительному.

— Знаменитый завод. Выпускал артиллерию, генеральный конструктор Грабин, а директор — Елян.

— Да, но Грабина отвлекать не стали, пушки тоже нужны, поручили молодому конструктору Савину, ему всего 27 лет.

— Соревнование — это хорошо! — одобрил Сталин. — Проектирование, может, и окажется дороже, но зато изделие будет и дешевле, и качественнее. А по какому пути идут американцы?

— По этому — по пути диффузионного разделения.

— И мы за ними?

— Да,— бесцветно подтвердил Берия.— Почти все наши ученые, особенно из привыкших копировать, только за этот путь.

— Ты говорил и о каких-то центрифугах.

— Мне этот способ очень нравится — простой и понятный. Газ в центрифуге вращается, более тяжелый уран-238 отжимается к стенке, сползает вниз, а легкий 235-й отводится через верх. Никаких диффузионных перегородок.

— Так почему американцы по этому пути не идут? — спросил Сталин.

— Центрифугу создать не могут. Там скорости нужны огромные: стенки должны вращаться со сверхзвуковой скоростью... Но, я все же вкладываю деньги и в этот способ.

— Зачем, если он у американцев не пошел?

— Есть у нас молодые ученые, энтузиасты этого способа, и есть у нас один профессор — немец, который этой центрифугой занимается. Толку от этой его работы, надо сказать, нет, как и у американцев, но пусть наши молодые ребята у него поучатся. Уверен, — рано или поздно они эту центрифугу сделают.

Нельзя же все время американцам в рот смотреть. Поскольку мы пока идем за ними, то может оказаться, что мы смотрим им не в рот, а совсем в другое, так сказать, отверстие.

— Что ты имеешь в виду? — усмехнулся Сталин увиденному Берией образу.

— Если капиталисты поймут, что наши ученые у них копируют научные достижения, то специально будут подсовывать нам дезинформацию, чтобы наши академические

олухи тратили государственные деньги под заведомо дурацкие проекты.

Ведь немцы до войны буквально издевались над нашими академиками от химии Бахом, Фрумкиным, Семеновым и их группировкой. Приглашали в Германию, там показывали им липовые лаборатории, занимающиеся липовыми исследованиями, и наши тупые бестолочи тратили огромные деньги на попытках повторить эти исследования в СССР. Немецкий химик Габер убедил наших специалистов, что синтез аммиака очень труден и в производстве невозможен, а немцы по методике Табера производили сотни тысяч тонн взрывчатки. Немцы внушили нашим научным олухам, впрочем, и американцам тоже, что ароматические углеводороды в авиабензине вредны, а уже во время войны выяснилось, что они необходимы. Таких примеров много.

Поэтому я и считаю крайне необходимым поддерживать в нашей науке всех тех ученых, пусть пока молодых и неопытных, кто хочет принести Родине пользу, а не прокормиться за счет получения ученых званий. Поэтому и поддерживаю энтузиастов, решивших все же освоить центрифужный способ разделения изотопов.

Справка: Первый в мире завод по разделению изотопов на центрифугах был построен в СССР в 1964 году — на 10 лет раньше, чем где-либо в мире. Этот способ почти в три раза производительнее диффузионного, а расход электроэнергии на единицу разделенных изотопов в 25 раз ниже.

— Когда начнем разделять уран-238 и уран-235 в промышленных объемах? — потребовал уточнить сроки Сталин.

— Используем корпуса недостроенного на Урале авиазавода, но работ все равно очень много. Проект делаем, строительство начали, и, думаю, через год на площадке будет работать тысяч 25—30 строителей. Ничего точнее пока сказать не могу.

— В общем, — задумчиво подытожил Сталин, — получается то, что и должно было получиться, — кавалерийским наскоком эту задачу не решить. Тебе придется вникать во все мельчайшие вопросы, иначе исполнители свою тупость, свою лень будут объяснять тем, что эти вопросы вообще решить невозможно. А этих вопросов тысячи и тысячи, и для того, чтобы вникнуть в каждый из них, тебе нужно время. А его в сутках всего 24 часа. — задумчиво суммировал Сталин, подбрасывая в руке папку. — Жаль. А я хотел догрузить тебя еще одним, очень важным делом.

— И что это за дело?

Сталин раскрыл папку и просмотрел несколько документов.

— Понимаешь, американцы собираются сбрасывать на нас атомные бомбы со своих бомбардировщиков Б-29 — со своих «Летающих сверхкрепостей». Хороший самолет, мощный. Я поручил авиаконструктору Туполеву, и он сейчас копирует этот самолет, поставим и мы его себе на вооружение под маркой Ту-4.

И я вот думаю: полетят эти американские «крепости» с атомными бомбами на Москву, а чем их сбивать?

Конечно, у нас есть истребительная авиация, но эти «крепости» потому и названы крепостями, что очень хорошо защищены. И если они сбросят на Москву пусть не восемь атомных бомб, а пусть хоть две, хоть одну бомбу, то это тоже очень плохо. Вот я и думаю, как их сбивать так, чтобы ни один не долетел?

Наши храбрые летчики-истребители, видя, что не могут сбить эту крепость, пойдут на таран и собьют ее. Но ведь и храбрецов жалко, да и их могут убить на подлете к этой «сверхкрепости».

А если с земли пустить на эти «крепости» большие ракеты — такие, которые бы без летчика можно было наводить на вражеский самолет, или даже сделать так, чтобы ракеты сами наводились? Тогда эти «крепости» уж точно до наших городов не долетят.

Сейчас наши конструкторы этими ракетами занимаются, но нужен организатор, который бы объединил усилия всех и создал мощный ракетный щит противовоздушной обороны вокруг Москвы. Вот я и хотел тебе это поручить, но, выслушав тебя, уже не решаюсь.

Берия, подумав и оценивающе взглянув на Сталина, не спеша, сказал.

— Товарищ Сталин, я все же еще не стар, силы есть, задачу я понял, и если у вас нет на примете никакого иного исполнителя, кроме меня, ну, что же, давайте я возьмусь и за это дело.

— Спасибо, Лаврентий! — с чувством облегчения ответил Сталин. — Ты снял с меня большую заботу.

— Да что вы, товарищ Сталин, это же ведь наша общая забота.

— Верю, Лаврентий, в то, что ты искренне так думаешь.

Глава 4

ПЕРВОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

ХРУЩЕВ

В начале сентября 1946 года даже в четвертом часу дня было уже свежо и Сталин, начавший к старости зябнуть, в накинутой на плечи шинели сидел за столиком в беседке на Ближней даче и работал с документами. Поодаль, на специальной площадке Берия и Хрущев, повесив пиджаки на перила беседки, играли в городки.

Документов было много, и их количество изо дня в день нарастало. После войны, когда стало ясно, что социализм победил окончательно, и быть коммунистом уже не опасно, в партию стали записываться откровенные карьеристы, которые пробивались на руководящие должности, но работать не умели и не учились. Знающий и ответственный руководитель решает подавляющую часть вопросов самостоятельно и не беспокоит своего начальника, а эти, не зная работы и боясь принимать самостоятельные решения, слали «наверх» массу мелких вопросов, «чтобы их решил вождь». Они заваливали Сталина этой мелочевкой, мешая заниматься вопросами перспективы — вопросами главы Советского государства.

Сталин понимал, в чем дело, и всячески поддерживал инициативу у подчиненных — их стремление решать вопросы самостоятельно, без него, но созданная Сталиным же система контроля, по существу, давила любую самостоятельность тем, что жестоко наказывала за убытки, которые у любого руководителя возможны и за которые отвечает

только он, если примет решение сам. Он вспомнил, что как раз накануне контрольные органы на Политбюро предложили снять с должности и отдать под суд секретаря Мурманского обкома Прокофьева. В его область ошибочно завезли слишком много продуктов, и у населения не хватило денег их раскупить. Возникла угроза, что продовольствие сгниет, и Прокофьев своей властью снизил на него цены на 20%, хотя, конечно, не имел права это делать без разрешения правительства. Сталин понимал, что если бы Прокофьев начал согласовывать этот вопрос в правительстве, то не был бы виноват, но на эти согласования ушли бы недели, и он сгноил бы продовольствия на миллионы рублей, а так он спас государству эти деньги. Но ведь и контролеры исполняли свой долг!

— Ну что же, — начал подводить итог на Политбюро Сталин, не зная, как ему найти «соломоново» решение, при котором бы поощрить и Прокофьева за самостоятельность, и не обидеть контролеров. — Товарищ Прокофьев человек инициативный, смело берет на себя ответственность. Это хорошо. Однако за ним нужно присматривать, не то он по своей инициативе еще войну кому-нибудь объявит.

Сталин тяжело вздохнул от нерешаемости задачи, и положил перед собой очередной документ из лежащей на столе кипы. Но в это время в его мысли вмешался ликующий вопль Хрущева.

— Ну что, видал, прокурор, как надо бить?!

— Подожди, Мартин Боруля, мы еще не окончили, — прокричал в ответ Берия, тяжело дыша.

— Опять промазал! — засмеялся Хрущев, — Зажирел, прокурор, зажирел!

— Рано радуешься, Мартин Боруля, я еще не размялся.

Сталин пригласил прибывшего на побывку из Германии сына и приехавшего по делам из Киева Хрущева с его приятелем Берией к себе на воскресный обед, но теперь его эти крики отвлекали, и Сталин раздраженно сделал выговор игрокам.

— Да что вы как дети?! Члены Политбюро, а друг другу клички даете, как шпана какая-то!

Берия с Хрущевым начали обмениваться репликами потише, а Сталин мысленно удивился насколько эти приятели подходят друг-другу из-за своего совершенного несходства.

Берия обладал исключительно мужским умом и характером — он глубоко и точно мог исследовать любой вопрос, мог решить самые тяжелые проблемы был благороден и прощал, а порою и пренебрежительно не замечал выпадов против себя лично, по-отцовски опекал всех своих подчиненных, но был по-мужски добродушен и непрактичен.

А Хрущев обладал ярко выраженным женским складом ума и был чрезвычайно практичен, что делало его прекрасным хозяином. Но, на взгляд Сталина, Хрущев был по-женски излишне жесток, хотя и тщательно скрывал эту свою черту характера. Много лет наблюдая за работой Хрущева, Сталин где-то в глубине души подозревал, что Хрущев совершенно равнодушен к людям и может обречь на смерть сотни тысяч, если сочтет, что в данный момент так поступать правильно.

В начале войны Сталин в своей речи потребовал при отступлении не оставлять немцам ничего ценного и никаких запасов, и практичный Хрущев, услышав это, немедленно, как танк, двинулся на исполнение указания, приказав в полосе 150 километров от линии фронта все сжечь, взорвать, скот угнать или перебить, все поля вытоптать. Короче, немцам он ничего оставлять не собирался. А за счет чего должны были жить оставляемые под оккупацией немцев советские люди? Об этом Хрущев не думал, а если и думал, то считал этот вопрос несущественным. Сталин тогда остановил безумные по своей жестокости действия Хрущева и вообще считал, что за Хрущевым нужен постоянный контроль, чтобы тот чего-нибудь не натворил с самыми искренними намерениями.

Сталину надо было бы попробовать поговорить с Хрущевым по душам, хотя Никита вряд ли бы открылся и ему.

В раннем детстве, когда Никите было лет 6, он заболел, и отец, бедный крестьянин, нес его к фельдшеру, а по дороге их нагнал в повозке местный, тоже бедный, панок, поляк. Отец попросил подвезти больного сына, а панок презрительно над ним посмеялся, назвав глупым быдлом, и презрительно заметив, что если Никита тут у дороги и подохнет, то на свете одним глупым быдлом будет меньше. Это, уже забытое, яркое детское впечатление вселило в Никиту не просто ненависть к угнетателям, оно вселило болезненный комплекс доказать всем, что он не глупое быдло, что он может встать надо всеми и быть умнее всех. Это болезненное честолюбие руководило Хрущевым всю жизнь, хотя он сам об этом не думал, но во имя этого честолюбия Хрущев готов был и на собственную смерть, и только это честолюбие определяло смысл его жизни.

Хрущев был, безусловно, очень умным человеком от природы, но у него был дефект: он органически имел очень бедную фантазию и не мог представить в уме ни предметов, ни ситуаций, если они не были ему знакомы из его практики, из его предшествующей жизни. То есть, если он читал или слышал о чем-то, чего раньше не видел, то текст терял для него смысл, представлялся просто набором слов и становился неинтересным. Если бы Хрущев подался в интеллигенты, то он не испытывал бы трудностей, поскольку интеллигенты просто запоминают тексты и потом их воспроизводят, не заботясь о понимании смысла. Но Хрущев был слишком умен для интеллигента — он был человеком дела, и отсутствие фантазии было для него трагичным, поскольку из-за этого ему было неинтересно чтение, неинтересна самостоятельная учеба по книгам.

А это превращалось для него в проблему. Если стоящая перед ним задача включала в себя вещи, ранее знакомые Хрущеву, то он мог творчески решить ее, но как только задача касалась областей, Хрущеву ранее не известных, то он

становился беспомощен — даже читая о них, он не мог их себе представить и, следовательно, не способен был найти правильное решение. А ведь руководитель ведет свою организацию вперед — в неизвестное или малоизвестное, — ему без фантазии нельзя. Поэтому Хрущев был прекрасным руководителем, но только как исполнитель — он не годился на самостоятельную роль. Хрущев был хорош, если ему точно указывали решение — цель, которой должна достичь руководимая им организация, — да еще и проверяли, точно ли Хрущев эту цель понял. Вот тут Хрущеву не было цены: он прекрасно знал людей, хорошо в них разбирался, знал силу и слабости каждого и мог прекрасно организовать работу своих подчиненных, добиваясь от них нужных и уже понятных Хрущеву результатов. Этим и объяснялся быстрый карьерный рост этого, по сути, очень малообразованного человека, — Хрущев был прекрасный исполнитель.

Хрущев был умен и видел эту свою слабость, хотя и самому себе не хотел в ней признаться. Он очень хитро и не без коварства выбрал себе то, что называется имиджем. Он вжился в роль такого простого сельского дядьки, умного, но неискушенного во всяких там городских хитростях, а потому требующего постоянной подсказки более умных товарищей. И этой своей позицией Хрущев переигрывал всех. Ему, безусловно, верили. Если умников подозревали, если о них думали, предал или нет, то о Хрущеве и мыслей таких ни у кого не возникало — как же он предаст, если он без нас беспомощен? Это же все равно как младенцу предать свою мать.

В полном смысле слова Хрущев не был коммунистом, поскольку вряд ли мог при своей фантазии представить, что это такое. Но он был, безусловно, преданным членом партии, поскольку только благодаря ей он сделал карьеру. Он пока не хотел в этом признаться даже себе, но уже ненавидел Сталина и многих членов Политбюро по причине, в которой, собственно, сам был и виноват. Он выбрал себе роль глуповатого парня, а эта роль обязательным условием

имела подшучивание товарищей. Хрущев смеялся вместе со всеми над своими глупостями, и это только поощряло насмешки. Если бы он обиделся, то все насмешки бы прекратились, но Хрущев боялся потерять имидж простака, и ему приходилось терпеть. Подшучивал над ним и Сталин, уверенный в искренности Хрущева, не представляя, какое бешенство в груди Хрущева вызывают такие шутки.

И лишь его друг, простодушный Берия, несмотря на то, что он, по мнению Никиты, был умнее всех в Политбюро, относился к Никите, как к другу —искренне уважая его даже тогда, когда и сам Хрущев понимал, что наговорил или натворил глупостей.

Надо сказать, что хотя в Политбюро над Хрущевым и подшучивали, но все уважали его за личную храбрость, а Никита действительно был храбр, то есть, был способен хладнокровно и обдуманно действовать в условиях непосредственной опасности для жизни. Война показала, что по личной храбрости, показанной на фронте, Хрущев намного превосходит основную массу советских маршалов и генералов и, пожалуй, сравним только с Львом Захаровичем Мехлисом, чье бесстрашие было непререкаемым образцом, и о котором и сам Хрущев говорил, что Мехлис честнейший человек, но немного сумасшедший.

Сталин не подозревал об истинной сущности Хрущева, да ему и недосуг было так глубоко задумываться над его внутренним миром. Вождь зяб на прохладном ветерке и с раздражением просматривал документы, раз за разом убеждаясь, что ему подсовывают для решения вопросы, которые без проблем можно было бы решить и без Сталина и над решением которых ему надо было думать не меньше, чем подчиненным. Между делом он начал думать, что когда он отстранит партию от государственной власти и сделает чисто идеологическим органом в стране, то ее возглавит Жданов, наиболее сильный идеолог. А вот во главе единовластной Советской власти вполне мог бы встать Берия

со своим глубоким аналитическим умом и видением далеких перспектив. Правительство же вполне способен возглавить Хрущев, он, правда, простоват, но трудяга, и под руководством Берии вполне будет на месте.

В это время, вытирая руки о фартук, к беседке подошла домоправительница Сталина Валентина Истомина.

— Товарищ Сталин, и обед уже готов, и Василий Иосифович уже подъехал.

СЫН

В беседку быстрым и легким шагом зашел Василий, одетый в повседневную форму генерал-майора авиации.

— Здравствуй, папа! — поприветствовал он отца, после чего помахал рукой игрокам.— Здравия желаю, Никита Сергеевич и Лаврентий Павлович!

Хрущев и Берия в ответ отсалютовали Василию битами.

— Привет, Василий! Иди к нам, поможешь прокурору, — весело прокричал Хрущев

—Не слушай Мартина Борулю, ему сейчас самому помощь нужна будет, — не сдавался Берия.

Василий сел на скамейку напротив отца и закурил.

—Что это с ними?

Сталин усмехнулся.

— Пенсне у Берии, как, вроде, у какого-то районного прокурора, знакомого Хрущеву, вот Микита с утра и обзывает Берию прокурором. А сам привез в Москву из Киева пьесу, называется «Мартин Боруля», и пьеса такая идеологически правильная, и такая примитивная, что аж тошнит. Видимо, за эту идеологическую ясность она Хрущеву и понравилась, и он решил поразить Москву достижениями киевской драматургии. Ну, а в Москве эту пьесу освистали, и вполне заслуженно. Вот Берия в ответ и называет его Мартином Борулей. С одной стоны, они, конечно, приятели, но,

с другой стороны, все же государственные деятели и могли бы держаться посолиднее.

Сталин слегка задумался и стал серьезным.

— Послушай, Вася, ты бы не мог вести себя так, чтобы мне не намекали на твое пьянство? Или хотя бы поменьше намекали на это?

Василий вскочил, отбросил папиросу и с обидой ответил вопросом на вопрос.

— Как, папа, я могу прекратить эти сплетни, если я — Сталин? — с минуту нервно прохаживался по беседке. — И сплетни наверняка идут с кругов так называемой творческой интеллигенции?

— Сложно сказать, — ответил отец, задумавшись, — я с кругом этих людей не часто имею дело, да и не откровенничаю, но вполне возможно, что и оттуда. Но какая разница, ведь речь-то о тебе.

— Есть разница. Я ведь тоже с этим кругом людей, тщеславных, глупых и подлых, общаюсь крайне редко. Вот они и не могут простить ни мне, ни тебе того, что мы ими пренебрегаем.

— Насчет их тщеславия и подлости, положим, ты прав, но ведь не бывает дыма без огня.

— Папа, я — летчик. На этой службе, даже в мирное время, совсем не пить нельзя, а уж во время войны не давать летчику выпить — преступно.

Пойми, в бою летчику нужно собрать все силы, чтобы самому совершить действие, которое грозит ему смертью, самому направить свой самолет на врага. Это же требует огромного нервного напряжения. Возьми Покрышкина — летчик от бога и, казалось бы, страха никогда не знал. А я с его механиком разговаривал — даже Покрышкин после каждого боя гимнастерку с нательной рубахой менял — мокрые были от пота. И вот эти нервные напряжения в бою не дают летчику заснуть ночью. Ложишься, глаза закроешь, а перед глазами трассы, разрывы, эти желтые кресты, крылья. И летчик после боя может заснуть, если его на ночь девуш-

ка облагодетельствует, или если вечером хоть 100 грамм, а примет. А не выспится, как ему с утра снова в бой лететь? Правда, скажу, пьют не все, есть которые и обходятся, процентов 50. Но остальным-то надо!

Василий не кривил душой перед отцом, которого уважал безмерно, и не хотел, чтобы отец считал его оправдывающимся.

— Девушек я своим летчикам предоставить не мог, а 100 граммов обязан предоставить.

— И сам? — внимательно глядя на сына, спросил Сталин.

— Когда летал, то и сам. Я ведь, папа, в плен попадать не мог, я ведь на боевые вылеты без парашюта летал.

Сталин вздохнул.

У него было трое детей. Младшая и любимая дочь Светлана выросла какой-то сильно любящей себя и равнодушной к делу отца.

Старший сын Яков погиб в бою в Белоруссии 16 июля 1941 года, предопределив своей гибелью трагическую историю, поскольку немцы, подобрав его тело, в пропагандистских целях объявили, что он сдался им в плен. Проверить действительность этой провокации в то время было невозможно, и Сталин санкционировал арест и содержание в лагере жены Якова, своей невестки Юлии Исааковны Мельцер — матери двоих своих внуков. По положению военного времени так полагалось поступать с женами всех кадровых офицеров, сдавшихся немцам в плен, и жена Якова сидела в лагере до 1943 года, когда стало понятно, что Якова немцы в плен не взяли и он, скорее всего, погиб в бою. Это положение о женах сдавшихся в плен офицеров на практике не работало, поскольку связей с немцами даже через Красный Крест СССР не имел, и все сдавшиеся в плен советские офицеры числились пропавшими без вести, а их семьям оказывались внимание, помощь и выплачивалась пенсия. Исключение составляли только вот такие случаи, когда немцы сами объявляли, что данный офицер сдался им в плен добровольно, как это было с предателем генералом Власовым, и вот — с Яковом.

А Василий рвался в бой, и задержать его в тыловых войсках противовоздушной обороны было невозможно — Василий требовал отпустить его на фронт. Он — Сталин, он обязан был воевать за СССР! Но он понимал, что сделают немцы, если он попадет к ним в плен, поэтому и летал в бой без парашюта, чтобы сгореть вместе с самолетом, если немцы его подобьют.

— Но дело даже не в этом. Если бы дело было только в этом, то и сплетен бы не было, — немного помолчав, с горечью продолжил Василий.— Я — Сталин. Поверь, очень многим лестно встретиться со мною, невзирая на то, нужна ли эта встреча мне, приятно ли мне это. И приходится быть радушным, чтобы никто не сказал, что Сталин заносчив, что он пренебрегает людьми. И в результате многие хвастаются встречами со мною, хвастаются якобы дружбой со мною, а как им эту дружбу подтвердить? Только тем, что они со мною якобы напивались. И фантазию в этих баснях проявляют самую дикую.

Один футбольный тренер, с которым я несколько раз встретился сугубо в служебной обстановке, теперь всем рассказывает, что он две недели жил у меня в доме, мы все эти две недели беспробудно пьянствовали, закусывали арбузами и спали на полу. И такое придумал всего лишь футболист! А представь, что придумывают все эти поэты, журналисты и прочие артисты, которые зачисляют меня в свои друзья и которым в своей жажде славы хочется казаться выше меня — выше пусть не Сталина, но хотя бы его сына? Ведь вся эта интеллигенция — мелкие людишки, у которых нет иного способа возвыситься, кроме унижения других.

Да и не это особенно обидно. Ты знаешь, сколько командиров авиационных истребительных полков во время войны, особенно в начале ее, командовали воздушными боями с земли, с аэродромов? — И, поняв, что отец знает чуть ли не о массовой трусости советского кадрового офицерства в начале войны, не стал развивать эту тему. — Сколько их было снято за эту трусость, поскольку командовать воздуш-

ным боем можно только в воздухе! А я водил свой полк, а потом и дивизию в бой лично во всех операциях, когда мы задействовали все силы. Я командовал вверенными мне летчиками в воздухе. А что в результате?

Сообщают, что один сухопутный маршал всем до сих пор рассказывает, что «когда Васька летал на задание, его охранял весь полк». Какая сволочь! Он же военный, как же можно так извратить смысл боя!

— И кто этот маршал? — прищурившись спросил Сталин.

— Не хочу говорить, маршал он, наверное, хороший, орденами весь увешан, — ответил Василий, больше всего боявшийся, что его сочтут доносчиком при своем отце.

— На самом деле у нашей армии хороших маршалов до слез мало,— с горечью констатировал Сталин. — Вот и приходится прославлять всех, и ордена вешать на всех, чтобы враги их боялись. Скажи о них народу и миру правду, скажи о том, как они трусили, как бежали от немцев, Советская Армия у врагов всякое уважение потеряет.

Так кто это?

— Не скажу, папа, получится, что я доносчик, нехорошо это.

Так что, папа, я пью, это да, но, как написал Есенин своей маме, не такой уж горький я пропойца, чтобы не исполнять добросовестно те задания, которые мне доверяет Родина.

— Не хотелось бы, чтобы ты кончил, как Есенин... — Сам поэт, прекрасно знавший отечественную и мировую литературу, Сталин тут же вспомнил трагическую судьбу Есенина, смерть которого списывали именно на пьянство.— Ну ладно, закончим этот разговор, и давай-ка передислоцируемся в столовую.

— Подожди, папа, у меня есть просьба, — остановил отца Василий. — Видишь ли, я — летчик, и, без хвастовства, я очень хороший летчик — я летаю на всем, что летает,

и налет у меня такой, что мало кто в ВВС СССР столько налетал даже к пенсии. Причем, даже не в боях у меня всякое было: и молния в мой самолет била, и вслепую транспортник, полный летчиков моего же полка, сумел как-то в Ростове посадить. Я действительно хороший летчик.

Поэтому я своих летчиков и знаю чему надо учить, и знаю, как эту учебу организовать, и сам научить могу. В этом деле меня не обманешь и пыль в глаза бумажками и рапортами не пустишь. Папа, я в Германии службу своего 1-го гвардейского воздушного истребительного авиакорпуса уже настроил — у меня прекрасные командиры дивизий и полков, прекрасные инструкторы, молодые летчики быстро обучаются и становятся в строй. У меня сейчас в день работы на 3—4 часа, а дальше я уже начинаю своим присутствием своим подчиненным мешать. Если начнется война, любой противник сразу же заметит, что тут воюет корпус Сталина, но война, скорее всего, в ближайшие годы не начнется.

Папа, мне скучно в этой чертовой Германии! Поговори с Вершининым — пусть меня переведут на родину. Пусть мне дадут любой самый отсталый корпус в любой точке СССР, лишь бы работы было на целый день. Меня гнетет это безделье мирного времени.

— Что же, запрошу официальные характеристики на тебя, подумаю.

В это время с городошной площадки донеслись радостные крики Хрущева.

— Моя взяла, прокурор!

Подняв биту вертикально и дирижируя ею, как тамбурмажор, Хрущев замаршировал к беседке, распевая на мотив «Три танкиста»:

— Рука крепка и палки наши быстры, и наши люди мужества полны... — Дальше у Никиты кончилась рифма и перестал складываться размер стиха.

Сталин засмеялся.

— Микита! Ну, с тобою невозможно работать!

— Товарищ Сталин! Народ говорит, что если невозможно работать, то срочно нужно обедать! — ликовал довольный собою Хрущев.

— А все уже готово, идемте, — Сталин кивнул Василию. — Вася, отнеси бумаги на стол в моем кабинете, только возьми обе пачки отдельно, чтобы не перепутать.

— Папа, у тебя в ванной на кране прокладка прохудилась. Инструмент у тебя там же? Я после обеда заменю.

Сталин, всегда старался, насколько мог, проследить за интеллектуальным развитием своих детей. Василий, неся бумаги отца в кабинет, вспомнил, как в августе 1934 года на даче в Сочи отец и Киров работали над указаниями по составлению учебника «История СССР», который потом вышел в 1937 году под редакцией профессора Шестакова. Сталин сам блестяще знал историю, в том числе историю войн, знал не просто все великие сражения, но и причины этих сражений, войн, знал, каково было соотношение сил, чем закончились сражения: если поражение — почему, если победа — в результате чего достигнута.

Одновременно Василию и фактически приемному сыну Сталина Артему Сергееву, 13-летним подросткам, были даны задания. Им была выдана книга — учебник истории Иловайского и Бельярминова, его нужно было прочитать и отвечать отцу и Кирову на вопросы

Книга была не просто старая: с нею работали сотни читателей, а подросткам хотелось подвижных игр. Вот они, оставив книгу на открытой террасе, убежали на соседнюю дачу играть в волейбол. Возвращаясь, издали увидели, что пригорок, на котором находится дача, усеян белыми пятнами, по нему ходит Сталин, нагибается, подбирает что-то. Оказывается, налетел ветер, его порывом учебник разметало, и вот Сталин собирал разлетевшиеся листы.

Увидев детей, Сталин сказал: «У вас что, на шее задница вместо головы?» Потом очень спокойно объяснил, что в этой книге описаны тысячи лет истории, что она «далась потом и кровью сотен людей, которые собирали факты, запи-

сывали, другими способами передавали, переписывали, хранили эти сведения. А потом ученые историки десятки лет перерабатывали эти сведения, чтобы дать нам представление об истории человечества. А вы?!»

Велел детям взять шило, нитки, клей и привести книгу в порядок. Пару дней дети возились с этой книгой: подбирали листы, складывали, сшивали, сделали обложку из крепкой бумаги. Работу Василий и Артем выполнили аккуратно и с большим усердием. Показали починенную книгу Сталину, он сказал: «Вы хорошо сделали. Теперь вы знаете, как надо обращаться с книгами». Потом Сталин обратил их внимание: «Имейте в виду: у ветра может быть большая сила. Он может и помогать, и разрушать». Сказал, что создаются ветровые двигатели, которыми с помощью ветра получают электроэнергию. Спросил: «Вы про ветряные мельницы знаете? Ветер у ветряных мельниц вращает валы, давит на лопасти, на крылья, вращает их, крутит вал, а вал крутит жернова, которые и размалывают зерно до муки. Есть книги про эти мельницы. Почитайте. Там вы найдете много интересного».

Василий улыбнулся непредсказуемости мысли отца. Както отец спросил его и Артема:

— Вы будете военными. А какой предмет для военного самый главный? — и в ответ на ответы ребят «математика», «физика», «физкультура», разъяснил. — Русский язык и литература. Ты должен сказать солдатам так, чтобы тебя поняли. Надо сказать коротко, часто в чрезвычайных условиях боя. И сам ты должен понять сказанное тебе. Военному выражаться надо ясно и на письме, и устно. Во время войны будет много ситуаций, с которыми в жизни ты не сталкивался. Тебе надо принять решение. А если ты много читал, то у тебя в памяти уже будет подсказка, как себя нести и что делать. Литература тебе подскажет.

Но помимо отца, развитием Василия занимался и его дед, тесть Сталина Сергей Яковлевич Аллилуев — удиви-

тельный мастер во всем, за что брался! По дому он, как впоследствии и Василий, многое делал сам — все столярные, слесарные, сантехнические и электротехнические работы. И, в результате, Василий очень любил работать, а поскольку в семье Сталина вообще приветствовался труд, особенно физический, то Василий и дома, и на даче много работал: сгрести мусор, с крыши сбросить снег, грядки вскопать, починить что-то — он первый, и всегда работал с интересом и буквально до упаду.

СПРАВКА. В личном деле Василия Сталина указаны его различные недостатки, в частности, во времена войны есть запись о том, что он «горяч, вспыльчив, нервная система слабая, имели место случаи рукоприкладства к подчиненным». Но за все время службы в деле нет ни единого слова о якобы пьянстве Василия Сталина.

В 1947 году В. Сталин был назначен помощником командующего Военно-воздушными силами Московского военного округа, а с 1948 года он командующий ВВС этого округа, причем к этому моменту Военно-воздушные силы Московского военного округа были на 10-м месте среди ВВС остальных военных округов.

Новый командующий ВВС переносит штаб на Центральный аэродром, пресекает в нем пьянство, учреждает в штабе книжный киоск и продажу театральных билетов. Днюет и ночует в авиаполках. В результате уже в 1948 году ВВС Московского военного округа занимают 2-е место среди всех ВВС и воздушных армий, а в 1949 году — первое, и удерживают первое место в 1950 и 1951 годах.

В 1950 году он лично готовит летчиков авиадивизии, посылаемой в Корею для боев с американской авиацией. И хотя в этой дивизии было очень мало участников Великой Отечественной войны, за счет мастерства советских летчиков она добилась выдающихся результатов. В частности, входивший в состав дивизии 196-й истребительный авиаполк за 10 месяцев боев потерял 4 летчиков и 10 самолетов, но сбил 104 американских самолета».

ВПЕРЕД — В БУДУЩЕЕ!

В столовую первым вошел всегда очень подвижный Хрущев, за ним Сталин и Берия. Хрущев тут же направился к стоящему у стены сервировочному столику и заглянул в судки с едой.

— Ага, котлетки, ага, гречневая каша, ага, украинский борщ! Так и знал! Вареников только не хватает.

— Это Валя распорядилась сварить борщ специально к твоему приезду, — пояснил Сталин.

— Ну конечно — удивить хотела. Разве ж Хрущеву на Украине кто-нибудь нальет миску украинского борща! Только у товарища Сталина его и попробуешь, — ерничал Никита.

Берия рассмеялся шутке Хрущева.

— Это Истомина не для тебя, Никита, борщ сварила, для тебя вон горилка на столе. Это она для нас борщ и гречку сварила, чтобы подать нам Хрущева в гарнире из украинских блюд.

Поскольку Сталин работал непрерывно и государственные разговоры могли вестись даже за обеденным столом, то в штате обслуживающего Сталина персонала не было официантов, да и не приняты были слуги у советских руководителей. Мария Бутусова состояла в штате охраны и была «подавальщицей», то есть, когда у Сталина были гости приносила из кухни судки с блюдами и чистые тарелки, ставя их на сервировочный столик еще до обеда. Во время обеда, в столовой не было никого, кроме Сталина и приглашенных им гостей. Каждый сам вставал, подходил к сервировочному столику и сам наливал или накладывал себе понравившееся блюдо, сам же и относил на него грязные тарелки.

После смерти жены, в штат охраны Сталина была введена сначала подавальщицей молодая девушка Валентина Истомина. Со временем она стала кем-то вроде домоправительницы при Сталине — следила за чистотой и целостью его одежды и обуви, за общим порядком в доме. Конечно, учитывая ее молодость, определенные слухи ходили, но Валя

вела себя со всеми так, что не давала ни малейшего повода считать, что она для Сталина является чем-то или кем-то большим, чем домоправительница и сержант НКВД.

Все налили себе в тарелки борщ и сели за стол: в торце, на месте хозяина — Сталин, слева и справа от него — Хрущев и Берия. Последним вошел задержавшийся Василий.

Хрущев, спросив у Сталина, что тот будет пить, налил ему в бокал вина, а себе, Берии и Василию — в рюмки водки.

— Под борщик нужна водочка, — приговаривал Никита.

Сталин поднял свой фужер с вином.

— Я хочу сказать тост за нашего дорогого Никиту Сергеевича. Все — и партия, и народ — любят товарища Хрущева за его преданность делу Коммунизма, за его мужество и храбрость и за его неукротимую, прямо-таки атомную энергию во всех делах. Центральному Комитету иногда приходится сдерживать эту атомную энергию товарища Хрущева и направлять ее, так сказать, для использования в мирных целях. Но энергия — это такой недостаток, который хочется пожелать каждому. Я пью за здоровье товарища Хрущева и за то, чтобы его энергия никогда не иссякала и при этом не требовала контроля Центрального Комитета.

Хрущев был до глубины души тронут этим тостом. Поэтому следующий тост он почти сразу же предложил «за товарища Сталина, за нашего вождя, за нашего батьку, за наше все!», потом Сталин поднял фужер «за успехи Лаврентия в создании атомной бомбы», а Берия — «за нашу авиацию и ее сокола Василия Сталина», а Василий — «за здоровье отца и всех присутствующих». Хрущев был искренне счастлив и весел, поэтому, когда Берия налил себе добавку борща, засмеялся и многозначительно пояснил:

— Это он, чтобы в следующий раз у меня в городки выиграть.

Наконец на столе осталась ваза с фруктами, а перед каждым фужер с вином. Все ели, в основном, виноград и груши, только перед Василием, который очень любил лимоны,

стояло блюдечко с сахаром — он резал лимоны на крупные дольки, обваливал их в сахаре и с удовольствием отправлял в рот. Разговор зашел об атомной энергии и Берия объяснял Хрущеву и Василию.

— Если определенным образом провести деление ядер урана-235-го или плутония 239-го, то с их килограмма выделится энергии в 2 миллиона раз больше, чем дает энергии килограмм угля при своем сгорании. А если соединить ядра тяжелого водорода, то энергии выделится в 12 миллионов раз больше. Миллионов!! Сейчас-то мы думаем об атомной бомбе, об оружии, которого у нас нет, но в будущем это будет огромным источником энергии для мирных целей.

— Я думаю, что будущее надо делать сегодня, а то оно от нас уходит и уходит. Я думаю, что все советские люди должны жить, как мы, — сказал Хрущев.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Сталин.

— А то, что мы их селим в городах, в многоэтажных домах, они же там земли не видят. А надо, чтобы они жили вот как мы — чтобы у каждого отдельный удобный домик, со всеми удобствами, чтобы садочек рядом, чтобы детки тут же на лужайке бегали. И вот думаю я, начать строить на Украине такие агрогородки —такие города-сады, как и говорил товарищ Карл Маркс. Города-сады — звучит-то как хорошо! Чтобы и поле тут было, и завод какой-нибудь. Чтобы люди и в поле немного поработали, и на заводе, и на просторе, на воздухе жили…

— Микита! Маленький ты наш Маркс! — Сталин сказал это с некоторым раздражением в голосе. — Ну, кто же этого не хочет?! Но ты же хоть немного подсчитай прежде, чем что-либо делать. Полстраны в развалинах, люди в землянках живут, в бараках, у тебя на Украине невиданная засуха, а ты каждому отдельный домик с удобствами. Где взять материалы, чтобы их построить, где людей, где деньги взять?

Ну, вот возьми шестиэтажный дом на 100 квартир и поселок на 100 домиков. Ведь это только строительных материалов нужно вдвое больше, а если с учетом подвода те-

пла, воды, канализации, то и впятеро. А по трудовым и денежным затратам? В десять, если не в 100 раз! Ну, построишь ты 100 домов для 100 семей, а тысяче семей, сколько лет в землянках жить?

Тон Сталина больно задел Хрущева, и это заметил Берия.

— Не могу с вами согласиться, товарищ Сталин. Да, Никита торопится со сроками и денег не считает, но кто у нас сейчас думает о будущем и считает? А Хрущев, по крайней мере, думает о будущем.

Все министерства стремятся сегодняшние дыры залатать, и только. И только у себя. К примеру. Каждый для своих заводов заказывает и строит электростанции, и не очень мощные, каждый заказывает к ним уголь, и мы строим шахты, а к шахтам железные дороги, чтобы этот уголь подвозить. А в угле минимум 10% золы, да еще влага. В экибастузском угле (а это огромнейшие запасы) вообще только золы 25%. Это же мы в каждом четвертом вагоне везем не топливо, а золу и воду.

А если в этих районах с большими запасами энергии строить комплексы электростанций, да мощнейших, да энергию передавать по проводам? А может, и не передавать? Может, еще выгоднее тут же, а не в традиционных районах, строить энергоемкие заводы — алюминиевые, электрометаллургические, химические, тогда мы будем возить не золу, а продукты, в которых уже будет заложен огромные объем энергии. Но чтобы это сделать, нужно, чтобы все министерства, зализывая сегодняшние раны, смотрели в будущее, как Никита.

Сталин задумчиво посмотрел на Берию.

— А ведь вы правы... Надо не пятилетние планы обсчитывать, вернее, не только их, — надо обсчитывать будущее. Пора уже обсчитывать и Коммунизм!

Сталин достал из коробки две папиросы «Герцоговина Флор», разорвал, их табаком набил трубку, раскурил ее и предложил.

— Зачем откладывать на будущее? Давайте сейчас и поговорим, что нам нужно для Коммунизма, как это должно выглядеть и в какие реальные сроки мы это сможем сделать?

Говорили долго, сначала все еще за столом, потом — прогуливаясь по парку, и в общих чертах стали появляться планы того, что стране нужно будет иметь. В дальнейшем и Сталин, и Берия всю свою работу стали рассматривать через призму будущего, настойчиво требуя этого и от министров Советского правительства.

Месяц спустя Берия, просматривая ведомственные газеты, обратил внимание на выступление министра путей сообщения (железнодорожного транспорта) СССР И.В. Ковалева и доложил об этом выступлении Сталину. Тот вечером вызвал обоих.

— Товарищ Ковалев, товарищ Берия передал мне смысл вашего выступления перед железнодорожниками, — сердито начал Сталин. — Скажите, на каком основании вы говорили в своем докладе о трехлетнем плане развития железнодорожного транспорта? Разве партия уполномочила вас заявить об отказе от пятилеток?

— Нет, товарищ Сталин, я говорил о трехлетнем техническом плане, — начал взволнованно оправдываться Ковалев. — Этот срок обусловлен тем, что во время войны мы восстанавливали разрушенные врагом железные дороги, используя подручные средства, — обрубки рельсов, сырой лес для изготовления шпал и ряжевых опор мостов. Но сырой лес, не пропитанный креозотом, через три года сгниет, и если шпалы и опоры мостов не заменить за означенный срок, то движение поездов на этих линиях станет невозможным. Вот почему нам нужно капитально восстановить железные дороги в освобожденных районах не позднее чем за три года. А устанавливать, на какой срок разрабатывать планы развития народного хозяйства СССР, — это прерогатива политического руководства страны, ЦК партии.

— Нет, товарищ Ковалев, не только наша прерогатива, но и ваша, — не согласился Сталин. — Не могли бы вы в

МПС подумать о пятнадцатилетнем плане развития железных дорог СССР, исходящем не из каких-то технических обстоятельств, а из условий полного удовлетворения потребностей развитой страны в грузовых и пассажирских перевозках? Можете вы представить себе как бы общество, уже подходящее в своем развитии к коммунизму?

Понимаете, Коммунизм — это общество свободных людей, но свобода требует материально-технической базы. Вот на Западе кричат, что у них люди свободны потому, что могут поехать куда угодно. Мочь-то они, может, и могут, да как они поедут, если у них на поездку нет денег, если им не на что купить билет? Так что западная свобода — это спекуляция для дураков, на самом деле, там свобода только для богатых. А в СССР каждый человек должен поехать куда хочет. Если захочет какая-нибудь уборщица на Урале поехать в Крым отдохнуть — у нее не должно быть никаких трудностей ни с деньгами для покупки билетов, ни с самим билетом.

А для этого надо всемерно развить все виды транспорта, и, в первую очередь, железнодорожный. Только при больших объемах перевозок стоимость перевозки тонны груза или пассажира будет минимальна, и наши советские люди без затруднений смогут купить любые билеты и будут по-настоящему свободны. Вот в чем тут дело, товарищ Ковалев.

— Мы сейчас же возьмемся за составление этого плана, товарищ Сталин, — облегченно пообещал Ковалев, обрадовавшийся, что Сталин сменил тон на доброжелательно-деловой.

— Пассажиропотоки продумайте сами с учетом того, что на очень большие расстояния основную массу людей будет перевозить гражданский воздушный флот, а на малые — автобусы. А по грузопотокам контрольные числа вам даст товарищ Берия. До свидания, товарищ Ковалев, — попрощался Сталин, отпуская министра, а после его ухода обратился к Берии. — Ну что, Лаврентий, твой друг Хрущев будет доволен моими распоряжениями?

МОРКОВКА ДЛЯ УЧЕНЫХ

В дождливый денек сентября 1946 года в просторной комнате для совещаний с длинным столом для членов Спецкомитета, проходило очередное заседание. В торце стола сидел Берия, рядом с ним Ванников, они, как и большинство остальных членов комитета, с нарастающим раздражением слушали разглагольствования академики Капицы.

Спецкомитет по атомной проблеме, в виду особенностей своей организации, обладал чрезвычайными полномочиями по мобилизации сил, любых ресурсов и резервов с целью создания атомной бомбы. Это, к примеру, означало, что когда на Урале и в Сибири стали строиться заводы по переработке урановой руды, пришлось сильно ограничить в электроснабжении ряд предприятий, которые, соответственно, не выполняли план. Уже из-за этого возникали яростные споры, порою переходившие в нецензурную брань. Берия создал в Спецкомитете такую рабочую обстановку, при которой все в этом особом правительственном органе считали себя равными по служебному положению, независимо от того, кто из них был членом ЦК или Политбюро. И могло быть так, что всего лишь министр химической промышленности Первухин, по обычным вопросам боящийся заходить к заместителю председателя Совета Министров и члену Политбюро Вознесенскому, как член Спецкомитета крыл Вознесенского по матушке. Вот и сегодня все изругались, обсуждая вопрос о том, за какими предприятиями сохранить в полном объеме потребление электроэнергии, и по вопросу увеличения фондов (плановых поставок) цветных металлов для нужд предприятий химической промышленности, занятых в производстве ядерного топлива. Оставаясь на равной ноге со всеми, Берия умело, а порою и жестко направлял обсуждение вопросов к нужной цели, не давая отклоняться от обсуждаемой темы и убивать рабочее время ненужной болтовней или руганью.

Капица взял слово в конце совещания, когда Берия спросил, какие еще есть вопросы. К тому времени все уже устали, однако Берия Капицу не перебивал, а тот, с массой «научных» терминов и натужным сарказмом, взялся критиковать Курчатова, требуя, чтобы Курчатов согласовывал с ним все планы научно-исследовательских работ по атомной проблеме. Берия сидел и думал о том, что все эти научные звания — от кандидата наук до академика — оглупляют людей до степени идиотизма в квадрате, то есть до степени, когда свой идиотизм этим людям уже совсем не заметен.

Академик Капица был живым примером этой мысли.

Всего на позапрошлом заседании Спецкомитета Курчатов, который постоянно испытывал большую нехватку научных кадров для научно-исследовательских работ по атомному проекту, предлагал подключить к атомной проблеме и Институт физических проблем Академии Наук СССР, возглавляемый Капицей. И вот тогда Капица всех убедил, что атомная проблема к его институту не имеет никакого отношения, и что в его институте нет специалистов для выполнения поручаемых Курчатовым работ. «Какого же черта ты, сам доказавший, что не специалист в атомной проблеме, сейчас лезешь руководить специалистом Курчатовым?» — мысленно возмущался Берия.

Академический болтун смотрелся в Спецкомитете как, инородное тело, и чем дальше, тем становилось очевиднее, что Капица хочет и «капитал приобрести» в атомных делах, и никакой ответственности не нести ни по одному конкретному вопросу в этой проблеме. Членам комитета, каждый из которых в деле создания атомной бомбы за что-нибудь отвечал, пустобрехство Капицы становилось все очевиднее и очевиднее, — не видел этого только сам Капица.

«Это и беда наших ученых, и дефект их ума, — думал Берия, пропуская мимо ушей болтовню академика. — Они работают в несколько раз меньше, нежели инженеры в промышленности или агрономы в сельском хозяйстве, и еще неизвестно, у кого работа сложнее и требует больше ума и зна-

ний. А апломба столько, что хоть памятники им при жизни ставь! Алчные, подлые, — сколько они политических доносов друг на друга написали во времена Ежова, чтобы спровадить коллегу в лагерь и захватить его должность! И в то же время профессор «А» никогда не выступит против научной никчемности профессора «Б» потому, что профессор «Б» в таком случае выступит против никчемности «А». Стая! Зато эта стая вместе душит все новое и действительно полезное в науке, чтобы на фоне этой полезности не была заметна научная никчемность самой стаи».

Берия взглянул на Курчатова, тот сидел хмурый, но молчал. «И Курчатов эту стаю боится, хотя его поддерживаю не только я, но и Сталин!» — с досадой отметил Берия. Перевел взгляд на оратора и вспомнил, что перед войной под поручительство Капицы приказал прекратить дело против Ландау, хотя тому было очень полезно лет пять поработать на лесоповале — заслужил! В памяти всплыли строчки из протокола допроса Ландау, в котором тот каялся в вещах, которые сержант-следователь ни придумать бы не смог, да, по сути, и не понял их.

«Участники нашей группы душили инициативу тех сотрудников института, которые пытались ставить на практические рельсы технические и оборонные работы, — давал «чистосердечные» показания Ландау— *Научные сотрудники, отстаивавшие необходимость заниматься не только абстрактной теорией, но и практическими проблемами, всяческими путями выживались нами из института.*

В этих целях талантливых советских научных работников, разрабатывающих актуальные для хозяйства и обороны темы, мы травили, как якобы бездарных, неработоспособных работников, создавая им таким образом невозможную обстановку для работы.

Так мы поступили с научным работником института Рябининым, который успешно вел многообещающую работу по применению жидкого метана как горючего для авиационного двигателя.

Я, Шубников, Вайсберг и Розенкевич организовали вокруг Рябинина склоку и довели его до такого отчаяния, что он избил меня. Воспользовавшись этим, мы добились его ухода — сначала из лаборатории, а затем и из института.

Таким же образом из института был выжит инженер Стрельников, разработавший конструкцию рентгеновской трубки, мощность которой примерно в 10 раз превышала существующие в СССР. Эта трубка могла быть использована в промышленности для устранения дефектов в металлах и рентгеновского исследования структур. Стрельников был нами удален из института под предлогом несоответствия его узко-прикладных работ задачам института.

Подобными же путями мы добились ухода из института научных работников Железовского, Помазанова и др.».

«Интересно, — усмехнулся Берия, — был ли от этого моего либерализма хоть малейший толк или было бы лучше, если бы Ландау все же сосны пилил?

Так, что же делать с этими учеными, как заставить их работать на Родину? Как защитить в науке таланты? Вот это вопрос так вопрос!» — подумал Берия, взглянул на соседа и остановил Капицу, поняв, что если это не сделает он, то сейчас взорвется уже покрасневший Ванников.

— Спасибо, Петр Леонидович, мы вас поняли, но я не вижу необходимости на данном этапе менять систему управления в Спецкомитете. На сегодня все, совещание закончено.

— Надо переговорить отдельно, — сказал Ванников, и они с Берией пошли в его кабинет.

— Лаврентий Павлович,— начал Ванников, закрыв дверь кабинета,— давайте всех физиков загоним в «шарашки».

Ванников работал в подчинении у Берии с 1941 года, прекрасно его знал и не стеснялся говорить с ним на любые темы, а «шарашками» назывались лагеря для осужденных преступников, имевших инженерно-техническое образование. В этих лагерях, между прочим, в очень комфортных условиях преступников заставляли работать по специаль-

ности, порою над теми же темами, над которыми они работали и на свободе.

— Не стоит тебе, Борис Львович, ломать голову над этим вопросом.

— Да почему же «не стоит»? Американцы что — дураки? Они всех своих ученых закрыли в Лос-Аламосской «шарашке» и не выпускали до тех пор, пока они не создали атомную бомбу. А чем мы хуже?

Ведь наша наука не работает и фактически саботирует атомный проект. — Ванников открыл свою папку, набитую документами, и нашел нужный. — Вот посмотрите, что мне пишет, так сказать, корифей советской науки академик Иоффе: *«...Вряд ли можно ожидать в ближайшем будущем практической отдачи от деления урана. Другое дело — исследование этого процесса.... Здесь надо расширять фронт работ. ...О срочном создании уранопроизводящей индустрии говорить рановато».*

Вот кому нужна эта пустопорожняя болтовня? — передразнивает: *«Фронт исследовательских работ расширять»*. Да ты дай хоть какое-нибудь конкретное решение хоть какого-нибудь момента этой проблемы! А вот тут-то эффекта — ноль!

— У тебя есть хоть какие-нибудь доказательства того, что это осмысленный саботаж?

— А у вас есть доказательства, что член Спецкомитета академик Капица саботажник? А ведь от него за год работы не поступило ни одного предложения по существу, и только одни доносы товарищу Сталину на меня и на вас. Обнаглел, паразит! Пишет товарищу Сталину, что вы в Спецкомитете дирижер, который не знает партитуры.

Но для того, чтобы судить, знает товарищ Берия партитуру или не знает, нужно самому ее знать. Но если ты, член Спецкомитета Капица, знаешь эту партитуру, то почему Спецкомитету ее не докладываешь? Почему вместо этого пишешь и пишешь доносы товарищу Сталину, почему корчишь из себя гения, хотя в атомных делах стране от тебя

толку, как от быка молока? Вот ведь идиот! Думает, что товарищ Сталин этой его тупой наглости не видит!

Я попробовал получить от него конкретные решения по атомному проекту, и посмотрите, что этот наглец мне отвечает. — Ванников нашел нужную бумагу. — *«Спор — скоро или нескоро получим урановую энергию — зависит и от того, какую мы приложим свою энергию для овладения энергией урана. Выделим много средств, людей, материалов, сконцентрируем на этой теме основные силы, результат будет скорый, а нет — нет. Я — инженер и привык к любой сложной проблеме подходить по-инженерному»*.

Видели?! Он, оказывается, инженер прекрасный, да только мы ему не даем средств, людей и материалов. Да мы тебе еще год назад дали зеленую улицу: бери все — людей, деньги, материалы, — но дай и стране хотя бы что-нибудь! А что of него толку?

Товарищ Берия! Я вам ответственно заявляю — их нужно за колючую проволоку и не выпускать, пока бомбу не сделают! Раз американцы своих ученых посадили, по сути, в лагерь, значит, нам сам бог дал.

— Нам-то как раз бог не дал. У нас, товарищ Ванников, сталинская Конституция, и никто не имеет права лишать советского человека свободы, если он не совершил преступления.

— Но ведь авиаконструкторов мы посадили в лагеря, организовали там «шарашки», и они в зоне сделали прекрасные самолеты.

— Ты кого, Борис Львович, имеешь в виду?

— Туполева и Петлякова, и их бомбардировщики Пе-2 и Ту-2.

— Ты не был связан со строительством самолетов, поэтому питаешься слухами, которые остаются слухами, даже если их и распространяет наша собственная пропаганда.

Во-первых. Все эти авиаконструкторы сели за измену Родине, причем из низменных, корыстных побуждений. Их перед войной послали в США купить лицензии на производство наиболее необходимых нам самолетов, и в США та-

кие самолеты были. К примеру, они могли купить истребитель, будущий «Мустанг», с которым американцы закончили войну, этот самолет был настолько новым, что его еще не приняла на вооружение армия США, и именно поэтому лицензию на него можно было купить. Но, судя по всему, у фирмы-разработчика «Мустанга» не хватило денег на взятку Туполеву и его команде. Им дали взятку другие, и комиссия Туполева купила лицензии и чертежи нескольких самолетов, причем наши мерзавцы даже не оговорили, чтобы фирмы-продавцы пересчитали размеры с дюймов в миллиметры. Ведь у фирм были на эти самолеты готовые формулы расчетов, и они легко могли такой пересчет сделать.

В результате эти купленные самолеты оказались нам и даром не нужны, поскольку, не зная формул, пересчитывать самолет — это все равно, что заново его сконструировать. В результате, только один самолет — транспортный ДС-3, был пересчитан и освоен в производстве, да и то, авиаконструкторское бюро Мясищева год его пересчитывало. Кому нужны были такие лицензии? Зато Туполев и его бригада хорошо в США отдохнули и на полученные взятки привезли из США много барахла.

За это и сели.

Вот я у тебя и спрашиваю, Борис Львович, — у тебя есть какие-либо доказательства, что и наши физики совершили такое преступление, как авиаконструкторы? Тогда и говорить не о чем, — подытожил Берия, увидев, как Ванников развел руками в ответ на его вопрос.

Во-вторых. Толку от творческой работы в тюрьме очень мало. Вот ты упомянул самолеты Пе-2 и Ту-2. Так вот, самолет Пе-2 — это слегка (не в ответственных местах) видоизмененная копия немецкого Ме-110, образцы которого мы перед войной у немцев купили. А Ту-2 только считается пикирующим бомбардировщиком, а на самом деле он после нескольких пикирований разваливается. Поэтому и бомбили немцев полки Ту-2 с горизонтального полета, а точность такого бомбометания паршивая — не для фронтовых целей.

А вот авиаконструктор Илюшин работал на свободе и создал наш родной Ил-2, технологичный и насколько можно защищенный. И именно этот самолет немцы назвали «черной смертью».

Если ученый тупой, не имеет творческого начала, так он будет тебе имитировать научную работу хоть на воле, хоть в тюрьме. И от твоего, Борис Львович, предложения, загнать физиков за колючую проволоку, я, откровенно говоря, никакого проку не вижу.

— Так что же с ними делать? Ведь не работают!

— Во-первых, нужно опереться на тех ученых, кто пошел в науку, чтобы служить Родине, а не для того, чтобы у Родины больше денег оттяпать. Кстати, мне Капица своим пустым умничаньем тоже надоел — только время напрасно с ним тратишь. Подготовь распоряжение и гони этого барина из Спецкомитета, а заодно и из его института. Может, напугаем его, и он поумнеет? Одновременно, это и для других наших бар будет примером того, что мы с ними цацкаться не намерены.

Но оставлять их в стороне нельзя. Может, у них ума и не хватает для такой проблемы, как атомная, но что-то они все же знают, а посему могут быть полезны. Значит, их тоже нужно заставить работать, — Берия задумался.

— Но как? — насмешливо спросил Ванников, глубоко уверенный, что для того, чтобы заставить подчиненного работать, нужно «регулярно бить его сучковатой дубиной».

— Они зачем стали учеными? — начал Берия, размышляя. — Чтобы у станка не работать и много денег получать, да еще и славу иметь. Деньги и слава для них главное, а не наука. Вот давай на этом и сыграем. Если мы для этих научных ослов не имеем кнута, то давай, стимулируем их морковкой. Давай-ка сделаем так.

Запиши и распространи среди всех ученых, которых мы привлекаем к этой проблеме, мое личное им обещание. Пиши.

«После испытания атомной бомбы все, кто отличится в этой работе, получат: первое — Звание Героя Соцтруда; второе — денежную премию». Ну, скажем, *«тысяч 150 рублей»*.

— Ничего себе! — возмутился Ванников.

— Ничего, это в общих затратах на бомбу — мелочь. Третье — *«государственную дачу в собственность. Четвертое — автомашину в подарок»*. Пятое — да, — *«лауреатство Сталинской премии»*. Что бы еще такое? Шестое. *«Получат право обучать своих детей за государственный счет в любых учебных заведениях СССР»*.

— А если дети тупые?

— Ладно. Что бы еще? Ага, *«бесплатный проезд в поездах и авиацией в пределах СССР. Пожизненно им с женой, а детям — до совершеннолетия»*. Что бы еще?

— Осталось выдать им по имению в Херсонской губернии и человек по 300 крепостных, — ехидно подсказал Ванников.

— Перестань паясничать!

И, конечно, чтобы они в течение всей работы ни в чем не нуждались: квартирами, лучшими товарами и продовольствием обеспечивать, так сказать, «от пуза». Всех.

— Мне что, — обиженно сказал Ванников, уверенный в исключительной надежности сучковатой дубины. — Деньги-то казенные, пусть они ими хоть подавятся, да только неправильно это!

— Правильно, Борис Львович,— вздохнул Берия,— бомбу сделать! Это единственное, что правильно.

Глава 5

ШТУРМ

СНЯТИЕ С ДОЛЖНОСТЕЙ

Ранней весной 1947 года Берия был в командировке в Сибири и вопрос о снятии Хрущева с должностей застал его там. Хрущев был избран первым секретарем ЦК ВКП(б) Украины еще в 1938 году и с тех пор бессменно избирался На эту должность, а с 1944 года он был еще и председателем правительства Украины, то есть, имел на Украине высшую и государственную, и партийную власть. И вот теперь его снимали.

В 1946 году страшнейшая засуха обрушилась на Европу, сильно пострадали все страны (СССР пришлось тогда помогать зерном дружественным Чехословакии, Венгрии и Румынии), очень сильно это бедствие ударило и по Украине. Хрущев же, стремясь выполнить как можно больше уже невыполнимый план по продаже колхозами зерна государству, заставил колхозы продать почти все зерно, кроме посевных запасов. В результате уже весной 1947 года в сельских районах Украины начался голод. Сведения о голоде повлекли сначала выезд на Украину комиссии ЦК, а затем и рекомендации секретариата ЦК ВКП(б) освободить Хрущева от занимаемых должностей.

Берия понимал гнев Сталина — Хрущев опять «во благо всего человечества» не думал о тех людях, которые ему были вверены. Но в Красноярском крайкоме он прочел справку комиссии ЦК, подготовленную под руководством секретаря ЦК Кузнецова, и эта справка сильно ему не понравилась

своим явно обвинительным уклоном: все огромные заслуги Хрущева затушевывались, а все недостатки выпячивались. Хрущев заслуживал наказания, но он заслуживал и справедливости.

Когда член Политбюро, секретарь ЦК и одновременно первый секретарь Ленинградского обкома и горкома А.А. Жданов переехал в Москву и фактически возглавил партию, дав возможность Сталину больше сосредотачиваться на государственных делах, вслед за ним в Москву на руководящие должности перебралось довольно много «ленинградцев», которые держались вместе и особнячком. Особенно заметно это стало после того, как в начале 1946 года в Москву секретарем ЦК перебрался, бывший при Жданове в Ленинграде вторым секретарем, А.А.Кузнецов, который в ЦК курировал кадры партии и силовые министерства страны, определяя кадровый состав этих министерств. Не малую силу у «ленинградцев» составлял и Вознесенский, тоже выходец из Ленинграда, возглавлявший Госплан СССР. Берия все время ощущал на себе какую-то враждебность этой группировки, кроме этого, ему казалось, что Кузнецов, контролируя, как секретарь ЦК, кадры партии, добивается от них не преданности делу коммунизма, а преданности этой «ленинградской группировке». За счет этого группировка набирала реальную силу без гарантии, что эта сила используется во благо государства. Все это Берии не нравилось, но у него не было фактов как-то выступить против такого местничества.

Поэтому, когда ему, как члену Политбюро, позвонил в Сибирь Маленков, чтобы узнать его мнение по вопросу снятия Хрущева с должностей на Украине, то Берия не проявил «партийной принципиальности», а как-то автоматически встал на защиту друга, заявив, что он «против». Маленков удивился, поскольку все остальные члены Политбюро проголосовали «за». По вопросу выведения оставшегося без должностей Хрущева из членов Политбюро Берия еще более решительно проголосовал «против». Но тут его удивил

Маленков, сообщивший, что «против» проголосовали и все остальные члены Политбюро, включая Вознесенского. Берия из Иркутска позвонил в Киев, стараясь как-то морально поддержать друга, но Хрущев, сдававший Кагановичу дела, был явно подавлен, ведь до сих пор его никогда не снимали с должностей.

В конце весны Берия опять был в командировке по атомным делам на Урале. Вернувшись в начале лета Москву и доложив состояние дел Сталину, он узнал, что Хрущев живет теперь в своей московской квартире, посему, отложив дела, Лаврентий заехал домой за гостинцами и поехал к Никите.

Берия вошел в квартиру друга, обнялся и поцеловался с Никитой и с женой Хрущева Ниной Сергеевной. Вручил ей корзинку:

— Сегодня приехал из Свердловска, а тут мне переслали из Тбилиси немного фруктов. Постой, Ниночка, постой! — вынул из корзинки бутылку коньяка и подмигнул Хрущеву— Как думаешь, Никита, не выпить ли нам к чаю прекрасного грузинского напитка? Взял бы вина, но ты же, хохол, его не переносишь.

Хрущев засмеялся, обнял Берию и повел в комнату:

— А Микоян твердит, что их армянский самогон лучше вашего...

— Ты же его знаешь, он же хвастун! — запротестовал Лаврентий.

Нина Сергеевна быстро накрыла стол с закусками и поставила поднос с чайными приборами, а сама вышла, чтобы не мешать мужчинам переговорить. Никита с ходу начал наливать себе водку в вынутый из подстаканника чайный стакан и быстро пьянел, а Берия понемногу пил коньяк из рюмки.

— Белая все же лучше коньяка, хотя сегодня и она почему-то плохо берет, — сказал Хрущев, предлагая Берии. — Давай и тебе в стакан!

— Спасибо, Никита, но я хотел сегодня еще немного поработать.

— А я вот безработный, мне можно... — с глубокой тоской протянул Хрущев.

— Да перестань ты, Никита, себе душу травить! Ведь из Политбюро тебя не вывели, значит, с должности сняли временно, не переживай, все утрясется.

Хрущев пьяно ударил себя в грудь и заплетающимся языком спросил:

— Лаврентий, ты мне друг, а я простой мужик, ты знаешь, что я сдохну, но тебя не предам, но сейчас ты на это не смотри, ты мне скажи и не смотри, что я друг, скажи честно — меня правильно сняли? Неужто Каганович лучше меня?

— Ну, Никита, ну, прошу — не трави же ты себе душу! Ну, ты же сам слушал Кузнецова, ну он же такие факты привел, что какое еще решение могло быть. Но ты об этом забудь...

Однако Никита не дал Лаврентию закончить мысль:

— Во! Во!! Ты правильно сказал, Лаврентий! Это все эта сука Кузнецов, это все эти курвы ленинградцы. Он же, падлюка, все извратил!! У меня в прошлом году засуха была — старики такой не помнят! Реки пересохли!! А Кузнецов об этом, хоть словом, вспомнил?! Вроде я специально голод организовал. Неужели у меня дела хуже, чем в других республиках? А? А что он про них сказал? — передразнивая. — «Некоторые недостатки». А у Хрущева на Украине, говорит, «полный развал». Падлюка!! — бьет кулаком по столу. — Это у меня-то развал?! — Хрущев пылал негодованием. — А Вознесенский?! «План — это закон». А то я без тебя, олуха из академии, этого не знаю! А Жданов их покрывает! — и, несколько упокоившись, продолжил. — Я товарища Сталина не виню — его рукой ленинградцы водят. Но, Лаврик, попомни мои слова — Кузнецов и Вознесенский — это падлюки. Ленинградцы — это падлюки! Они и самого Жданова дурят, я чувствую!

Хрущев, конечно, кривил душой, на самом деле он в этот момент глубоко ненавидел и Сталина, но, само собой, несравненно большую и искреннюю злобу он испытывал к Кузнецову и Вознесенскому.

Берия просидел у Хрущева около двух часов, пытаясь успокоить друга, но потом все же засобирался. Никита провел его до входной двери.

— Спасибо, Лаврик, ты настоящий друг, — искренне признавался он. — А остальные... — Хрущев обреченно махнул рукой. — То, как приеду, Микоян у меня чуть не жил, а как в марте сняли — все, сейчас уже пять дней в Москве, а он даже не звонит!

После ухода Берии, Хрущев долго, опираясь на дверь, стоял в прихожей в пьяной задумчивости, но из комнаты вышла Нина Сергеевна с неожиданным сообщением.

— Никита, тебе Кузнецов звонит.

Хрущев, мгновенно протрезвев, пошел в комнату и заговорил в трубку очень приветливо. Нина Сергеевна, не закрыв плотно дверь, смогла услышать.

— А, Алексей Александрович! Добрый вэчир... А какие у меня, у безработного, дела. Протоколы Политбюро просмотрел — и свободен... На рыбалку, говоришь? Завтра вечером?.. Почему же рыбкой не побаловаться, конечно, поеду, с довоенных времен на рыбалке не был.

Хрущев положил трубку, взгляд его стал злым, он не сдержался и вслух задал естественный в данном случае вопрос.

— И что же это вам, падлюки, от меня надо? Да еще и без лишних ушей?

Утром следующего дня этот же вопрос задал себе и министр государственной безопасности СССР В.С. Абакумов, прочитав расшифровку этого, подслушанного МГБ телефонного разговора.

Виктор Сергеевич Абакумов не был большим интеллектуалом, но дело контрразведки знал очень хорошо и, возглавляя во время войны фронтовую контрразведку «Смерш»

(Смерть шпионам!), добивался больших успехов в обеспечении секретности проведения Красной Армией стратегических операций. Так, в июле 1944 года «Смерш» обеспечил такую скрытность сосредоточения войск для Белорусской наступательной операции Красной Армии, что немецкий Генштаб только на четвертый день поверил, что советские войска наносят главный удар именно в этом месте, и уже ничего не сумел предпринять для отражения этого удара.

Абакумов был сильным и самолюбивым мужчиной, но недалеким, в связи с чем понятие карьеры связывал только с материальными благами, которые дает высокая должность. Из-за этой своей недалекости генерал-полковник Абакумов почти год после войны и упразднения «Смерша» оставался не у дел.

Но Абакумов был также секс-спортсменом, коллекционировавшим победы у московских интеллигенток, и ранней весной 1946 года он столкнулся у интеллигентных дам со своим коллегой — первым заместителем министра государственной безопасности СССР генерал-лейтенантом Огольцовым. А тем уже был недоволен тогдашний министр госбезопасности В.С. Меркулов, и Огольцову грозило, как и Абакумову, остаться не у дел. У Огольцова созрел план найти себе начальника получше, в связи с чем он и посоветовал Абакумову сходить к только что переведенному в Москву секретарю ЦК А.А.Кузнецову и убедить того в своей личной преданности, подтвердив ее по возможности очень ценным подарком. Абакумов так и сделал, убедив Кузнецова в своей безусловной верности.

Кузнецов немедленно организовал комиссию ЦК по проверки работы Меркулова. В то время достаточное количество высокопоставленных лиц в СССР погрязло в воровстве и, особенно, в воровстве военных трофеев. Но Меркулов был честен. И тогда Кузнецов его обвинил якобы в умышленном прекращение борьбы с троцкизмом во время войны и добился отстранения от должности с заменой Абакумовым. Меркулов год отмывался от грязи, но на прежнюю

должность его не вернули, назначив управляющим советским имуществом за рубежом. А Абакумов остался министром государственной безопасности с практически вассальной зависимостью от Кузнецова.

С одной стороны, Абакумова это не сильно тяготило, поскольку Кузнецов был алчным и покрывал алчность Абакумова. Этим надо было пользоваться, и, оставив имевшуюся у него 5-комнатную квартиру брошенной жене, Абакумов приказал оборудовать себе новое гнездышко получше в 300 м^2. МГБ на это потратило 800 тыс. руб. и выселило из отводимых под квартиру Абакумова помещений 16 семей числом 48 человек. И при молодой жене Абакумов не бросил свои жеребячьи забавы в московских салонах, таким образом, все у него было хорошо.

Но, с другой стороны, Абакумов был мужчиной самолюбивым и с сильным характером, ему претила роль «шестерки» при Кузнецове и Вознесенском — непереносима была их заносчивость и чуть ли не явное презрение к нему этих академиков. Поэтому, узнав из подслушанного телефонного разговора о тайной встрече Кузнецова с Хрущевым, Абакумов решил на всякий случай выяснить, о чем будет договариваться его хозяин с опальным Никитой Сергеевичем.

ЗАГОВОР В РАСЧЕТЕ НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИДИОТИЗМ РУССКИХ

Как только стемнело, шофера споро начали облавливать бреднем берег тихой речушки, выгоняя рыбу из небольших, заросших камышом заливчиков. Кузнецов и Вознесенский оставались на берегу, брезгливо наблюдая, как Хрущев, раздевшись до трусов полез вместе со всеми в воду тянуть бредень, чтобы испытать азарт и удовольствия от передаваемых в руку толчков попавшей в сеть рыбы покрупнее. Через два часа рыбалку закончили, поймав больше четырех ведер. Первую пойманную рыбу охрана быстро почистила и, со-

орудив костер, начала варить уху и оборудовать место для застолья, повесив над ним три керосиновых фонаря «летучая мышь». Организовав комфорт начальству, охрана разлила первую порцию ухи в глубокие керамические миски и вынув из речки охлаждающиеся бутылки с водкой, деликатно отошла метров на 50 вверх, к оставленным автомашинам, у которых шофера тоже начали варить уху.

В это время на другом берегу реки двое вспотевших оперативных работника отдела «Б» Министерства государственной безопасности устанавливали подслушивающее оборудование. Под старой сосной был размещен громоздкий электронный аппарат, возле которого на коленях устроился опер-стенографист в наушниках. Подсвечивая себе фонариком, он делал записи в блокноте, лежащем на крышке аппарата. От аппарата вверх тянулись провода в хлопчатобумажной оплетке, а в развилки веток сидел второй опер, тоже в наушниках. Он наводил через оптический визир большую параболическую тарелку подслушивающего устройства.

Опер внизу скомандовал вполголоса:

— На костер не наводи, треск дров разговор глушит!

Наконец в наушниках достаточно ясно прозвучал конец фразы, сказанной Хрущевым.

— ...и я вам так скажу, по-мужицки скажу, что товарищ Сталин такое решение примет, какое ему секретари ЦК в уши надуют.

Хрущев уже подвыпил, и обида вновь ударила ему в голову, посему говорил он довольно резко. Кузнецов же пытался сгладить остроту разговора — он примирительно не согласился.

— Ну, ты, Никита Сергеевич, не прав! Что же мы, секретари ЦК, должны недостатки скрывать? Тут, как говорится, Хрущев мне друг, а истина дороже.

Вознесенский хихикнул, а Никита возмутился.

— Истина??!

Вознесенский, уже посерьезнев, решил перевести разговор в конструктивное русло:

— Не надо спорить по мелочам: ну не сегодня, так завтра, такое с каждым из нас может случиться. Это дело нужно рассмотреть теоретически, а теория говорит, что Хозяин стар, и эта старость видна в его капризах, из-за которых любой из нас может попасть в твое, Никита Сергеевич, положение — любой может слететь с должности за какую-нибудь чепуху.

Мысль Вознесенского поддержал Кузнецов.

— Тут, Никита Сергеевич, действительно дело не в том, что тебя сняли с постов на Украине, — Кузнецов сделал паузу и многозначительно, усилив голос, закончил предложение,— что, собственно, легко поправимо. Тут дело в том, кто мы? Руководители великих государств или бесправные слуги при Хозяине?

Хрущев понял по этому «поправимо», что ему предлагают восстановление в прежних должностях, но на каких-то условиях. Он не стал спешить узнавать эти условия, а решил уточнить совершенно новое для него упоминание о государствах, а не о республиках.

— Почему «государств»?

— Но ведь теперь, после войны, Украина и Белоруссия равноправные члены ООН и отдельные субъекты международного права, а СССР, если ты помнишь, это с самого начала союз государств.

Когда после войны создавалась ООН, то Сталин, чтобы увеличить присутствие СССР в ООН численно, добился у союзников, чтобы УССР и БССР состояли в ООН как отдельные государства. Хрущеву стало ясно, что Кузнецов и Вознесенский как-то хотят использовать этот факт для развала СССР.

Между тем Кузнецов продолжил.

— Нам нужно новое мышление. На Западе в цивилизованных странах руководители нашего масштаба имеют все, а мы?! Нам нужна такая власть, которая приближала бы нас к цивилизованным странам. Хватит потрясений! Нужно, наконец, зажить спокойной обеспеченной жизнью, нужно от-

крыто пользоваться благами, которые мы как руководители государства должны иметь. Да что об этом говорить, — Кузнецов презрительно и безнадежно взмахнул рукой, — у нас, в СССР, слуга должен иметь только то, что кремлевский хозяин разрешит. Вот мне Попков говорил, что у него, секретаря обкома и горкома, хозяина Ленинграда и Ленинградской области, — Кузнецов усилил голос, чтобы показать, насколько велика эта должность, но, побоявшись, что глупый Хрущев его не поймет, уточнил, — по своим масштабам, главы, можно сказать, какого-нибудь европейского государства, так вот, у Попкова всего каких-то жалких 15 костюмов!

— Так Попков и те, что есть, боится надевать, чтобы Сталину донос не написали, — поддержал тему Вознесенский.

Хрущев, как и Сталин, как и Берия, был абсолютно равнодушен к каким-то личным материальным благам и попросту презирал алчных людей. Но его хитрость и сметка не позволяли делать скоропалительные выводы, поскольку опыт Хрущеву подсказывал, что животную жадность людей очень легко использовать себе на пользу. Поэтому он не стал комментировать эти устремления Кузнецова и Вознесенского, а попробовал выяснить, что они хотят. Он уже понял, что. эти мерзавцы задумали развалить Советский Союз, чтобы настроить лично себе дворцов, нахапать разных товаров — чтобы удовлетворить свою алчность. Но Хрущев пока не понимал, как они собираются это сделать.

— Что-то я не пойму, к чему вы ведете? Товарища Сталина, что ли, свергнуть? — поинтересовался он.

— Знаешь, мы тут одни и я тебе скажу откровенно: мы бы его свергли, но нас, к сожалению, народ не поймет, — заявил Кузнецов.

Хрущев усмехнулся, подумав в который раз, что умные люди алчными не бывают, — вот и Кузнецов такой же идиот, как и те алчные людишки, которых ему доводилось встречать.

— Ну, положим, народ вы знаете плохо — народ понимает то, что ему в газетах всякая там интеллигенция объясняет, — цинично не согласился Никита. — А эту сраную интеллигенцию купить или запугать ничего не стоит: и цена ей копейка, и труслива, как зайцы. Да и глупа она — ее и обдурить легко. Но если не свергать Сталина, то что же вы хотите? — Хрущев действительно искренне недоумевал.

Вознесенский снисходительно усмехнулся.

— А тебе не кажется, Никита Сергеевич, что это несправедливо — во всех республиках есть своя компартия, а у русских — нет. Вот мы и хотим создать Российскую коммунистическую партию.

— И что это даст? — Хрущев удивился еще больше.

Вознесенский с плохо скрываемым превосходством объяснил.

— А то, что мы, каждый в своей республике, будем самостоятельны, мы в республиках будем хозяевами, а не Сталин, а Сталин останется почетным председателем всех партий. А хочет народ считать его вождем — пусть считает. Нам это в своих республиках мешать не будет — мы будем делать не то, что Сталин скажет, а то, что сами захотим.

Хрущев задумчиво переводил взгляд с Вознесенского на Кузнецова и размышлял. Он понял, что опрометчиво посчитал этих предателей глупцами, на самом деле эти негодяи задумали исключительно умную подлость, рассчитанную на искреннюю глупость масс, связанную с их национальностью.

— Так-так-так... — подытожил он. — А что, хлопчики, вы Уголовный кодекс давно читали?

— Причем тут он? — недовольно сморщился Кузнецов

— А при том! — жестко ответил Никита. — То, что у русских нет компартии, делает их коммунистами сразу всей ВКП(б). А в ВКП(б) именно этих, российских коммунистов большинство, и именно они своими решающими голосами сохраняют единство СССР. Если вы выделитесь в свою компартию, то у ВКП(б), то есть, у СССР не останется ни одно-

го коммуниста — все будут по республикам. А что дальше? А дальше СССР распадется как единое государство. Вы его сразу же растащите по национальным хуторам, чтобы, — Хрущев явственно передразнил Кузнецова,— «открыто пользоваться благами».

А в Уголовном кодексе есть статья 58, по которой за попытку развала СССР полагается расстрел. Вот я вас и спросил, давно ли вы читали Уголовный кодекс? И что будет, хлопчики, если я об этих ваших планах все расскажу товарищу Сталину и Политбюро?

К удивлению Хрущева, ожидавшего, что он напугает заговорщиков упоминанием о 58-й статье, Кузнецов совершенно спокойно и даже презрительно ответил.

— Будет очная ставка меня и тебя при всех членах Политбюро. На этой ставке я докажу, что ты клевещешь на меня за мой доклад по Украине, из-за которого тебя сняли с должности. А Николай Алексеевич это подтвердит, — кивнул Кузнецов в сторону Вознесенского. — Ну, а после этого с мест поступит столько сообщений о неблаговидных делах товарища Хрущева, что товарищу Хрущеву не только в Политбюро, но и в членах ЦК больше не быть! — тут Кузнецов зло подытожил. — Будет рад, если в партии оставят!

На противоположной стороне реки оперу, стенографировавшему этот разговор, стало откровенно страшно, и он приглушенно предложил сидящему на дереве товарищу.

— Слушай, может, скажем, что аппарат из строя вышел? Что-то я боюсь это записывать...

Опер вверху вошел в охотничий азарт и зло скомандовал.

— Пиши! Мы записали и забыли, а товарищ Абакумов премию выпишет и, глядишь, звездочку добавит.

А у костра Хрущев понял, что заговорщики хорошо обдумали все варианты встречи с ним, и что теперь для него настал момент истины — Никите надо было принять решение, которое определит всю его будущую жизнь.

Хрущев оценил свои возможности.

Заговорщики взяли его за горло. Если он объявит о заговоре, то сорвет им планы, но ничего не докажет и, действительно, навредит только себе. Даже если просто промолчит, то подлюка Кузнецов будет копать и копать под него на Украине и вытащит на свет божий столько фактов, и так их извратит, что Никиту выведут и из членов Политбюро, и из ЦК — ему как политику придет скорый конец.

С другой стороны, это только считается, что в партию принимаются самые умные, а на самом деле в ней масса восторженных дураков. И если суметь публично объявить о создании компартии России, то у этой идеи сторонников будет куда больше, чем у Троцкого, пожалуй, абсолютное большинство будет за это. Сталин ничего не сумеет сделать — партия лишит своего вождя власти и развалит СССР из самых, как ей покажется, благих побуждений. Хрущев еще раз восхитился — до чего же хитры эти мерзавцы!

И, наконец. Хрущев во главе СССР никогда не встанет, поскольку в Политбюро все считают себя умнее его. (Вариант, что его могут поставить во главе именно поэтому, Хрущеву просто не приходил в голову). А вот на Украине он признанный вождь! Пусть кто-нибудь попробует думать иначе! — тут же криво усмехнулся своей мысли Никита. И если Украина станет самостоятельной, то во всем мире к нему будут относиться, как к главе великого государства. Никите представилось, как он выходит из поезда где-то в Париже, а на перроне выстроен красочный почетный караул... — но он тут же отбросил эту неуместную мысль, нужно было сосредоточится и думать, что отвечать.

— Ну а если смолчу о вашем заговоре? — возобновил обсуждение Хрущев.

Вознесенский размеренно ответил.

— Тогда Алексей Александрович пошлет новую комиссию на Украину, и ты очень скоро снова Украину возглавишь. Ты же понимаешь, Никита Сергеевич, что не дуб Каганович, а ты нужен нам во главе Украины, а в Москве мы

и без тебя справимся. Если украинские коммунисты поддержат российских коммунистов в их стремлении создать свою собственную компартию, то и дело сделано!

— Ну, может, и не немедленно, — поправил Вознесенского Кузнецов, — но через полгода твой возврат на Украину гарантирован.

— А с остальными республиками как? — уже по-деловому поинтересовался Никита.

Кузнецов ответил уклончиво:

— Работа ведется.

Но Хрущев настаивал.

— И с Белоруссией?

— Там уже наш человек ждет, чтобы сменить Пономаренко, — успокоил Кузнецов.

— А кто?

— Неважно... — Кузнецов дал понять, что на этот вопрос не ответит, хотя и понимал, что член Политбюро Хрущев теперь выяснит этот вопрос немедленно и без Кузнецова.

А в памяти Вознесенского тут же всплыл телефонный разговор Кузнецова с Пономаренко в Минске, который Кузнецов вел из московского кабинета Вознесенского:

— Товарищ Пономаренко?.. Это Кузнецов. Как дела в Белоруссии?...Звоню вам, Пантелеймон Кондратьевич, проверить, как там наши выдвиженцы... Я имею в виду товарища Игнатьева... ЦК считает его очень толковым организатором... Ну, и что, что не воевал. Тыл был тоже фронтом... Зато товарищ Игнатьев приобрел очень ценный опыт хозяйственной работы, а это для Белоруссии сегодня очень важно. Товарищ Вознесенский его очень ценит. А знаете, если Госплан кого-то ценит, то для республики это очень полезно. Мы считаем, что товарищ Игнатьев будет очень хорошим вашим помощником и достоин быть вторым секретарем ЦК Белоруссии...

Вознесенский забеспокоился — Хрущев и Пономаренко оба фронтовики и в очень-очень хороших отношениях

друг с другом. А значит, Хрущев без труда вычислит Инг¬натьева и будет знать о заговоре больше, чем нужно. Но его мысли перебил Хрущев.

— Хлопчики, но вам надо будет сагитировать несколько сот секретарей обкомов и других партийных руководителей в областях. Национальность это хорошо, возможность сладко жить после удачного заговора это тоже хорошо, но все это очень мало по сравнению с возможностью лишиться всего, что они уже сейчас имеют, в случае провала заговора.

Вознесенский усмехнулся.

— Но они и сегодня этого могут лишиться, причем сам Сталин их с должности погонит, если их области не выполнят планов промышленного и сельскохозяйственного производства. А вот это зависит от меня — председателя Госплана. Будут нас слушать — будет у них и план реальный и все для выполнения плана — и трактора, и оборудование, и сырье, и материалы, не будут — ничего этого не будет и план они не выполнят. А тогда — прощай должность!

«Ах ты гад! — понял Хрущев. — Так это ты извращением плана берешь секретарей обкомов за горло, а Кузнецов их агитирует?» Восхитившись подлостью заговорщиков, Никита понял, что этот заговор, в принципе, может быть осуществлен, если еще и учесть, что заговор, как бы, направлен на устранение несправедливости по отношению к русским коммунистам.

— Ну, а если эти ваши махинации станут известны товарищу Сталину? Чтобы учредить российскую компартию нужен съезд, ну хотя бы секретарей обкомов нужно созвать, а как вы такой съезд тайно подготовите и созовете?

На этот вопрос Вознесенский ответил со своей обычной улыбочкой умственного превосходства.

— Организуем всероссийскую торгово-промышленную ярмарку, скажем, в Ленинграде, пригласим на ее открытие всех секретарей обкомов России вместе с делегациями партийного актива из областей. Вот и съезд.

Гениально то, что просто.

Хрущеву осталось мысленно развести руками — эти мерзавцы действительно могут добиться успеха!

— Ну а если Политбюро все же узнает?

— Через кого? — вопросом на вопрос ответил Кузнецов. — По линии партии оно может узнать только через меня, а по линии МГБ у нас все предусмотрено.

— Неужто и Абакумов с вами? — удивился Хрущев.

— У нас есть в МГБ люди и без Абакумова... — замялся Кузнецов.

— Ленинградцы? — продолжал выпытывать Никита.

Кузнецов запнулся, не желая делиться ценной информацией, но он и понимал, что Хрущеву нужно что-то сказать, если хочешь получить от него нужное решение.

— Неважно. Во-первых, это я продвинул Абакумова в министры госбезопасности, если бы не я, министром бы до сих пор был дружок Берии Меркулов. Ну, а во-вторых, у самого Абакумова рыльце в большом пуху: он устроил с начальником охраны Сталина Власиком соревнование, кто больше в Москве баб, скажем так, перетопчет. А поскольку Абакумов предпочитает иметь под собой интеллигентных женщин, то ему, так сказать, и подкладывают интеллигенток. И если он окажется глупцом, то эти интеллигентки тут же напишут заявления, что он их изнасиловал. И нет Абакумова.

Но мы полагаем, что он умный человек, да еще и под присмотром нашего человека. Не такой дурак, как его предшественники Ягода или Ежов.

Поверьте, Никита Сергеевич, мы не троцкисты-бухаринцы, мы трезвомыслящие умные люди, — добавил Вознесенский.

Хрущев понимал, что нужно отвечать на предложение, уже понимал, что он ответит согласием, но как-то пытался оттянуть сам момент ответа.

— Люди вы, в первую очередь, молодые, и Мыколу Бухарина хорошо не знали, а уж он-то считал себя таким умным, таким умным, что просто гениальным...

Значит, так, хлопчики. Я с вами рыбку ловил, и рыбку кушал. Никаких таких разговоров от вас не слышал. Получится у вас учредить компартию России — я с вами. Провалитесь — не обессудьте. Буду, конечно, помогать, но чем смогу. А сейчас пойду, дела есть.

— Ты, Никита Сергеевич, со своим другом Берией не сильно откровенничай, не ровен час... — предупредил Кузнецов.

На это предупреждение Хрущев отреагировал с откровенной злобой.

— Я, конечно, человек простой, но считать меня дураком вам не следует, не ровен час, ошибетесь. Кстати, об откровенности, — а со Ждановым откровенным можно быть? — и увидев, как Вознесенский с Кузнецовым явственно напряглись, усмехнулся. — Ага, значит, и со Ждановым не нужно откровенничать, значит, и Жданову, который перетянул вас в Москву, вы ничего не говорили... Ну, ладно, будем считать, что мы вместе. Прощавайте!

Хрущев попрощался и медленно пошел к своей машине, выражение его лица стало злобным и решительным, а в голове билось: «Ах, падлюки, ну падлюки! Ну ладно, вы меня на Украину верните, а там видно будет». Никиту должен был бы остановить страх содеянного, но он уже давно научился свой страх подавлять даже в более опасных случаях.

Вознесенский же, вместе с Кузнецовым глядя вслед уходящему Хрущеву, встревожился:

— Черт! Он оказался умнее, чем можно было о нем подумать!

— Не умнее, а хитрее, — здраво поправил его Кузнецов, — но это у него природное, звериное. Не просто же так он стал членом Политбюро. Но нам главное, чтобы он нас поддержал, а потом разойдемся — мы в России, он на Украине, — и нам его хитрость помехой не будет.

ХРАНИТЕЛЬ ЯДОВ

По дороге с рыбалки в Москву Хрущев продолжал осмысливать положение: каковы все же реальные шансы этого заговора? Он требует большой подготовки, в ходе которой заговорщикам нужно будет сначала прощупать, а потом переговорить с получением согласия у сотен опытных и осторожных партийных функционеров хотя бы половины областных партийных организаций России. В случае неудачи нужно будет, под благовидным предлогом, заменить на ключевых постах тех, кто не соглашается с заговорщиками. И все это с соблюдением строжайшей конспирации в условиях, когда не только партийные органы контролируют, чем живут эти функционеры, но и МГБ их «защищает», то есть, следит за ними и сообщает в Москву обо всех их неблаговидных поступках, подозрительных словах и связях.

Положим, Кузнецов перекроет поступление разоблачающей заговор информации от партийных органов к Сталину (да и к Жданову, раз он не с заговорщиками), но насколько реально перекрыть поступление этой же информации к Сталину через МГБ — через Абакумова?

Абакумова Хрущев знал плохо и не был уверен, что этот, по слухам, крутой генерал-полковник так уж предан Кузнецову. Но Кузнецов проговорился, что у них в МГБ есть еще верный человек, кто он, какую должность занимает? Кто там у вас в Минске появился, я завтра узнаю, — думал Хрущев, — но вот кто у вас в МГБ?? И его мощная память подсказала ему ответ, тем более, что случай был совсем недавний...

Дело в том, что СССР Сталина был честным государством, и честно исполнял положения международных законов, договоров, честно вел себя даже с противниками, но Сталин никогда не позволял эту честность Советского Союза использовать против советских людей. Если по отношению к СССР кто-то вел себя бесчестно, то он получал адекватный ответ. Скажем, какая-то организация за рубежом

засылает в СССР террористов, и те убивают советских людей. Смотреть на эту организацию и ничего не делать? Нет, СССР, в свою очередь, уничтожал главарей этой организации и этим быстро отучал их от террора.

Но СССР был правовым государством, в котором преследовались убийства, поэтому тех главарей террористической организации в СССР заочно судил суд, приговаривал их к смертной казни и уже потом за границей люди, исполнявшие функции палача правосудия СССР, приводили приговор в исполнение. При этом приказ таким палачам обязательно давали лично высшие руководители СССР, а не непосредственные начальники этих людей. Это ведь понятно. Если бы Сталин допустил, чтобы в стране кого-то убивали без приговора суда и по приказу непосредственного начальника исполнителя, то очень скоро какой-нибудь спецназовец НКВД мог бы получить от своего начальника заказ и на убийство честного человека или даже самих членов Политбюро. Откуда этот спецназовец знает — может, приказ, данный ему его начальником, действительно исходит (в чем и убеждал бы его начальник) от Сталина?

Вот довоенный случай с казнью врага украинского народа, пособника немецких фашистов Коновальца. Исполнителя приговора, спецназовца Павла Судоплатова, пригласили в кабинет Сталина, и там Петровский торжественно объявил Судоплатову, что на Украине Коновалец заочно приговорен к смертной казни за тягчайшие преступления против украинского пролетариата. (Чтобы не спугнуть Коновальца и не затруднить работу палачу, об этом приговоре не сообщалось до казни). После этого нарком НКВД поставил Судоплатову задачу на уничтожение Коновальца.

То есть, этого спецназовца вызвали не к непосредственному начальнику, не к министру и даже не к Сталину. Его вызвали к Петровскому — к Председателю Президиума Верховного Совета Украины — органа, к которому приговоренный судом к высшей мере наказания Коновалец теоретически мог обратиться за помилованием. И Петровский лично

сообщил палачу приговор Коновальцу и отрицательное отношение Верховного Совета к вопросу о его помиловании. После этого Судоплатов уже никак не мог стать убийцей, он — палач, человек на службе правосудия СССР, и он исполнил не чью-то личную прихоть, а Закон СССР.

А о том, что живший в Мексике Троцкий приговорен Верховным Судом СССР к смертной казни, было публично объявлено, задачу палачей на службе Правосудия СССР взяли на себя мексиканский гражданин, художник Давид Сикейрос и гражданин Испании Рамон Меркадер. Нужно было просто передать им приказ, тем не менее, Судоплатова, который этот приказ передал исполнителям, пригласили к Сталину, и теперь Сталин торжественно объявил ему приказ исполнить приговор Верховного Суда.

Вот такие приказы палачам на тайную казнь приходилось давать и Хрущеву.

Тогда был январь 1947 года, в первом часу ночи на вокзал в Киеве прибыл поезд «Москва — Ровно». Сотрудники МГБ Украины незаметно провели двоих пассажиров в штатском в кабинет начальника вокзала, в котором их ожидал Хрущев и министр госбезопасности Украинской ССР Савченко. Когда сопровождавшие сотрудники вышли из кабинета, приехавшие из Москвы представились Хрущеву.

— Первый заместитель министра государственной безопасности СССР генерал-лейтенант Огольцов.

— Полковник государственной безопасности Майрановский.

Хрущев и Савченко поздоровались за руку с приехавшими, причем оказалось, что Савченко одет точно так же, как и Огольцов.

Хрущев, внимательно присмотревшись к Майрановскому, спросил:

— Вы и есть...исполнитель?

— Так точно, товарищ Хрущев.

— Тогда приступим к делу, чтобы не сильно задерживать поезд, — решил Хрущев.

Из папки, лежащей на стоящем рядом столе, Хрущев достал три прошнурованные и опечатанные машинописные странички и начал читать.

— «Приговор. Специальное присутствие Верховного Суда Украинской Советской Социалистической Республики в составе...». Так, тут фамилии, ага, «рассмотрев в закрытом судебном заседании дело архиепископа Ромжи...». Этот Ромжа такая сволочь, из-за которого и льется кровь на Западной Украине. Бандеровцы убивают колхозников, жгут сельсоветы, даже учительниц, сволочи, убивают, а этот Ромжа их убеждает, что это богоугодное дело. Был архиепископ в Ужгороде, Костельник звали, хоть и поп, но хороший человек, хотел эту братоубийственную бойню прекратить и с православными объединиться, так этот Ромжа подослал боевика и этого Костельника застрелили прямо в соборе. Совсем осатанел, гад! Короче, Верховный Суд Украины приговорил этого гада к высшей мере наказания!

Передал текст приговора для ознакомления Огольцову; тот, пробежав его глазами, передал Майрановскому. В это время Хрущев вынул из папки еще один листик бумаги и продолжил.

— Этот Ромжа мог бы, конечно, просить помилования у Верховного Совета Украины, так вот вам решение Президиума Верховного Совета оставить ему приговор в силе.

Передал и этот листок для ознакомления Огольцову и Майрановскому. Дав им время прочесть, спросил.

— Я вам что-то еще должен сказать или показать?

— Нет, этого достаточно, — ответил Огольцов, возвращая документы Хрущеву.

— Поймите, товарищи, — решил от себя оправдаться Хрущев. — Конечно, надо было бы эту сволочь открыто судить и расстрелять, но его же эти бандиты-бандеровцы тут же сделают святым, и эта война еще больше разгорится. Поэтому и приходится давать вам такое задание. Мы сами тут попробовали устроить ему автомобильную аварию, но он,

гад, уцелел и теперь лежит в больнице в Ужгороде. Надо, чтобы его оттуда вынесли вперед ногами.

— Сделаем, Никита Сергеевич.

Огольцов достал из портфеля лист бумаги и положил на стол, рядом авторучку, затем вынул портсигар, раскрыл его и положил рядом с бумагой. В портсигаре была вата, Огольцов поднял верхний слой, показав внутри две ампулы. После этого сделал Майрановскому жест рукой — распишись! Тот расписался в акте.

Хрущев, с интересом показывая пальцем на ампулы, спросил:

— Это и есть... это?

— Да! — подтвердил Огольцов.

— И никто не узнает, что Ромжа...того?

— Мы сначала узнаем анамнез, то есть, к каким сердечным заболеваниям Ромжа предрасположен,— начал пояснять Майрановский, — а потом используем соответствующее средство — одну из этих двух ампулок — и спустя от полусуток до двух суток у него будет либо инфаркт, либо инсульт с летальным исходом. Если патологоанатом не будет догадываться, в чем дело, то он отравления не обнаружит.

— Ага... — протянул Хрущев уважительно, а потом напутствовал. — Так как извести такого гада-попа это богоугодное дело, то с богом, товарищи! И чтобы ни один комар носа не подточил!

Майрановский спрятал портсигар во внутренний карман, а Огольцов.положил акт в свой портфель и скомандовал.

— Товарищ полковник, вы поступаете в распоряжение министра государственной безопасности Украины генерал-лейтенанта Савченко!

— Есть! — подтвердил получение приказа Майрановский.

Хрущев и Огольцов попрощались с Майрановским и Савченко, пожав им руки, и те вышли. Хрущев и Огольцов подошли к окну, наблюдая, как Савченко и Майрановский

сели в вагон. Спустя несколько секунд из вагона спустился дежуривший в купе сотрудник МГБ и помахал рукой в голову поезда. Послышалось усилившееся пыхтение паровоза, и поезд тронулся. Хрущев прервал молчание.

— Были на фронте, товарищ Огольцов?

— По декабрь 42-го был начальником управления НКВД в блокадном Ленинграде.

— С Андреем Александровичем Ждановым работали?

— Да, но больше, конечно, с Алексеем Александровичем Кузнецовым.

...Когда возвращавшийся с рыбалки Хрущев вспомнил этот эпизод полугодичной давности, то ему сразу стало понятно, кто поддерживает заговорщиков в МГБ СССР, и стало немного легче — все таки министр МГБ и первый его заместитель в заговоре — это кое-что!

Тогда же Никита увидел и яды скрытого действия, и узнал, кто их хранит, но пока еще не придал этому значения. Тем более, что Кузнецов выполнил свое обещание, послал комиссию на Украину, нашел у Кагановича массу недостатков и секретариат ЦК внес предложение вернуть на Украину Хрущева. Так что к декабрю 1947 года Никита вновь стал хозяином в Киеве.

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

Лиха беда — начало! Но в атомном проекте беда началом не удовлетворилась, и чем дальше продвигалось дело, тем больше вопросов обрушивалось на исполнителей и, соответственно, на Берию.

Разведка добыла огромное количество материалов по атомному проекту. Скажем. Уже к 1945 году было подробное описание самой атомной бомбы: *«Активным материалом атомной бомбы является элемент плутоний фазы дельта с удельным весом 15,8. Он изготовлен в виде полого шара, состоящего из двух половинок, которые, как и внешний ша-*

рик «инициатора», спрессовываются в атмосфере никелькарбонила. Внешний диаметр шара 80 — 90 мм. Вес активного материала вместе с «инициатором» 7,3—10 кг.... В одном из полушарий имеется отверстие диаметром 25 мм, служащее для ввода «инициатора» в центр активного материала, где он укреплялся на специальном кронштейне... Отверстие закрывается пробкой, также изготовленной из плутония».

Казалось бы — ну что еще надо? Отдай это описание мастеровому, и он тебе эту бомбу смастерит: Но не тут-то было! В подробных и порою огромных по объему собственных исследованиях нуждалось чуть ли не каждое слово в этом описании. Скажем, слово «плутоний». Это химический элемент, которого на Земле нет. Понятно было, что это металл. Но какие, у этого металла свойства?

Начали исследовать, и стало выясняться, что при охлаждении из жидкого состояния в застывшем плутонии шесть раз меняется форма его кристаллов, и объем у каждого из этих кристаллов разный, в связи с чем, из-за напряжений, вызванных этим внутренним изменением объема, отливка из плутония рассыпается в порошок. А этот порошок на воздухе самовозгорается, в связи с чем, работа с плутонием в обычных условиях невозможна. Однако на этом трудности работы с плутонием не кончаются. Из-за тугоплавкости и высокой реакционной способности плутония литьевые формы для него можно было изготавливать из весьма редких и дорогих материалов. Наиболее пригодны для этих целей оказались платина, тантал и вольфрам. А при литье необходимо было свести до минимума окисление плутония в процессе его плавления и разливки, а это потребовало надежного высокого вакуума в технологическом оборудовании, включая плавильные печи. После успешного решения этих вопросов, начались трудности, связанные с предотвращением растрескивания отливок из плутония в процессе их охлаждения. Большие затруднения возникли и при прессовании плутония, поскольку при низких температурах плутоний из-за высокой хрупкости с трудом поддает-

ся деформации и лишь при 310—450°С плутоний пластичен и может подвергаться всем видам обработки давлением. Однако, опять-таки, при охлаждении нужно пройти три наиболее опасных превращения с изменением объема плутония и проблемы коробления и растрескивания оставались, и т.д. и т. п.

И так по каждому элементу, по каждой детали, создаваемой в ходе атомного проекта. И для поиска решений по этим десяткам тысяч проблем и проблемок нужно было эффективно сосредоточить, организовать и обеспечить усилия всех наличных научных и инженерных сил, которые страна смогла для этого выделить. В конце концов, Берия сумел организовать на это научные и инженерные силы, и именно это предопределило, что, в чистом времени, на создание бомбы СССР затратил примерно те же три года, что и США. Но это были проблемы нового, неизвестного.

Однако возникли проблемы и в том, что уже, казалось бы было пройденным этапом. После войны люди расслабились, многим хотелось «просто пожить», под чем они понимали праздность и стяжательство. Многим хотелось работать спустя рукава, невзирая на то, что у СССР на такую их работу времени не было. Да, атомный проект двигался, но он двигался не с той скоростью, с которой хотел его двигать Берия. Что было делать?

Ничего нового тут нельзя было придумать — нужно было искать тех, кто не расслабляется, тех, кто получает удовольствие, как и сам Берия, не от праздности, а от творчества. Кадры нужно было подбирать, а для этого нужно было видеть их в деле, а для этого нужно было быть там, где кадры делают дело.

Летом, 8 июля 1947 года Берия, Ванников и с ними свита человек в 15 шли по огромнейшей строительной площадке будущих комбината и города, которые впоследствии будут названы Челябинск-40.

В промышленности мало дураков показывать начальству истинное состояние дел, и на этой стройке к приезду начальства подготовились: внешне все выглядело очень деловито — работали машины и механизмы, туда-сюда сновали озабоченные рабочие и инженеры. Но и Берия, и Ванников были стреляные воробьи, не одну стройку видевшие во время войны и после. Их на этой показушной мякине провести было не просто.

Берия остановился у очередного котлована, внутри которого с полсотни заключенных подравнивали лопатами грунт и переносили с одного места на другое с машину горбыля.

— Что это за объект?

Начальник строительства начал суетливо смотреть в услужливо развернутый перед ним ситуационный план, в конце концов ему подсказали, что это, и он бодро ответил.

— Трансформаторная подстанция главной насосной станции.

— Какова должна быть готовность на сегодня?

Несколько человек начали листать бумаги, и начальник строительства наконец доложил.

— Должны монтироваться трансформаторы.

Ванников тут же посмотрел на начальника Управления оборудования.

— Где трансформаторы?

Тот быстро пролистал свои бумаги.

— Прибыли, и уже на складе все три. В пути четвертый — запасной.

— Кто за это отвечает?! — Ванников указал пальцем на котлован.

Робко выступил из толпы полненький инженер в очках и затарахтел оправдывающейся скороговоркой.

— Начальник 17-го стройучастка инженер Абрамзон. Товарищ Ванников, я не виноват, что я могу сделать?

— Где фундаменты, где здание?! — рыкнул Ванников.

— Я каждый день даю заявки, и каждый день одно и то же: леса на опалубку нет, арматуры нет, транспорта нет. А теперь Абрамзон виноват!

— Где лес? — Ванников повернулся к начальнику Управления снабжения.

— Товарищ Ванников! — снабженец, давно привыкший, что на него всегда вешают всех собак, спокойно открыл журнал на нужной странице и доложил. — На складах более 7 тысяч кубов только доски. Мы прибывающий лес уже за забором складываем.

— Арматура?

— На складах 11 тысяч тонн черного проката, периодичка есть всех марок, — полистав журнал, так же спокойно доложил снабженец.

— Пропуск! — скомандовал Ванников Абрамзону.

На стройке работали как вольнонаемные работники, так и заключенные, поэтому стройка была зоной, входить в которую и выходить из которой вольнонаемные могли только по пропускам. Абрамзон вынул и протянул Ванникову пропуск, не понимая, зачем он такому высокому начальству. Ванников тут же отдал его пропуск стоящему рядом полковнику из охраны зоны и распорядился.

— Поселите его вместе с заключенными! — а затем повернулся к Абрамзону. — Это ты раньше был инженер Абрамзон, а теперь ты Абрам в зоне, и будешь в зоне, пока не введешь готовность объекта в график!

— Это незаконно! — попытался протестовать Абрамзон.

— Иди работать!! — зло рявкнул Ванников.

Берия сделал свите жест рукой, чтобы она приотстала, и отошел вместе с Ванниковым. Он не собирался отменять его распоряжение, поскольку Ванников сам его к вечеру отменит, все же закон есть закон. А шутка его была удачной и благодаря этому она немедленно распространится по стройке и произведет необходимое воспитательное впечатление. Просто Берия не считал, что исправить положение можно только наказанием очковтирателей.

— Борис Львович! Твоя манера руководить, безусловно, имеет определенное воспитательное значение, но ты же видишь, что этот Абрамзон не одинок, — по всей стройке бросающийся в глаза беспорядок. Дело здесь не в этих абрамзонах, кстати, нет сомнений, что он не врет и, безусловно, заявки на лес и арматуру подает. Дело в руководстве стройкой.

Здесь сейчас работает 45 тысяч строителей, а нынешние руководители стройки не имеют опыта организации такого объема работ. Ждать, пока они этот опыт приобретут, мы не можем. Здесь нужны уже готовые асы, здесь нужны лучшие строители страны. Прежде всего, начальник строительства.

Берия вопросительно посмотрел на Ванникова.

— Вы имеете в виду Царевского? — с полуслова понял Ванников, о ком речь.

— Он построил Горьковский автозавод и Нижнетагильский металлургический комбинат. Построит и плутониевый завод.

— А главным инженером кого?

— Мы строим и завод и город одновременно, тут был бы хорош архитектор-практик. Думаю, что здесь нужен Сапрыкин.

— Да, лучше его трудно кого-либо вспомнить.

— Я с ними обоими лично переговорю. Идем-ка в контору.

Из всей совокупности проблем следовало, что разделение изотопов урана — проблема, решение которой будет более длительным, нежели получение плутония, и это требовало на этом первом этапе сосредоточить усилия на том, от чего можно было получить эффект в первую очередь, — на плутониевом комбинате. Поэтому Ванников находился в Челябинске-40 почти безвыездно, особенно в ответственные пусковые моменты, да и Берия вынужден был приезжать туда не один раз, хотя ему, возглавлявшему не только атомный проект, но и топливно-энергетическую, и неф-

тяную отрасли, покидать свой командный пункт в Москве часто или надолго было невозможно.

Так в конце ноября 1947 года они сидели с Ванниковым в строительном вагончике после окончания очередного неутешительного совещания. Все уже вышли, оставив дверь открытой. На улице моросил мелкий холодный и унылый дождь, и настроение руководителей атомного проекта было под стать ему. Из вагончика выветривался папиросный дым, на дощатом столе стояли консервные банки с окурками, лежали строительные планы и чертежи. Теперь проблема была не в руководителях строительства, а в руководителях будущего завода, которые были ранее назначены и теперь обязаны были принимать и вводить в эксплуатацию уже построенные объекты, но делали это недостаточно хорошо.

— Славский в роли директора завода не тянет... — задумчиво констатировал Берия.

— Но он замминистра цветной металлургии, как он может не справиться с одним заводом? Да и я здесь сижу почти постоянно, — вступился за своего зама по ПГУ Ванников.

— У него совершенно нет опыта пуска заводов такого масштаба и в такие сроки. Он работал директором уже построенных заводов, и ты, кстати, тоже. А здесь требуется принимать работы у строителей, у монтажников, у изготовителей оборудования, у институтов-разработчиков технологии. Тут количеством начальников и их должностями делу не поможешь. Тут и я могу сидеть вместе с тобой, но толку от этого не будет, поскольку и я никогда не вводил в работу завод такой новизны и мощности. Тут нужен директор-бык, директор-волкодав, директор, знающий, как такие заводы вводятся в эксплуатацию. А Славский толковый инженер, а не директор. Славского надо ставить главным инженером завода, а директора искать.

— Еляна? — немедленно прореагировал Ванников.

— Нет, у него очень много работы по нашему же атомному проекту — как его забрать с Горького?

— А Уралмашзавод?

— Музруков? — быстро вспомнил фамилию директора Уралмашзавода Берия.

— Да.

— А это неплохая мысль. Музруков...Он Борис, кажется, Глебович, да, пожалуй, это тот, кто нужен, — Берия снял трубку стоящего рядом на табурете телефонного аппарата и скомандовал в трубку. — Соедините меня с Уралмашзаводом!

На этом этапе Берия еще мог подобрать на ключевые посты в атомном проекте имевшихся у Советского Союза асов-директоров, таких, как генерал-майоры технической службы М.М. Царевский, Б.Г. Музруков или будущий академик архитектуры В.А. Сапрыкин. В дальнейшем положение осложнилось и приходилось опираться на молодых энтузиастов, всемерно помогая им в работе и подстраховывая их.

УБИТЬ ЖДАНОВА!

22 августа 1948 года Кузнецов вдруг позвонил Хрущеву и голосом, в котором явственно чувствовалась тревога, попросил приехать в Москву. У Никиты накопилось для решения в Москве много дел, и он тут же выехал.

На следующий день Кузнецов и Вознесенский сидели за сервированным хрусталем и серебром столиком и с хмурым видом пили коньяк, ожидая приезда Хрущева.

— Возьми икорки, мне ее каждую неделю из Астрахани шлют, свеженькую, — угощал Кузнецов.

— Тошнит уже от нее... — поморщился в ответ Вознесенский. — Нет, напрасно ты пригласил Хрущева, боюсь я этого лиса.

— А что делать? Мы в таком положении, что нас только иезуитская хитрость Хрущева и спасет. Если, конечно, он сумеет, что-то придумать. И не надо в доме об этом. Вроде Абакумов обещал, и Огольцов подтверждает, — Кузнецов обвел

рукой вокруг, намекая, что в помещении может быть подслушивающая аппаратура, — но береженого бог бережет.

Приоткрылась дверь, и в нее заглянул офицер охраны:

— Подъехала машина товарища Хрущева.

Кроме боязни быть подслушанным, Кузнецову очень не хотелось показывать Хрущеву внутреннее убранство своей дачи, и он предложил Вознесенскому:

— Ты побудь здесь, а я с ним на улице переговорю.

Кузнецов сбежал по ступенькам и радушно поприветствовал уже вышедшего из машины Хрущева.

— По такой жаре в доме сидеть душно, давай-ка я тебе, Никита Сергеевич, свои розы покажу.

— Да и я на пять минут заехал, — согласился Никита, понимая, что разговор будет очень секретным.

— Видал, какая красота? — похвастался Кузнецов своим розарием.

— А по мне красиво то, что полезно, а какая с этих роз польза? — Никита скептически оглядел посадки на участке дачи. — Ты с этими розами Сталину хочешь понравиться, что ли? Ну, что там у вас стряслось? — И увидев, что Кузнецов мнется и не решается начать разговор, поторопил: — Да не тяни, у меня в самом деле нет времени.

— Жданов все знает...

— Да?! — Хрущев остановился, пораженный новостью. — Это на самом деле новость... Откуда он узнал?

— С мест донесли.

— Так ты же говорил... — со злобой начал Никита, но потом безнадежно махнул рукой и, глядя на Кузнецова, подумал: «Интеллигенты-конспираторы! Пидарасы!! С кем я связался?!!» — Ладно, поздно жалеть. Подожди, а как он узнал? Ведь у него же сердечный приступ, он лечится на Валдае.

— После того, как узнал, вернее, после разговора с нами, у него этот приступ и случился, — упавшим голосом сообщил Кузнецов.

— Это понятно — он вас в Москву перетащил, в ЦК, а вы, бараны, такое задумали...

— Никита Сергеевич, подбирайте слова, не забывайте свою обязанность быть интеллигентным человеком!

Хрущев прищурился и зло парировал.

— А я не забываю слова товарища Ленина, что интеллигенция это не мозг нации, а ее говно. Я бы эти слова забыл, но дня не проходит, чтобы какой-нибудь интеллигент мне о них не напомнил, — после этого быстро взял себя в руки и продолжил совершенно спокойным голосом. — Ну и что Жданов?

— Требует, чтобы мы немедленно покаялись и свели дело к нашей... ну... к нашему непродуманному энтузиазму.

Хрущева прошибло потом: Жданов посоветовал им то, что и должен был посоветовать, но если «ленинградцы» начнут каяться, то обязательно назовут и его. Все узнают, что он знал о заговоре и молчал — ему крышка! Хрущеву надо было немедленно запугать Кузнецова таким развитием событий и он равнодушно подтвердил.

— Ага! Правильно говорит Андрей Александрович, он плохого не посоветует. Ну, пошлет вас партия за этот заговор с покаянием куда-нибудь в Сибирь парторгами на великие сталинские стройки. Грамотные коммунисты в Сибири ой как нужны.

— Мы вас, как единомышленника, просим помочь, а вы издеваетесь! — оскорбился Кузнецов.

Хрущев «довернул гайку».

— Просто вы с Вознесенским не знаете, как в таких случаях помогают единомышленники. Где-то в начале 37-го разбирали мы на пленуме ЦК измену Бухарина и Рыкова, тогда членов ЦК, а их единомышленники, Косарев и Якир, еще не были разоблачены, и тоже были членами ЦК. Создали комиссию человек в сорок членов ЦК, заслушали Ежова, потом Рыкова с Бухариным, нужно решать. Товарищ Сталин предлагает провести следствие, чтобы все выяснить, а потом исключить их из партии и выслать из Москвы. А единомышленники, Косарев и Якир, предлагают следствие не проводить, а тут же Бухарина и Рыкова расстрелять. Так вы

что, хотите, чтобы я вам помог, как Косарев и Якир помогли Бухарину и Рыкову?

— Вы могли бы переговорить со Ждановым...

— Да вы со страху совсем ополоумели! У товарища Сталина много товарищей, но душевный приятель у него один — Жданов. И Жданов это ценит. Для него вы против товарища Сталина — ничто, пустое место. Это Жданов пока молчит потому, что не хочет позора, но долго он молчать не будет! А я заикнусь, он немедленно Сталину доложит, поскольку поймет, что дело не только в вас! — некоторое время оба стояли в задумчивости. — Есть один человек, который вам поможет.

— Кто? — с надеждой в голосе спросил Кузнецов.

— Огольцов.

— Как?!

— А у него такие ампулки есть, которые он в нужных случаях нужным людям выдает, — с деланым равнодушием пояснил Хрущев. — Вот у вас как раз такой случай.

Кузнецов даже задохнулся от возмущения.

— Да как ты...да как ты смеешь такое предлагать?!!

В ответ Хрущев прошипел со злобой:

— А ты что думал, что власть тебе, как рюмку коньяка, на серебренной тарелочке поднесут? Да за нее нужно драться беспощадно, и лично драться, и только тогда ты ее получишь!... — затем продолжил спокойно. — А тут удачно очень — у Жданова сердечный приступ. Ну, умер и умер — сгорел на работе. Ну ладно, я пошел! — Пошел было, но приостановился и окинув рукой розарий, язвительно добавил: — Ты это, когда тебе, как парторгу, дачку в Сибири дадут, ты не розы, ты огурчики посади. Если, конечно, они там расти будут.

Никита даже не думал, что уже преступил все пределы, поскольку в голове его была одна мысль — спастись! Ему казалось, что та страшная подлость, которую он только что совершил, — последняя, он не хотел думать, что подлость

имеет свойство тянуть за собой все новые и новые подлости и все более страшные.

Он понимал, что за человек Кузнецов, и когда на следующий день уезжал в Киев, не сомневался, что скоро снова вернется.

ПОМИНКИ

4 сентября 1948 года Советский Союз и ВКП(б) похоронили одного из своих вождей — Андрея Александровича Жданова. После похорон Сталин пригласил членов Политбюро и секретарей ЦК помянуть товарища на свою дачу.

На кухне дачи повар жарил к поминкам блины, и забежавшая за посудой Валентина Истомина настойчиво потребовала:

— Главное — кутью сварите.

— Валя, ну какая кутья, они же в бога не верят.

— Верят — не верят, поминки ведь, как без кутьи?

А в столовой Валентина и Матрена Бутусова заранее раскладывали на столе приборы, сервировали тарелки, рюмки и фужеры, бутылки с минеральной водой, потом поставили принесенные с кухни блюда с блинами и тарелки с кутьей. На столике сбоку обеденного стола уже стояли запасные стопки глубоких и мелких тарелок, закрытые судки с пищей. Наконец вошел комендант дачи Орлов с подоткнутым за ремень в виде фартука полотенцем, он нес в руках большую супницу.

— Матрена, подвинь тарелки, я щи поставлю.

Бутусова помогла разместить супницу и мельком взглянула в окно на улицу.

— Едут!

Орлов сдернул с пояса полотенце и вышел в коридор встречать Сталина и гостей. В обязанности Орлова и дежурных комендантов входило поддержание здания дачи в порядке и охрана его, поскольку телохранители все время находились при Сталине.

В прихожей открылась входная дверь, впустив телохранителя, тот, быстро окинув взглядом прихожую и кивнув Орлову, придержал дверь, дав войти Сталину и остальным. У всех на рукавах были черно-красные траурные повязки. После того, как Сталин снял фуражку и положил ее на вешалку, к нему подошел комендант.

— Все готово, товарищ Сталин, какое вино поставить на стол?

— Водку, — Сталин тяжело вздохнул. — Вино и коньяк поставьте сбоку, если кто захочет.

Поминки продолжались уже около часа, и тяжесть атмосферы этого застолья чувствовалась даже через двери столовой, у которой, как обычно, сидел телохранитель Сталина и стояла Матрена на случай, если потребуется что-то подать.

— Любил он его, — прервала Бутусова молчание, — Что, не видно, что ли, было, как он веселел, когда Жданов приезжал?

А в столовой сидевший справа возле Сталина Молотов уговаривал:

— Коба, ну ты же поешь хоть что-нибудь, что же ты пьешь не закусывая?

— Кусок в горло не идет... Мы, старики, небо коптим, а молодые умирают, — сетовал Сталин с отрешенным взглядом.

Он сидел на своем месте в торце стола в маршальском, расстегнутом на несколько пуговиц кителе, и было видно, как взмокла от пота нательная рубаха. Сидевший слева Берия встал и принес Сталину тарелку щей, тот поблагодарил кивком, но съел только пару ложек.

Поднялся Кузнецов.

— Товарищи! Разрешите и мне слово сказать.

Все налили. Берия налил Сталину треть рюмки, но Сталин задержал руку Берии, требуя налить полную. Берия налил и посмотрел на Молотова взглядом «что я могу поде-

лать?». Молотов в ответ сделал расстроенное движение головой. Кузнецов продолжил.

— Мы с товарищем Вознесенским и товарищем Попковым присутствовали при вскрытии тела товарища Жданова. Мы докладывали Политбюро... Такое сердце! Такого большевика! Сгорел в борьбе за коммунизм, как Данко. Он был нам больше чем учитель, товарищ Жданов для нас, ленинградцев, был вторым отцом, он… — Кузнецов всхлипывает,— ...извините — не могу говорить.

В это время за Кузнецовым искоса с интересом наблюдал Хрущев, а Сталин приподнял вверх рюмку и выпил до дна. Все последовали его примеру.

После поминок гости расходились, прощаясь со стоящим в коридоре и слегка покачивающимся Сталиным. Последними прощались Берия и Молотов.

— Коба, ложись отдыхать, сегодня был тяжелый день, — попросил Молотов.

— Рано еще. Цветы вот надо полить, жара стоит…

Берия и Молотов вышли и спустились по ступенькам. Вдруг Берия остановился и повернулся лицом к ветерку.

— А ветер-то к вечеру холодный! — заметил он.

Молотов тоже остановился и, почувствовав на лице температуру ветра, понял, о чем подумал Берия. Он повернулся и снова вошел в дом.. Сидевший в прихожей телохранитель встал и как бы невзначай закрыл собою проход.

— Товарищ?.. — спросил Молотов.

— Старостин, — отрекомендовался телохранитель.

— Товарищ Старостин, товарищ Сталин сейчас разгорячен и вспотел, а на улице начался холодный ветер. Если товарищ Сталин захочет пойти на улицу цветы поливать, то вы его не пускайте.

— Слушаюсь, товарищ Молотов! — ответил растерявшийся Старостин

За его спиной в коридоре появилась Матрена, вынесшая из столовой поднос с грязной посудой.

— Сам пьет! Ей-ей, я его таким никогда не видела, — сообщила она с круглыми глазами Старостину.

Тот растерялся еще больше. Вышел на крыльцо, тревожно подставил ветру лицо, зашел в дом и запер на ключ входную дверь. Вынул ключ из двери и обшарил взглядом прихожую в поисках места, куда его спрятать, затем сунул в карман, сел, снова встал, вставил ключ в скважину и с усилием заклинил его в замке поворотом до отказа. Снова сел на свой стул. В прихожую, покачиваясь, вошел Сталин в расстегнутом кителе, Старостин встал и спиной заслонил входную дверь.

— Товарищ, Сталин, вам нельзя на улицу, простудитесь.

— Отойдите от двери! — скомандовал Сталин.

— Товарищ Сталин, ну нельзя вам... — взмолился Старостин.

— Отойдите!!

Старостин отошел, Сталин, пошатываясь, подошел к двери и попытался ее открыть, затем некоторое время безуспешно пробовал повернуть ключ в замке.

— Откройте! — скомандовал он.

— Не буду!

— Откройте!!

— Не буду!

— Завтра передайте Власику — вы у меня больше не служите!

— Слушаюсь, товарищ Сталин!

Сталин повернулся и, пошатываясь, ушел внутрь дома.

Утром следующего дня Сталин встал довольно рано, и Старостин, который уже собрал вещи, по шуму воды в ванной догадался, что Сталин уже умылся и ему можно предлагать завтрак. Он тут же сообщил об этом Бутусовой.

Когда Матрена внесла завтрак, Сталин уже сидел за рабочим столом и работал с документами. На столе между бумагами стояли пустая бутылка «Боржоми» и стакан.

— Доброе утро, товарищ Сталин!

— Доброе утро, Матрена!

— Товарищ Сталин, уберите тут бумаги, я поднос поставлю. — И после того, как Сталин освободил от бумаг угол стола, Бутусова поставила поднос и сообщила: — Тут вот кислое молочко, холодненькое.

Сталин залпом отпил половину стакана, вытер губы салфеткой:

— Вкусно!

— А у нас и рассол есть огуречный... — Но, увидев вопросительный взгляд Сталина, Матрена тут же быстро поправилась: — Это я так сказала.

— Спасибо, не надо. Матрена, позови Старостина.

— Сейчас, — горестно пообещала Матрена, жалевшая и Старостина и надеявшаяся, что Сталин про вчерашнее забудет.

Вошел Старостин.

— Доброе утро, товарищ Сталин.

— Здравствуйте, товарищ Старостин, — ответил Сталин, не отрывая взгляда от документа. — О чем вчера говорили — забудьте! Я не говорил, вы не слышали. Отдыхайте и выходите на службу.

— Уже забыл, товарищ Сталин!

Глава 6

ПОПЫТКА РАЗВАЛА СССР

ОБ УДОВОЛЬСТВИИ

В апреле 1948 года Берия сообщил на Политбюро текущее состояние дел в атомном проекте и предложил поощрить наградами тех, кто уже особенно отличился. Сталин неожиданно вспомнил.

— Вы говорили, товарищ Берия, что организовали соревнование между конструкторами, создающими диффузионные машины. Ну, и кто же победил? На чьих машинах мы будем получать уран-235?

— На машинах Горьковского машиностроительного марки ЛБ конструктора Савина, — ответил Берия.

— Этот молодой конструктор победил таки ленинградцев? Вот молодец! И наука с этим согласна?

— Абсолютно. Члены комиссии едины: нужно строить и ставить диффузионные машины ЛБ Горьковского машиностроительного завода.

— Но вы Савина предупредите — предостерег Сталин, — пусть не успокаивается. Ленинградцы — народ смышленый и самолюбивый. И они сейчас обозлены неудачей, значит, будут брать реванш.

После этого Сталин вдруг задумался и перевел разговор в русло не по повестке заседания Политбюро, которое, как сказано выше, к тому времени хозяйственными вопросами уже и не занималось.

— Полгода назад мы отменили карточную систему, — начал Сталин,— ежегодно 1 апреля будем снижать цены.

Особое внимание нами будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары, для чего нам нужны подготовленные кадры и новые технические идеи. Следовательно, мы обязаны налечь на широкое строительство всякого рода учебных и научно-исследовательских институтов, могущих дать возможность науке развернуть свои силы, — Сталин снова сделал паузу, собираясь с мыслями.

— Наши университеты после революции прошли три периода. В первый период они играли ту же роль, что и в царское время. Они были основной кузницей кадров. Наряду с ними лишь в очень слабой мере развивались рабфаки. Затем, с развитием хозяйства и торговли, потребовалось большое количество практиков, дельцов. Университетам был нанесен удар. Возникло много техникумов и отраслевых институтов. Хозяйственники обеспечивали себя кадрами, но они не были заинтересованы в подготовке теоретиков. Институты съели университеты.

Сейчас, наоборот, у нас слишком много университетов.

Следует не насаждать новые, а улучшать существующие. Нельзя ставить вопрос так: университеты готовят либо преподавателей, либо научных работников. Нельзя преподавать, не ведя и не зная научной работы, и не зная практики. Человек, знающий хорошо теорию, будет лучше разбираться в практических вопросах, чем узкий практик, но и без практики теория мертва. Человек, получивший университетское образование, обладающий широким кругозором, конечно, будет полезнее для практики, чем, например, химик, ничего не знающий, кроме своей химии.

Но в чем наша беда. В университеты стремятся выпускники школ, дети высокопоставленных родителей, многие из которых поступают в них, чтобы не стоять у станка, чтобы не заниматься производительным трудом. Хотим мы этого или нет, но университеты формируют нам и проклятую касту, ненавидящую труд.

В университеты следует набирать не одну лишь зеленую молодежь со школьной скамьи, но и практиков, прошедших определенный производственный опыт. У них в голове уже имеются вопросы и проблемы, но нет теоретических знаний для их решения. Вот этим людям нужно дать теоретические знания, а они в университеты не спешат. Почему? У них уже есть семьи, где им жить с семьей при университете?

Вот этот вопрос нам тоже нужно решить, и Москва должна показать пример в этом.

Что у нас запроектировано для строительства на Воробьевых горах? — спросил Сталин, глядя на Кагановича, который начинал реконструкцию Москвы, и с тех пор всегда ею интересовался.

— Комплекс высотных жилых зданий, — подумав, ответил Каганович.

— Давайте возведем этот комплекс для Московского университета, и не в 10—12, а в 20 этажей, или еще выше, чтобы университет был виден всей Москве. Строить поручим министру промышленного строительства Комаровскому. Следует предусмотреть Внешторгу валютные ассигнования на необходимое оснащение и оборудование лабораторий — сказал Сталин, обращаясь к Микояну, — университет должен быть обеспечен новейшими приборами и реактивами.

Но, главное, необходимо создать жилищно-бытовые условия, построив общежития для преподавателей и студентов. Сколько будет жить студентов? Шесть тысяч? Значит, в общежитии должно быть шесть тысяч комнат. И, подчеркиваю, особо следует позаботиться о семейных студентах, о тех практиках, которые будут в нем учиться.

Хрущев, работавший в это время в Киеве, лично на заседаниях Политбюро присутствовал редко, — решения с ним согласовывались по телефону. Но сейчас он, приехав в Москву для решения целого ряда украинских дел, попал непосредственно и на заседание Политбюро, однако повестка оказалась такая, что Хрущеву просто нечего было сказать при обсуждении ее вопросов, и он томился от длительного

вынужденного молчания. А тут для него подвернулся удобный случай.

— И давайте этот новый университет назовем именем товарища Сталина, — предложил он, по его мнению, на 100% верное решение.

Сталин посмотрел на него и с деланой жалостью сказал:

— Никита, ты там, в Киеве, совсем от России оторвался. Главный университет страны может носить лишь одно имя — Ломоносова!

Для ускорения темпов строительства, его надо будет вести параллельно с проектированием, — продолжил Сталин,— значит, это строительство надо поручать человеку, который бы мог подчинить себе и министра Комаровского, и архитектора или группу архитекторов, и мог повлиять и на товарища Микояна. То есть, строительство нового Московского университета желательно поручить члену Политбюро.

Сталин усмехнулся и с хитрецой посмотрел на Берию.

— У нас в Политбюро есть товарищ, который жаловался, что партия не дала ему стать хорошим инженером-строителем. Не поручить ли нам это дело ему?

— С удовольствием возьмусь, товарищ Сталин! — не задумываясь, ответил Берия.

— А как же большая загруженность вас работой?

— Да разве это работа? Построить красивейшее здание в Москве, а, может, и в СССР — это не работа, это награда, это удовольствие!

— Ну что, товарищи, — улыбнулся Сталин, — кто за то, чтобы доставить это удовольствие товарищу Берии?

В 1948 году размах работ по атомной проблеме непрерывно увеличивался. В первую очередь увеличивалась добыча урановой руды и если в 1946 году в СССР ее добыли в пересчете на чистый уран всего 50 тонн, плюс 60 тонн добыли и вывезли из стран Восточной Европы, то в 1948 году своего урана добыли 182 тонны и 989 тонн европейско-

го. Только в Табашарском рудоуправлении (комбинат №6) урановую руду добывало свыше 15 тысяч человек, а всего в собственно атомной отрасли (без строителей) — в системе Первого главного управления — работало уже 55 тысяч человек и более 100 привлеченных организаций из других отраслей народного хозяйства. В этом году было начато промышленное получение тяжелой воды, построено здание под опытный тяжеловодородный реактор и начаты подготовительные работы для строительства промышленного тяжеловодородного реактора. Для производства атомной бомбы строилось шесть предприятий, но главное внимание в то время уделялось комбинату №817 — реактору по получению плутония и радиохимическому заводу, на котором плутоний должен был быть выделен из облученных в этом реакторе урановых блоков.

7 июня 1948 года в кабинет Берии с Урала, из здания реактора, в котором он в это время непрерывно находился, позвонил Ванников и сообщил, что Курчатов опробовал работу плутониевого реактора, пока всухую, но получилось! Правда, мощность была невелика — 10 киловатт, но все же цепная реакция пошла.

— Боюсь преждевременно поздравлять, — ответил Берия, — но все же, Борис Львович, ты там Курчатова по спине похлопай, что ли. Заслужил!

А 19 июня 1948 года, в 11 часов 30 минут Берия сам позвонил Сталину.

— Не стал вас с утра беспокоить, решил дождаться, когда вы приедете в кабинет. Примерно 2 часа назад плутониевый реактор начали выводить на мощность 100 мегаватт. Будут, конечно, и неприятности, как без них, но дело все же пошло!

Неприятностей действительно было сверх всякой меры: реактор «отравлялся ксеноном», он при каждой остановке «сваливался в йодную яму», его «зашлаковывали» изотопы самария и гадолиния, попадала вода в графитовую кладку,

урановые блоки спекались с графитом, уран и графит «распухали» под действием нейтронов, коррозия разъедала алюминиевые трубы и они выходили из строя, короче, было все, что должно было быть при освоении нового дела. Но был энтузиазм сотен рабочих и инженеров реактора, был Курчатов со своими сотрудниками, дневал и ночевал на реакторе Ванников, немедленно обеспечивал их всем необходимым Берия.

ПОДПОЛЬНЫЙ СЪЕЗД

15 января 1949 года, около 1 часа ночи, Сталин, как обычно, работал. Сегодня сказали бы, что он был «сова», то есть, лучшими часами для индивидуальной работы он считал ночные часы. Поэтому, если ничего не требовало встать рано, то он работал до 4—5 ночи, а просыпался в 11 утра, а в своем рабочем кабинете в Кремле появлялся после обеда, работая в нем до позднего вечера. Под него подстраивались и остальные руководители страны.

Сталин сидел за письменным столом в форменных брюках, но в нижней рубахе с черными сатиновыми нарукавниками, чтобы сберечь от истирания манжеты рубашки, и внешне напоминал старого колхозного бухгалтера, корпевшего над годовым отчетом. Рядом на столе громоздилась высокая стопка документов, вложенных в переплеты самых различных фасонов. Еще большая стопка высилась на стоящем рядом стуле. Сталин вынимал документ из папки переплета и с досадой отбрасывал переплет к стене, читал, делал пометы и накладывал резолюцию.

Вообще-то, Сталин, возможно, был самым богатым человеком в СССР за счет гонораров от издания его трудов, но он не испытывал никакой потребности в лишних вещах, в личном плане был с детства очень бережлив и откровенно брезглив к помпезности и бессмысленным тратам. Поэтому из его гонораров составлялся фонд Сталинских пре-

мий, которыми награждались в СССР те, кто отличился в области техники, науки или искусства.

Неожиданно вошел телохранитель.

— Товарищ Сталин, подъехал товарищ Маленков. И подъехала машина товарища Берии.

Сталин удивился:

— Зови! — А затем показал телохранителю на лежащие у стены переплеты.— Товарищ Хрусталев, вы это все выбросьте в печку. Не сейчас, завтра утром.

— Доброй ночи, товарищ Сталин. Берия сказал приехать, — сказал вошедший Маленков и удивленно спросил: — А его еще нет?

— Сейчас будете — ответил Сталин и резко начал выговаривать Маленкову: — Слушай, Георгий, мы когда прекратим это безобразие? Еще с полгода назад в почте не было писем в этих переплетах, а-теперь чуть ли не все так оформляется. У нас не хватает бумаги печатать школьные учебники, а они тратят бумагу на эту дрянь. Да посмотри, как оформляют, — Сталин показал Маленкову переплет с золотым теснением герба и надписи «Товарищу Сталину», — мы так собрание сочинений Пушкина не оформляем. В стране люди не все вторую пару обуви имеют, а этот трест, — трясет листиком бумаги из переплета, — жалуется на Вознесенского за недопоставку десяти вагонов цемента, и вкладывает это паршивое письмецо в кожаную папку! Заставь этих подхалимов лично заплатить за это безобразие!

— Но это же от уважения... — попробовал запротестовать Маленков.

— К черту такое уважение! Уважение без мозгов — это не уважение.

Вошел Берия.

— Извините, уже выезжал, позвонили — пожар на нефтяной скважине под Грозным.

— Жертвы? — тут же поинтересовался Сталин.

— Жертв нет, но пожар большой.

— Садитесь, в чем дело? И почему без предварительного звонка? — спросил Сталин.

— Может быть я паникую... дело, в общем, вот в чем. — начал Берия. — Вы, наверное, знаете, что отношения с Абакумовым у меня не складываются после того, как он стал министром госбезопасности. Недавно я заехал в своей кабинет на Лубянке, а Абакумов, оказывается, приказал сократить моего секретаря и прекратить убирать помещение. В кабинете пыль, паутина... От моих телохранителей требует не просто информации, а какой-то компрометирующей меня информации.

Вот поэтому я и поостерегся по телефону сообщать суть дела Георгию Максимилиановичу, а просто попросил его приехать со мной к вам.

— Чем же ты обидел Абакумова, что он опускается до таких глупостей?

— Не знаю, но не в этом дело. Меня две недели не было в Москве, я вам днем докладывал, — поясняя Маленкову, — надеюсь, что этим летом у нас уже будет атомная бомба, и у меня в кабинете накопилась груда не просмотренных бумаг. В том числе и эта.

Берия открыл портфель, достал папку, а из нее письмо. Передав письмо Сталину, продолжил.

— Это письмо предсовмина России Родионова Маленкову о том, что в Ленинграде проводится общероссийская торгово-промышленная ярмарка залежалых товаров. Причем, ярмарка-то, оказывается, идет уже с 10 января, а письмо отправлено 13-го. Георгий отписал письмо мне, Вознесенскому, Микояну и Крутикову с возмущением, что это мероприятие проводится без разрешения Совмина СССР. Письмо, к сожалению, пролежало у меня без движения до сегодняшнего вечера.

Сталин удивленно посмотрел на Маленкова.

— Георгий, какая ярмарка? Какие залежалые товары?

— Я сам, товарищ Сталин, узнал о ней из этого письма, — ответил Маленков.

— Было поздно, я в Госплане России едва нашел работника, который что-то невнятно сказал про распоряжение Вознесенского распродать залежалые товары. Вот я и сопоставил.

Во-первых. Ярмарка— это движение товаров и людей, и место ярмарки всегда выбирается таким, чтобы путь товаров был короче. Если бы эта ярмарка была в Горьком, в центре России, то ничего страшного нет — там исстари была Нижегородская ярмарка, но Ленинград это крайняя северо-западная точка России, там и при царе никогда внутрирос¬сийских ярмарок не было.

Во-вторых. Всего три года после войны, едва год, как мы отменили карточки, мы еще не восстановили ни промышленность, ни сельское хозяйство, у нас сильный товарный дефицит и нет ни килограмма лишнего хлеба, ни лишнего гвоздя. Откуда у нас взялось столько залежалых товаров, чтобы для их распродажи потребовалась ярмарка? Но раз ярмарка работает, то, значит, они есть, а появится залежалые товары могли только в случае, если Госплан весь год умышленно направлял в торговлю товаров меньше, чем их производила промышленность СССР. То есть, специально предпринял меры, чтобы товары залежались, и был повод провести ярмарку.

В-третьих. Я каждый день просматриваю газеты. Ярмарка — это публичное мероприятие, ей нужна реклама. Но я не помню ни единого объявления. Что это за подпольная ярмарка о которой знают только те, кого на нее специально пригласили?

Из-за отношений Абакумова ко мне сотрудники МГБ меня сторонятся, но в Ленинграде в транспортном отделе работает надежный чекист, и я разбудил его. Выяснилось, что на эту ярмарку из России съехались не только торговцы, туда прибывают секретари обкомов с партийными делегациями областей.

Товарищ Сталин, это не ярмарка, это партийный съезд российских коммунистов. Подпольный съезд. Зачем подпольный и что они хотят?

Сталин тяжело посмотрел на Маленкова.

— Товарищ Сталин, я первый раз об этом слышу! — Маленков в ужасе побледнел.

— Тогда еще момент. О сборе партийных делегаций в Ленинграде Правительство СССР должно было бы узнать от МГБ, от Абакумова. Я позвонил в Совмин Чадаеву — он тоже ничего не знает.

Сталин снял нарукавники, аккуратно их сложил и спрятал в ящик стола. Встал и надел, застегивая на все пуговицы, маршальский китель.

— Ты, Лаврентий, езжай домой, отдыхай и занимайся бомбой. Мы с Георгием во всем разберемся.

— Но, может быть, я нужен? — уточнил Берия.

— Теперь, когда вопрос поставлен, уже нет, — ответил Сталин.— Это партийные дела, это работа для секретарей партии, это наш с Маленковым вопрос. Езжай домой.

Так, Георгий, поднимай всех работников ЦК, обзвоните области, узнайте, кто выехал в Ленинград. Телеграммами срочно вернуть всех, немедленно вернуть! Тех, кто собирается ехать в Ленинград, предупреди — головой рискуют! А я займусь МГБ.

15 января 1949 года вечером Маленков позвонил в Киев узнать у члена Политбюро Хрущева мнение по поводу освобождения Кузнецова от партийных должностей, объяснив, за что его снимают.

— Где, в Ленинграде? Не может быть! — ужаснулся в трубку Хрущев, а в его мозгу пролетело: «Пидарасы! Все же провалили дело!» — Конечно я за то, чтобы снять Кузнецова с должности секретаря ЦК и начальника Управления кадров партии.

Никита повесил трубку и вытер испарину: «Выдадут или нет? Нет! Им, если меня выдавать, нужно признаться в убийстве Жданова. Спасая себя, они и меня спасут!»

ПАСПОРТА

В начале 1949 года Сталин сидел на очередном заседании Политбюро, поскольку считал неправильным свое частое отсутствие, даже несмотря на огромную загрузку делами в Правительстве. Все же партия считает своим вождем его, а не Маленкова, и пренебрегать уважением коммунистов Сталин не мог. Маленков, поднаторевший в проведении заседаний Политбюро, проводил их быстро за счет тщательной предварительной проработки вопросов — он, как правило, предлагал толковые варианты решений, и члены Политбюро не возражали их принять. Шел длинный перечень, чуть ли не стандартных вопросов по награждению отличившихся и по одобрению кандидатур для назначения на руководящие должности. Но вот Маленков взял в руки очередной лист проекта решения Политбюро и начал читать суть вопроса.

— Вопрос ЦК Украины. Предлагается ввести паспорта всем жителям СССР, а жителям Западной Украины ввести специальные паспорта.

— Что за паспорта? — Сталин удивленно взглянул на Маленкова. — Это что, имеются в виду эти вот виды на жительство, которые люди предъявляют по требованию милиции?

— Да, чтобы милиция могла определить, кто перед ней, — подтвердил Маленков.

Сталин нашел глазами Хрущева.

— Товарищ Хрущев! Это кто выдумал этот вопрос?

— Товарищ Сталин! Это мы предлагаем, — горячо начал Никита. — Во-первых, у нас до сих пор жители сельских районов, крестьяне, паспортов не имеют, и получается, что они как-то лишены прав по отношению к жителям городов...

— Да кто тебе сказал, что паспорт — это право человека? — зло перебил его Сталин. — У тебя есть хоть одна

жалоба колхозника на то, что он чего-то не смог в нашей стране из-за того, что у него нет паспорта? Что он не смог куда-нибудь поехать, где-нибудь устроиться на работу, получить деньги, или хоть что-нибудь ему не сделали?! Назови мне того, кто помешал колхознику что-либо сделать без паспорта, и этот умник будет сидеть в лагере, пока не поумнеет! У тебя есть такие факты?

— Фактов нет, но…

— Никаких но! Паспорт — это не право человека, а право чиновников государства командовать человеком, право вмешиваться в его дела, право брать с него взятки. Как ты, коммунист, можешь этого не понимать? Советский человек — это свободный человек! А раз он свободный, то он ни перед кем не обязан отчитываться, ни кто он, ни почему здесь. Кто он — он сам знает, а здесь потому, что захотел быть здесь, и никто ему не указ!

Сталин встал и начал возмущенно прохаживаться вдоль стола, а потом обратился к Берии.

— Это надо же — паспорта! Товарищ Берия, неужели в США уже введены паспорта?

— Нет, ничего не слышал об этом… — Берия пытался вспомнить.

— У американцев — у узников капитала — и то паспортов нет, а мы будем вводить паспорта для свободных советских людей??! Государство имеет право контролировать и ограничивать свободу граждан только в тюрьме, вы, товарищ Хрущев, из всего Советского Союза тюрьму хотите сделать? При Коммунизме и государство отомрет, а вы паспорта хотите вводить?

— Но у нас же, у жителей городов есть же паспорта! — упрямо не сдавался Хрущев.

Сталин разочарованно развел руками и уже мягче начал объяснять.

— Поймите, товарищ Хрущев, паспорт — это то, с помощью чего чиновники государства ограничивают свободу людей и с помощью чего издеваются над ними. Сколь-

ко трудящиеся люди в царской России натерпелись от паспортов! Хочешь куда-то поехать — дай чиновникам взятку, чтобы они тебе выдали паспорт. А там, куда выехал, каждый полицейский тебя останавливает и, если в паспорте что-то не так, и ему дай взятку. Хочешь где-то жить — получи разрешение, а паспорта нет — дай взятку. А дворяне, попы и чиновники паспортов не имели, вернее, имели справку, которую им давали на всю жизнь и которую они никому не обязаны были показывать. Паспорта— это орудие издевательства царизма над народом.

И как только мы, коммунисты, взяли власть в России, мы тут же упразднили все паспорта.

Да, мы, большевики, проявили слабость и непоследовательность: мы не устояли перед ГПУ, которое непрерывно бомбардировало Политбюро просьбами ввести паспорта, мы в начале 30-х ввели их, но в виде исключения. В виде исключения!! — повторил Сталин с нажимом. — И только для жителей городов. Почему ввели? Люди в городах друг друга не знают, а тут была введена карточная система, из деревень в города хлынули кулаки, началось мошенничество, повысилась преступность — мы проявили слабость и пошли на уступку ГПУ в вопросе паспортов. Но это временно. Вот залечим военные раны, мало-мальски улучшим жизнь людей и отменим к черту паспорта у всех! Американская полиция обходится без паспортов? Наша милиция тем более обойдется.

Мы коммунисты, товарищ Хрущев, и если мы введем паспорта, то советские свободные люди нас просто не поймут.

— Но людям можно сказать, что паспорта — это большое благо, что это и есть свобода, а зато милиции будет удобнее, — цинично заявил Хрущев, чувствуя себя политиком.

— Да, можно про свободу сказать, и тупые рабы охотно поверят. Я, товарищ Хрущев, советский народ тупыми рабами не считаю, — Сталин говорил уже с очевидной зло-

стью. — И вам бы не советовал, даже если у вас и есть какие-то основания так считать. Будете вести себя с народом, как с рабами, народ таким и станет.

А мы Коммунизм не для тупых рабов строим!

ВОТОНА — РДС!

22 декабря 1948 года была начата первая загрузка уже облученных в реакторе урановых блоков в аппарат-растворитель. Начался муторный процесс химического извлечения нескольких десятков грамм плутония из каждой тонны растворенного урана. И вот в феврале 1949 года инженеры радиохимического завода Гладышев и Чугреев спустились в подвальное помещение цеха, которое на местном жаргоне называлось «каньоном», и в присутствии представителей науки и администрации начали соскабливать ложкой с нутч-фильтра первую порцию готовой продукции в виде плутонийсодержащей пасты. А затем заложили эту плутониевую «пасту» в эбонитовую коробку и передали ее заводу-потребителю, на котором ее превратили в металлический плутоний.

При достижении массы плутония определенной величины, так называемой «критической массы», происходит атомный взрыв, причем критическая масса может уменьшаться, если плутоний подвергается давлению, однако тогда еще никто не знал точно, при каком давлении данная порция плутония может взорваться. Бомба должна была состоять из двух полусфер плутония, получить из цилиндрической отливки плутония полусферу можно было только прессованием, то есть, плутоний надо было давить. А если шандарахнет?! Поэтому металлурги отлили заготовки плутония всего с 10%-ным припуском на механическую обработку после прессования — с припуском на снятие стружки при токарной обточке полусфер.

Прессование отлитых из плутония цилиндриков (размерами с чайный стакан) из тяжелого серебристого металла,

было поручено специалисту по обработке металлов давлением инженеру Самойлову. Народу в цехе было, само собой, мало, физики у пресса поставили свои приборы, а сами быстренько удалились, остались только ответственные за эти работы А.А. Бочвар и А.С. Займовский. А.Г. Самойлову помогали инженеры-конструкторы М.С. Пойдо, И.Д. Никитин и Ф.И. Мыськов.

Самойлов взялся за рычаг гидравлического пресса, что вызвало у всех гнетущее состояние — каждый обдумывал свое будущее в ближайшие секунды: будет ли он жив или разложится на атомы? Не ошиблись ли физики, учли ли они все факторы, влияющие на снижение критической массы, не произойдет ли ядерный взрыв во время горячего прессования металла? Все замолкли, наступила тишина. Пуансон медленно стал опускаться в матрицу, давление на манометре постепенно стало возрастать и дошло до требуемого показателя. И вот, наконец, прессование благополучно закончено, нагревательная система отключена. А взрыва не было! Все радостно зашевелились, засуетились, громко заговорили. Теперь подошло и начальство: заместители Ванникова Завенягин и Славский.

Неожиданное затруднение испытали при извлечении изделия из разъемной пресс-формы, но здесь помог своей могучей силой Ефим Павлович Славский. Как говорится, и начальник пригодился — с его помощью без каких-либо повреждений плутониевая полусфера была извлечена из пресс-формы и выглядела она блестяще!

С большой тщательностью начали обтачивать ее при помощи специального приспособления на станке. Операция обточки была очень ответственная, трудоемкая и требовала большого внимания, осторожности и смекалки, чтобы не запороть изделие в брак и сделать плутониевую полусферу идеально круглой, не уменьшив ее вес. Обтачивал полусферы конструктор Михаил Степанович Пойдо. Все уже дошли до такой критической точки нервного напряжения, когда все казалось не таким, как было в действительности.

И Завенягин впал в истерику, решив, что изделие по сферичности запорото, посему он весь свой гнев обрушил на Пойдо, который выслушал эти обвинения молча, не сказав в свою защиту не единого слова. После ухода истеричного А.П. Завенягина Михаил Степанович мужественно продолжал вести обработку изделия до конца и сделал его с большой точностью на, надо сказать, достаточно примитивном оборудовании.

Сияющие на свету и ощутимо теплые плутониевые полусферы тут же передали в конструкторское бюро № 11 (КБ-11) — к тому времени уже мощную организацию, конструировавшую и изготавливавшую собственно атомные бомбы. Ею руководил бывший во время войны заместителем министра танковой промышленности П.М.Зернов, главным конструктором бомбы был Ю.Б.Харитон, получавший сведения о ее конструкции прямо из разведданных. КБ-11 размещалось в двух местах — в городе Сарове и его окрестностях, и в казахстанских степях на Семипалатинском полигоне, который в то время имел кодовое название «Берег».

Безопасность требовала, чтобы полигон был расположен в пустынном районе СССР диаметром около 200 километров, причем, желательно было, чтобы к этому району прилегала железнодорожная ветка и недалеко был аэродром. Таким местом оказалась площадка в 160 км от Семипалатинска, ограниченная рекой Шаган (приток Иртыша), горами Дагилен и Капястан, отстоящими друг от друга на 100 километров. С 1947 года на полигоне интенсивно велись работы по подготовке к испытаниям, строились необходимые сооружения и жилой поселок, который располагался в 120 километрах от города Семипалатинска на берегу реки Иртыш, и в 60 километрах на северо-восток от испытательной площадки. (Сама площадка для взрыва первой атомной бомбы находилась в центре полигона.) Населенных пунктов на территории полигона, естественно, не было, и к середине 1949 года в 15 км от испытательного поля были построены технические помещения для работы с ядерным оружи-

ем, дома для временного проживания военных строителей, гостиница для прикомандированных лиц, участвующих в подготовке испытания, столовая, котельная с электростанцией и другие объекты.

Для изучения влияния ударной волны и ядерного взрыва на расстоянии 800 метров от центра будущего взрыва были построены 2 трехэтажных здания с расстоянием между ними 20 м (ширина городской улицы). На различных расстояниях размещалась военная техника, включая самолеты, танки и бронемашины. Были установлены скоростная и обычная киноаппаратура, а также многочисленные приборы и измерительная техника для определения параметров взрыва, развития газового облака, светового излучения, ударной волны, нейтронного и гамма-излучения. В качестве подопытных были привезено большое количество разных видов живности.

10 августа 1949 года Государственная комиссия под председательством М.Г. Первухина закончила приемку полигона, а 28 августа весь измерительный комплекс полигона вводился в боевое положение. Заряжались пленкой фото-, кино- и осциллографическая аппаратура. В 4.00 29 августа на первом наблюдательном пункте (НП-1) опечатывается пульт управления, обесточиваются все линии кабельных связей. В 4.30 начат подъем заряда на верхнюю площадку испытательной башни, высотой 30 метров. После подъема клеть жестко скрепляется с площадкой башни. В 5.00 инженеры Ломинский и Матвеев снаряжают бомбу капсюлями-детонаторами.

В бетонированном бункере, с потолка которого спускались перископы, Берия, Курчатов, Харитон, Флеров, Первухин и еще несколько технических работников полигона и охраны взволнованно и напряженно ждали докладов.

Удерживающий у уха трубку телефона, Харитон умоляюще просил.

— Подождем еще немного — не все самописцы включились... — И наконец: — Все! Телеметрия работает!

Курчатов вопросительно посмотрел на Берию, тот на Курчатова.

— Ну что — перекрестимся? — неожиданно спросил Берия.

— Да я в партию только в прошлом году вступил, мне неудобно, — растерянно ответил Курчатов.

— А я член Политбюро — мне можно, — Берия перекрестился. — Давай!

— Надеть на окуляры фильтры! — скомандовал Курчатов.

Курчатов, Берия, Харитон прильнули к окулярам перископов, за их спинами сгрудились остальные. Глазницы руководителей осветились вспышкой, окрашенной фильтрами в синий цвет, спустя несколько секунд прозвучал грохот, бункер шатнулся, с потолка посыпалась пыль. Берия, а за ним все устремились к выходу и выскочили наверх, наблюдать гриб атомного взрыва.

Берия бросился обнимать и целовать Курчатова и Харитона.

— Получилось, родные, получилось!! Есть, есть бомба! Пойду, доложу товарищу Сталину.

— В Москве же ночь, — заметил не теряющий контроля над реальностью Харитон.

— А ты думаешь, товарищ Сталин спит?! — удивился Харитону Берия, сбегая в бункер.

Курчатов скомандовал сотруднику высылать разведку, и вскоре от НП-2, находившемся в 10 километрах от места взрыва, два танка КВ, набирая скорость, двинулись к центру.

— Ну что думаешь, Юлий Борисович?- спросил Курчатов Харитона.

— Хотелось бы КПД процентов 10, но, думаю, что процентов пять… — ответил тот.

— Ничего, это только начало, — не поддержал скепсиса Курчатов. — Кстати, ты главный конструктор бомбы, как назовешь свое детище?

— Знаете, Игорь Васильевич, я с вами почти с самого начала и уверен, что если бы атомным проектом продолжали руководить Молотов и Первухин, то мы не то что бомбы, мы бы на сегодня и плутония не имели. Предлагаю назвать эту бомбу Берия-1 или Б-1.

— Сомневаюсь, что Лаврентий Павлович это одобрит, но попробуйте...

Из бункера поднялся Берия и громко объявил, хотя слушателей было не много.

— Товарищ Сталин всех поздравляет! Итак, в связи с успешным испытанием изделия... Да, кстати, этому изделию надо дать имя. Товарищ Харитон, вы конструктор — ваше слово!

— Предлагаю назвать «Б-1», — все же предложил Харитон.

— А почему не «А-1»? — засмеялся, все еще ликующий, Берия.

— «Б» — это от Берия — «Берия-1»,— уточнил Харитон.

Берия мгновенно помрачнел.

— У вас, товарищ Харитон, от радости ум за разум зашел?! При чем тут Берия?! Бомбу сделали вы... да нет, эту бомбу сделал весь советский народ, ее сделала та самая Россия, которую испокон веков все считали лапотной. А вы — Берия! Лишаю вас права давать название. Товарищ Курчатов, ваше мнение по этому вопросу.

— РДС-1, — тут же нашелся Курчатов.

— А это как понять? — подозрительно спросил Берия.

— «Россия делает сама»!

Берия на мгновение задумался.

— А вот это то, что надо! Утверждаю! Так! Вас всех я знаю и на вас представления сам подготовлю, но я не знаю многих, чьим трудом и умом сделана РДС-1. Прошу вас срочно подготовить и представить мне предложения по их награждению...

УРАН-235

Сосредоточение усилий на производстве плутония дало мощный успех, но то, что Берия не успевал уделить достаточно личного внимания получению урана-235, сказывалось — дело на этом направлении шло плохо. Очень плохо!

Стоял сентябрь 1949 года, еще и месяца не прошло после успешного испытания первой советской атомной бомбы, а Берия в своем кремлевском кабинете выслушивал доклад сотрудника, вернувшегося из командировки на уральский комбинат — тот самый, который был построен для разделения изотопов урана.

— Я считаю, что положение на комбинате 813 уже нельзя назвать кризисным, — докладывал сотрудник. — Они почти год не могут ввести в эксплуатацию завод диффузионного разделения урана. Там многие работники, в том числе и руководители, просто отчаялись, работают механически, не веря в успех. Это не кризис, это напоминает агонию.

Берия долго и задумчиво молчал, потом снял телефонную трубку и дал команду.

— К вечеру подготовьте мне вагон, я выезжаю на Урал.

Берия прошелся по заводу Д-1 комбината 813 -- по заводу, на котором в специальных машинах путем диффузии гексафторида изотопов урана должен был выделяться из смеси изотопов изотоп урана-235.

Затем собрал совещание, на котором присутствовало около сотни специалистов, как самого комбината, так и поставщиков оборудования, и представителей науки.

Когда подчиненные паникуют, руководитель обязан оставаться спокойным. И чем больше паникуют подчиненные, тем более спокойным должен быть руководитель, иначе любая его горячность будет воспринята подчиненными и за его панику, и тогда их собственная паника и отчаяние будут неконтролируемы. Всем своим спокойным и даже несколько безразличным видом руководитель должен пока-

зывать, что «мы и из худших выбирались передряг», и что нужно лишь немного усилить нажим, еще чуть-чуть пошевелить мозгами, и дело будет сделано.

— В целом я знаком с проблемами вашего завода, — спокойно начал Берия, — но хотел бы сейчас услышать их из ваших уст. Давайте начнем с самого младшего по должности, а закончим директором завода.

Сначала, как водится, народ стесняется начальства, особенно большого, но такая обязанность говорить — начиная с младшего, — снимает стеснительность, и люди выкладывают все, что знают.

То, что Берия услышал на совещании, наряду с увиденным в цехах, в сумме дало достаточно безрадостную картину. На газоразделительном заводе Д-1 сразу же после пусконаладочных работ на первых введенных в эксплуатацию каскадах, состоящих в основном из диффузионных машин ЛБ-7, начались массовые выходы из строя машин, работающих на рабочем газе (гексафториде урана). В дальнейшем это повторилось и на машинах ЛБ-8 и ЛБ-9. Причины аварий — заедание шариковых подшипников электропривода компрессора, приводящее либо сразу к его остановке, либо к быстрому износу подшипников, сопровождаемому недопустимой вибрацией компрессора. А ведь это были специальные, высокооборотные подшипники, которые должны были служить десятки тысяч часов, но реально они выходили из строя через несколько сотен часов работы, а некоторые нормально вращались только несколько десятков часов.

И на заводе Д-1 за сутки выходило из строя до 50 компрессоров, а это было больше, чем можно было смонтировать новых машин. Это была мучительная работа, не прерывавшаяся ни днем, ни ночью — замена вышедших из строя многотонных компрессоров новыми или отремонтированными машинами! Ведь все машины до их аварийной остановки были заполнены рабочим газом — химически агрессивным радиоактивным гексафторидом урана, уже успевшим получить некоторое изменение в своем изотопном составе.

Было непонятно, почему изготовленные по первому классу точности шариковые подшипники, прошедшие специальный отбор, выходят из строя? При заводских и комиссионных приемных испытаниях ведь все было в порядке. Стали искать причину в недостатках сборки, в отклонениях требований к механической обработке, а выход из строя подшипников с вводом в эксплуатацию новых и новых каскадов нарастал и нарастал.

Ремонт машин был очень трудным. Из-за одного вышедшего из строя компрессора приходилось останавливать и отключать от каскада целый блок из 12 машин, откачивать из него рабочий газ, снимать с места и транспортировать в цех ревизии аварийную машину, обнажая при этом весьма чувствительные к влаге и коррозии пакеты пористых пластин, установленных в баке-делителе. Вместо изъятых машин монтировались новые или уже отремонтированные машины, повторяя весь цикл монтажа снова и снова (откачка, проверка на вакуумную плотность, наполнение газом и т.п.). И опять без уверенности, что замененная машина долго проработает. Эта трудоемкая изнурительная работа полностью дезорганизовала пуск завода Д-1 и была настоящим бедствием, что вызвало у некоторых руководителей неверие в успех промышленного освоения диффузионного метода.

Была и вторая беда, еще более тяжкая — был обнаружен недопустимо высокий уровень коррозии (разложения) рабочего газа (гексафторида урана) в машинах. Это приводило к тому, что поток высокообогащенного газа конечных каскадов практически не достигал, так как гексафторид урана разлагался, значительная часть его потока превращалась в порошок (тетрафторид урана) и осаждалась на внутренних стенках машин.

Процессы коррозии особенно сильно ускорял влажный воздух, засасываемый из атмосферы в вакуумный объем машин и коммуникаций. Он проникал в машины при недостаточной герметичности фланцевых разъемов, которых было

на заводе несколько десятков тысяч. А поскольку для ремонта аварийных машин надо было останавливать и вскрывать блоки или каскады, то избавиться от напуска влажного воздуха практически было невозможно.

К проблемам добавлялись сомнения в достаточной герметичности многочисленных тонкостенных труб разъемных газовых коммуникаций, имевших приварные фланцы. Общая протяженность их на заводе Д-1 достигала несколько километров.

И так далее, и так далее, и так далее...

Берия записывал ключевые вопросы в блокнот, пытаясь отобрать из них наиглавнейшие и отсеять мелочь, которая будет решена и без него.

Особенно не понравилось ему итоговые выступления главного инженера и директора. Дело в том, что вначале на эти должности были назначены молодые инженеры, но перед пуском Берия, опасаясь, что молодые завалят его вопросами, заменил их на опытных. И ошибся! Эти опытные специалисты потеряли необходимый энтузиазм и теперь скорее имитировали привычную работу, а не штурмовали проблемы. Оба они закончили свои выступления примерно одинаково: «Мы считаем, что с таким составом оборудования завод работать не будет», — а ведь знали, что другого оборудования просто не существует!

— Хорошо, — сказал Берия, никак не прореагировав на выводы руководителей завода. — Теперь прошу высказаться о том, как ликвидировать недостатки. Представители Горьковского машзавода. Ваши машины ЛБ не работают. Начинайте с подшипников. Нашли причины их заклинивания?

— Это нашли, — сообщил горьковчанин. — Мы же артиллеристы, поэтому стремились к точности. Поставили очень точные подшипники, сделали очень точные посадки. В результате роторы не имели люфтов. А при работе возникает неравномерный нагрев и неравномерное термическое расширение. Подшипник перекашивает и заклинивает.

— М-да. Всю жизнь нас, русских, критиковали за отсутствие точности, теперь мы точности добились, и снова нехорошо! Продолжайте.

— Как это устранить — понятно. Прослабим подшипники и посадки, добьемся люфта. С коррозией гексафторида урана дело сложнее...

И так, выслушивая специалиста за специалистом, Берия выяснял, какие пути решения проблем уже найдены, а какие проблемы остаются без решения.

— Да, — вспомнил он в конце, — у нас еще есть выездная бригада ученых-физиков из Москвы. Что вы скажете?

— Товарищ Берия! — бодро начал физик. — Сначала я скажу в принципе, а потом зачту список наших предложений. Дело в том, что из-за низкой, так сказать, научной и культурной подготовленности персонала завода, из-за низкой его дисциплины предлагаемые нами научные рекомендации не исполняются. Вот они...

— Читать список не надо, ситуация понятна и слушать эти рекомендации нет необходимости, оборвал выступающего Берия, поняв, что наука, как обычно, старается держаться отдельно от заводчан и, следовательно от их проблем.

— Давайте переходить к решениям, — Берия немного помолчал в задумчивости. — Начнем с директора. Преступно поручать бой командиру, который не верит в победу. Товарищ Кизима, вам с главным инженером мы найдем должности полегче. Директором завода снова назначаю товарища Чурина, а главным инженером — товарища Родионова. Товарищ Алявдин работает в самом тяжелом цехе, а паники в его докладе я не уловил. Товарищ Алявдин назначается начальником производства.

Наука нам заявила, что штат завода не способен внедрить научные рекомендации...

— Я не это хотел сказать, — запротестовал физик, привыкший, что в «интеллигентной среде» не называют вещи своими именами.

— Но сказали. Поэтому всех командированных ученых из Москвы я включаю в штат завода и поручаю им исполнить их же рекомендации заводу.

— Мы не заслуживаем такого наказания! — вновь запротестовал физик.

— Вы считаете внедрение собственных научных идей наказанием?!

— Я не это хотел сказать... — растерялся ученый.

— Зато я сказал, что хотел сказать! — произнес Берия неожиданно ледяным тоном, и все вспомнили, кто он такой. — Теперь. Большой проблемой является коррозия элементов машин ЛБ. У нас в СССР есть толковый металлофизик?

— Профессор Якутович из Свердловска, — послышался голос с места.

— Запишите фамилию, назначим его заместителем научного руководителя завода. Нужны химики-аналитики. Кто знает толковых? — продолжил Берия поиск решения проблем из своего списка.

Вечером, когда совещание уже изрядно устало и задымило воздух помещения до состояния лондонского смога, Берия согласовывал сроки исполнения с представителями Горьковского машиностроительного завода.

— Нам нужно шесть месяцев, чтобы реконструировать машины ЛБ, — утверждал горьковчанин.

— Вы что — спать на ходу собираетесь? — язвительно поинтересовался Берия.

— Но их шесть тысяч!

— Ничего, ваш директор Елян в войну и не такие задачи решал, — четыре месяца и ни днем больше! Кстати, вы Горьковский машиностроительный, а марка ваших машин начинается с буквы «Л», как будто машины ленинградские. И вообще, что обозначает это «ЛБ»?

Все затихли и удивленно уставились на Берию.

— Товарищ Берия, — наконец ответил удивленный горьковчанин. — «ЛБ» — это «Лаврентий Берия».

— Что?! — Берия откинулся на спинку стула. Это эпидемия какая-то... Партия поручила мне создать вокруг Москвы пояс противовоздушной обороны, оснащенный... скажем так, новым видом оружия. Конструкторы назвали его «Беркут». Ну, беркут и беркут — стремительная птица, и это оружие тоже стремительное. И вот мне сообщают, что «Беркут» — это в честь Берии. — снова придвигается к столу. — Значит так. Передайте товарищу Еляну, что у него голова не тем занята! И чтобы все машины были готовы через три месяца!!

Справка: После убийства Л.П.Берии, диффузионные машины Горьковского машиностроительного завода были переименованы с ЛБ в ОК (отдельная конструкция), а система ПВО «Беркут» в С-25.

В 1950 году после комплектования завода машинами ЛБ-6 и замены всех двигателей ТД (двигатель-трансформатор) на машинах ЛБ-7 и ЛБ-8, а также после проведения пассивирующей обработки внутренних поверхностей машин и пористых фильтров всех машин, после полного ввода в эксплуатацию холодильной станции для подачи охлаждающей воды низкой (8—10°С) температуры, после постройки цеха сухого воздуха, наконец была налажена нормальная эксплуатация завода Д-1 и выпуск в проектном количестве урана-235, вначале 75%-ного, а затем 90%-ного обогащения.

Специфические производственные и технические сложности и особенности всего комплекса диффузионной технологии оказались столь велики и неприступны, что этой технологией в мире могли овладеть после США (1945 г.) только три индустриально развитые страны: СССР в 1949 г. (завод Д-1), Великобритания в 1956 г. (завод в Кейпенхерсте) и Франция в 1967 г. (завод в Пьерлате).

А в СССР, вслед за заводом Д-1, в последующие годы уверенно вошли в строй заводы Д-3, Д-4, Д-5 и другие.

С АБАКУМОВЫМ НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ

Когда Хрущев слышал умствования дураков о том, что для подчинения кого-либо, требуется иметь компромат на него, то презрительно ухмылялся этой глупости. Иметь компромат на кого-либо — это иметь компромат на себя. Ведь суть компромата — это какое-то преступление, и если ты об этом преступлении не донес, то ты соучастник преступления. Вон командующий Киевским военным округом Якир хранил в сейфе компромат на командующего Харьковским военным округом Дубового — расстреляли обоих, хотя и не только за этот компромат.

Надо не компромат иметь, а надо знать, где этот компромат можно найти, после чего дать понять, что при желании ты этим поиском займешься. Вот тогда тот, кого ты берешь за горло, будет стараться, чтобы у тебя такого желания не появилось. И Никита действовал только так — давал понять, и не больше! Особенно много у него осталось «благодарных ему» после войны, когда он многим генералам помог избавиться от разжалования и даже от расстрела, но знал, в архиве какого трибунала или особого отдела нужно искать старое дело, чтобы при необходимости прижать к ногтю или уничтожить строптивого «полководца».

Поэтому, когда в декабре 1949 года его перевели в Москву и избрали Первым секретарем Московского обкома и горкома и секретарем ЦК на место Кузнецова, то он решил не откладывая прижать и подчинить себе министра МГБ Абакумова намеком на то, что знает, где найти компромат об участии Абакумова в «ленинградском деле» и в убийстве Жданова. И дать ему понять, что если Абакумов не подтвердит свою преданность лично Хрущеву, то этот компромат будет найден.

Однако «коса нашла на камень» — Абакумов оказался столь же хитрым, коварным и бесстрашным, как и сам Хрущев.

Никита вошел в кабинет Абакумова на Лубянке несколько дней спустя после своего прибытия в Москву, его сопровождал сам Абакумов и несколько генералов МГБ.

— Ну, глянем-поглянем вашу резиденцию, товарищ Абакумов,— голос Хрущева излучал отеческую доброжелательность. — Где мне сесть?

— Где хотите, товарищ Хрущев, — голос Абакумова был еще более медовым. — Для нас большая честь в том, что вновь избранный вождь московских коммунистов начал знакомство с московской организацией с проведения встречи с партийным активом здесь у нас — в МГБ. Но, товарищ Хрущев, мы назначили на пять...

— А я специально приехал пораньше, чтобы поговорить лично с вами, товарищ Абакумов, — Хрущев посмотрел на присутствующих выпроваживающим взглядом.

— Товарищи могут заняться своими делами, — скомандовал Абакумов и все вышли, а он по приглашению Хрущева подсел к столу напротив Никиты.

— Я, товарищ Абакумов, не только первый секретарь МГК, я еще и секретарь ЦК ВКП(б), имеющий задачу контролировать работу органов государственной безопасности. Так с кого же мне начинать, как не с вас? А у вас, к сожалению, дела обстоят очень, как бы это сказать, непонятно, и я хочу, после этого совещания, прислать к вам комиссию и хорошенько во всем разобраться.

Абакумов неожиданно дерзко посмотрел в глаза Хрущеву.

— А что тревожит партию, товарищ Хрущев?

Несколько озадаченный наглостью Абакумова, Хрущев продолжил.

— Товарищ Абакумов, партия и правительство доверили вам защищать низовой партийный аппарат от вражеских происков, а для этого следить за секретарями обкомов, интересоваться их разговорами, выяснять, чем они живут, как работают.

Как случилось, что у МГБ под носом враги организовали антипартийную группу под руководством Кузнецова и Вознесенского и уже влили в нее тысячу, если не больше, человек, а ЦК и правительство об этом узнали не от МГБ, а от рядовых коммунистов?

Абакумов ответил, продолжая спокойно и дерзко смотреть на Хрущева:

— Виноваты, товарищ Хрущев, очень виноваты, но не было ни малейшего сигнала, — демонстративно сделал вид, что задумался. — Хотя нет, что-то вспоминаю, кажется, летом 1947 года поступил от службы прослушивания сигнал о совещании Кузнецова и Вознесенского еще с кем-то на лесной речушке во время рыбалки. Я, каюсь, как-то не придал этому значения, но комиссия ЦК этот сигнал, безусловно, найдет, и если там было что-то серьезное, то я, как коммунист, готов понести любое наказание.

Хрущев от негодования даже побледнел и в его голове вскипела ярость: «Ах ты гад! Так ты об этом разговоре знал?! Шантажируешь, сволочь?! Но что же делать? Что делать?! Ладно, ты победил. Но я тебе этого не забуду!». Улыбаясь, Никита постарался сохранить лицо и вынести этот удар от Абакумова как можно спокойнее.

— Ваша искренность внушает доверие, товарищ Абакумов, пожалуй, мы повременим с комиссией, но вы подготовьте на мое имя объяснительную записку по этому вопросу и готовьтесь к выговору.

ИГНАТЬЕВ

В феврале 1950 года в свой кабинет секретаря ЦК Хрущев вызвал секретаря Среднеазиатского бюро ЦК Игнатьева. Эта должность была фиктивной и на нее временно определяли партийных работников, которых необходимо было проверить, прежде чем решить, что с ними делать. До своего ареста и Кузнецов сидел на похожей должности секретаря Даль-

невосточного бюро после снятия его с должности секретаря. ЦК ВКП(б). Вот и Игнатьева засунули в этот отстой, сняв с должности 2-го секретаря компартии Белоруссии.

— Я не люблю юлить туда-сюда, — «взял быка за рога» Хрущев. — Я человек простой и скажу прямо, хотя вы и так, товарищ Игнатьев, об этом, наверное, знаете. Негодяи — Кузнецов, Вознесенский, Попков и члены их банды — хотели расчленить нашу партию и Советский Союз. После того, как партия об этом узнала и начала принимать меры, по предложению товарища Пономаренко вас перевели с должности 2-го секретаря Белоруссии на эту пустячную должность. Товарищ Пономаренко сообщил мне, что вас в Белоруссию направил Кузнецов, и предложил мне проверить вас на участие в заговоре ленинградцев.

— Это неправда, товарищ Хрущев, я ничего об этом не знаю, — перепуганно залепетал Игнатьев.

Хрущев, глядя на Игнатьева строго и оценивающе, угрожающим голосом посоветовал.

— Подумайте, товарищ Игнатьев, подумайте, мы и так все узнаем, а искренне раскаявшихся партия прощает.

Игнатьев тут же пришел в смятение и покрылся потом, потом невнятно замямлил.

— Я не знаю... Я честный коммунист... Я всегда верно служил партии... Кузнецов и был для меня партией. Я только делал, что он говорил. Я готов искренне покаяться и всё рассказать... — не закончив в смятении замолчал.

Хрущев, продолжал смотреть на Игнатьева тяжелым взглядом. Подумал: «А ты, хлопчик, трус! На тебя положиться нельзя! Но что же делать? Додавить тебя и сдать? Но с кем мне тут в Москве работать, где найти своих людей? Придется тебя использовать... Кузнецов все отрицает, но Игнатьев-то этого не знает, он только знает, что мы с Маленковым следствие ведем. А, значит, Игнатьев знает, что если я захочу его привлечь к делу ленинградцев — привлеку, не захочу — еще поживет. Значит, он меня будет бояться-

ся». Обдумав ситуацию, Хрущев многозначительно, с намеком в голосе сказал.

— Покаяние, товарищ Игнатьев, вещь хорошая, но партия больше всего ценит не покаяние, а преданность. Понимаете? — подчеркнул голосом и произнес по слогам. — Пре-дан-ность.

Игнатьев растерянно смотрел на Хрущева и в панике не мог понять: «Чего он хочет? Не хочет слушать мое покаяние... Почему? Ага, он не хочет, чтобы я своим покаянием запутал и его в это дело. Он хочет быть в стороне и надо мною. Хочет и командовать мною, и иметь возможность сдать в любой момент. Гад! Но что же мне-то делать?!! Покаяться или положиться на Хрущева? Может, с его помощью пронесет, может, Кузнецов меня не выдаст или Хрущев это скроет?» Игнатьев наконец решился.

— Дорогой Никита Сергеевич! Можете быть уверены, что я лично вам буду предан, как собака. Я сделаю все, что вы прикажете, только пальцем пошевелите!

— Не мне, а партии нужно быть преданным, — нарочито назидательно поправил Хрущев.

— Конечно, но вы для меня, дорогой Никита Сергеевич, и есть партия, — Игнатьеву было не до гордости, и он решился на откровенное низкопоклонство.

-- Хорошо, — тоном этого «хорошо» Хрущев показал, что низкопоклонство оценено. — С ленинградцами вы не были связаны, в Ленинграде не работали, будем считать, что товарищ Пономаренко проявил излишнюю бдительность, а вы, товарищ Игнатьев, проверку прошли.

Игнатьев сначала не поверил сказанному, но потом лицо его просияло, он быстро перегнулся через стол и схватил Хрущева за руку.

— Благодарю, дорогой Никита Сергеевич, благодарю. Век буду помнить, и вы никогда об этом не пожалеете.

— Хотелось бы! — выдернул свою руку Хрущев, брезгливо боясь, что Игнатьев ее поцелует. — Думаю, товарищ Игнатьев, что вы засиделись в секретарях этого никчемно-

го бюро, думаю, что вас надо выдвигать. Как вы смотрите, если мы выдвинем вас в заведующие отделом ЦК по контролю за советскими и партийными органами? Будете глазами и ушами партии, будете наблюдать за всеми партийными и советскими руководящими работниками. Справитесь?

— Дорогой Никита Сергеевич! Я буду вашими глазами и ушами... — мгновенно понял Игнатьев, что от него требуется.

Хрущев усмехнулся и одобрительно подумал: «Сообразительный, сукин сын!», — после чего пообещал.

— Хорошо, я переговорю с остальными секретарями ЦК и попробую убедить их в полезности вашего перевода на эту должность.

Глава 7

ТЕРМОЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

НАУКА НЕ В КУРСЕ ДЕЛА

В апреле 1950 года секретариат ЦК ВКП(б) решил ознакомиться с состоянием дел по созданию термоядерного оружия, и Берия по просьбе ЦК созвал у себя в кабинете небольшое совещание, на котором Курчатов и Тамм начали знакомить с этим вопросом И.Д. Сербина, заведующего отделом ЦК, курировавшего оборонную промышленность.

Поскольку И.Е.Тамм был теоретиком в группе ученых, создающих в СССР термоядерное оружие, то вводить Сербина в курс дела начал он.

— Видите ли, товарищи, чтобы провести термоядерный синтез, то есть взрыв водородной или, точнее, термоядерной бомбы, нужна обычная атомная бомба, плутониевая или урановая, в качестве, так сказать, детонатора, и смесь изотопов водорода — дейтерия и трития. Тритий нестабилен, его период полураспада всего 8 лет, поэтому в природе, например, в воде, он существует в очень незначительных количествах.

Тритий можно производить в атомных реакторах, работающих на обогащенном уране, однако у нас в СССР таких реакторов еще нет, и только 28 января этого года Правительством поставлена задача по их сооружению. Само собой понятно, что за короткое время, скажем, за 2—3 года не удастся наработать сколько-нибудь значительное количество трития.

Мало этого, при нормальной температуре дейтерий и тритий — это газы. Их для термоядерной бомбы нужно сжи-

жать, и они в самой бомбе требуют особого хранения при очень низкой температуре. Смесь дейтерия и трития нужно поместить в криостат, то есть в сосуд с двойными стенками, между которыми вакуум, этот сосуд погрузить в жидкий гелий, находящийся в таком же криостате, а тот, в свою очередь, погрузить в криостат с жидким азотом. Все эти газы будут испаряться, поэтому их надо улавливать и снова сжижать. Поэтому в устройстве водородной бомбы нужна и криогенная, то есть, холодильная техника, причем, непрерывно работающая. — Тамм пытался объяснить проблему, используя наиболее общедоступные понятия.

-— И сколько же такая бомба должна весить? — спросил Сербии.

— Трудно сказать точно, но мы полагаем, что до ста тонн, может быть, если удастся облегчить криогенную технику, то тонн 80.

— Сейчас самые мощные стратегические бомбардировщики поднимают до 5 тонн, а если летят на небольшое расстояние — то до 10. Как вы собираетесь эту бомбу довезти до противника? — удивился Сербии.

— Наш молодой и талантливый сотрудник Сахаров предлагает погрузить ее на судно, это судно подвезти к берегам Америки и там взорвать. Но наши адмиралы не хотят рассматривать это единственно разумное предложение, мы полагаем, что ЦК должен был бы оказать на адмиралов влияние в этом вопросе, — решил воспользоваться случаем Тамм.

— Почему адмиралы против? -- спросил Берия.

— Демагогия! — щегольнул модным тогда словом Тамм. — Контр-адмирал Фомин, с которым Сахаров по этому вопросу встречался, демагогически заявил: «Мы, моряки, не воюем с мирным населением».

— Да, — язвительно подтвердил Берия, — образ мыслей военных моряков сильно отличается от образа мыслей мирных ученых.

— Но другого выхода нет! — запротестовал Тамм, хотя и понял сарказм Берии. — Это прекрасная бомба, но ее эффективнее всего применять по скоплениям людей.

Тамм очень боялся, что из-за невозможности военного применения водородной бомбы по военным целям, ЦК прекратит эту работу и они с Сахаровым останутся без хорошо оплачиваемых должностей.

— Ну, неужели нет никаких путей сделать термоядерную бомбу пригодной для военных целей — для доставки ее авиацией? — не хотел поверить Сербии.

— Простите, товарищ Сербии, — позволил себе Тамм снисходительный тон, — но это физика, это теория, это азбука нашего дела. Дейтерий и тритий — это газы, и ничего тут не придумаешь. По нашему желанию эти газы при обычной температуре твердыми не станут. А, значит, без криогенной, то есть, замораживающей техники не обойтись, а основной вес бомбы даст вес именно этой техники. У американцев, между прочим, термоядерная бомба проектируется размером с двухэтажный дом.

— Ну хорошо, спасибо, товарищи, за разъяснения, — поблагодарил Сербии.

Берия и Сербии попрощались с учеными и Курчатов с Таммом ушли.

— Вот видите, Иван Дмитриевич, какое положение, — развел руками Берия. — Этот Тамм возглавляет группу по созданию водородной бомбы и считается чуть ли не гением в этом вопросе. Да и американцы действительно идут по этому пути — это подтвердила наша разведка. Поиска новых путей мы, конечно, прекращать не будем, но решения пока не видно.

Так, в общем, можете и проинформировать ЦК.

— Знаете, Лаврентий Павлович... — начал было Сербии, но тут же махнул рукой. — А, впрочем, это чепуха.

— О чем вы? — тем не менее поинтересовался Берия.

— Да смешной случай. На днях получил посланное в ЦК письмо одного солдатика, служащего на Сахалине, так вот этот солдатик утверждает, что знает, как сделать водородную бомбу. Не знаю, плакать или смеяться, — академики не знают, как ее сделать, а солдатик знает.

— Письмо сумасшедшего? — спросил Берия.

Сербии, немного подумав, и как бы сам удивляясь, ответил.

— Я бы не сказал… Письмо короткое, но написано, безусловно, грамотным человеком. И разумно…

— А вы, Иван Дмитриевич, запросите Сахалинский обком — пусть этого солдатика деликатно проверят на вменяемость; и если он не откровенный сумасшедший, то пусть дадут ему написать то, что он хочет. И пусть то, что он сочинит, быстренько направят мне.

— Сделаю, Лаврентий Павлович! — пообещал Сербии, прощаясь.

САМОРОДОК С ОСТРОВА САХАЛИН

В отличие от Андрея Сахарова, который, окончив в 1942 году в Ашхабаде эвакуированный туда Московский университет, спрятался в тылу, работая сначала учетчиком в женской бригаде лесорубов, а потом на оборонном заводе в Коврове, Олег Лаврентьев в 18 лет ушел добровольцем на фронт и успел поучаствовать в боях за освобождение Прибалтики.

А с ядерной физикой Олег познакомился еще в 1941 году, когда учился в 7-м классе средней школы. Он прочитал тогда только что вышедшую книгу «Введение в ядерную физику» и открыл для себя новый мир. Из этой книги, автора которой по еще детской привычке он не стал запоминать, Олег впервые узнал про атомную проблему, и уже тогда возникла у него мечта, поставить атом на службу человеку. Олег понимал, что для осуществления своей мечты нужно учиться, но ведь была война!

Пришлось учебу оставить и поступить работать, а потом подоспели служба и фронт. После окончания войны Олег попал служить на Сахалин. Там ему повезло на командиров — замполита майора Щербакова и командира 221-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона подполковника Плотникова. Во-первых, они помогли Олегу переквалифицироваться из разведчиков в радиотелеграфисты и занять сержантскую должность. Это было очень важно, так как Олег начал получать денежное довольствие, смог выписать из Москвы нужные книги и даже подписаться на журнал УФН. Кроме этого, в гарнизоне имелась библиотека с довольно большим выбором технической литературы и учебников.

И Олег поставил себе цель и начал подготовку к будущей научной работе. Его упорство поражало всех. Он самостоятельно и не имея официального среднего образования, освоил дифференциальное и интегральное исчисление в математике, по физике проработал общий курс университетской программы — механику, теплоту, молекулярную физику, электричество и магнетизм, атомную физику, а по химии — двухтомник Некрасова и учебник для университетов Глинки!

Особое место в его занятиях занимала, конечно, его мечта — ядерная физика. По ядерной физике Олег впитывал и усваивал все, что появлялось в газетах, журналах, передачах по радио. Его интересовали ускорители: от каскадного генератора напряжения Кокрофта и Уолтона до циклотрона и бетатрона; методы экспериментальной ядерной физики, ядерные реакции заряженных частиц, ядерные реакции на нейтронах, реакции удвоения нейтронов, цепные реакции, ядерные реакторы и ядерная энергетика, проблемы применения ядерной энергии в военных целях.

Идея использования термоядерного синтеза для создания «сухой», то есть, без жидких дейтерия и трития, водородной бомбы, впервые зародилась у Лаврентьева зимой 1948 года. Помог случай: командование части поручило ему

подготовить лекцию для личного состава по атомной проблеме и дало ему несколько дней на подготовку. Вот тогда и произошел «переход количества в качество». Сосредотачиваясь на том, о чем ему надо было читать лекцию, Олег заново переосмыслил весь накопленный в голове материал и нашел решение вопросов, над которыми бился много лет подряд. Он нашел вещество — дейтерид лития-6, — способное сдетонировать под действием атомного взрыва, многократно его усилив за счет термоядерной реакции, — это первое. А во-вторых, он придумал схему для использования в промышленных целях термоядерных реакций.

К идее водородной бомбы рядовой Лаврентьев пришел, последовательно перебирая различные варианты новых цепных ядерных реакций, пока не нашел то, что искал.

Цепь с литием-6 и дейтерием замыкалась по нейтронам!!

Нейтрон, попадая в ядро лития-6, вызывает реакцию образования обычного гелия-4 и… трития! Того самого трития, без которого все ядерные физики мира не знали, как провести термоядерную реакцию. Эта реакция сопровождается выделением огромного количества тепла.

А тритий, взаимодействуя с ядром дейтерия по известной уже физикам схеме, образует все тот же гелий и… еще один нейтрон, который снова может ударить по ядру лития-6! Круг замкнулся — суммарной из этих двух реакций была цепная термоядерная реакция!

Дальнейшее уже было делом техники. В двухтомнике Некрасова Олег нашел описание гидридов — химических соединений с водородом (дейтерий — тяжелый водород). Оказалось, что можно химически связать дейтерий и литий-6 в твердое стабильное вещество с температурой плавления 700°.

Итак, суть изобретения Лаврентьева: термоядерный процесс инициируется мощным импульсным потоком нейтронов, который получается при взрыве атомной бомбы. Этот поток дает начало ядерной реакции взаимодействия ней-

трона с литием-6, продуктом этой реакции является тритий, который реагирует с дейтерием, и в сумме обе эти реакции приводят к выделению огромной энергии.

В приведенном описании схема бомбы подобна той, над которой работали и американцы, и Тамм с Сахаровым, но только в ней жидкие дейтерий и тритий заменялись на твердый дейтерид лития. В такой конструкции уже не нужен тритий, и это уже не устройство, которое надо было бы подвозить на барже к вражескому берегу и подрывать, а настоящая бомба, при необходимости доставляемая баллистической ракетой.

Справка: В современных термоядерных бомбах применяется только дейтерид лития-6.

Что было делать дальше рядовому Лаврентьеву?

Он-то, конечно, понимал всю важность сделанных открытий, понимал и необходимость донести их до специалистов, занимающихся атомными проблемами. Но в Академию наук он уже обращался: в 1946 году посылал туда предложение по ядерному реактору на быстрых нейтронах. Никакого ответа не получил. В Министерство вооруженных сил направил изобретение по управляемым зенитным ракетам. Ответ пришел только через восемь месяцев и содержал отписку в одну фразу, где даже название изобретения было искажено. Что поделаешь — в Москве люди заняты: театры, футбол, пиво... Кроме этого, в Москве все умные и точно знают, что все великие достижения придумывают только академики и только в Москве. На периферии умных нет, тем более рядовых Советской Армии.

Писать еще одно послание в «инстанции» было бессмысленно. К тому же Олег считал свои предложения преждевременными: ведь пока не решена главная задача— создание атомного оружия в нашей стране, — никто не будет заниматься термоядерным «журавлем в небе», который невозможен без атомной бомбы.

ЕГО ЗАМЕТИЛИ

И Олег наметил себе такой план: окончить среднюю школу, поступить в Московский государственный университет и уже там, смотря по обстоятельствам, довести свои идеи до специалистов.

В сентябре 1948 года в городе Первомайске, где дислоцировался 221-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, открылась школа рабочей молодежи. Тогда существовал приказ, запрещающий военнослужащим посещать вечернюю школу. Но замполит Щербаков сумел убедить командира части, и троим военнослужащим, в первую очередь — рядовому Лаврентьеву, было разрешено учиться. В мае 1949 года, закончив три класса за год, Лаврентьев получает аттестат зрелости. В июле ожидалась демобилизация, Олег уже готовил документы в приемную комиссию МГУ, но страна испытывала страшную послевоенную нехватку мужчин для службы в армии, и, совершенно неожиданно для Лаврентьева, ему присвоили звание младшего сержанта и задержали на службе еще на один год.

В августе было сообщено об успешном испытании в СССР атомной бомбы, а младший сержант Лаврентьев знал, как сделать водородную бомбу! И он написал письмо Сталину. Это была коротенькая записка, буквально несколько фраз о том, что ему известен секрет водородной бомбы. Ответа на свое письмо не получил.

Прождав безрезультатно несколько месяцев, Олег написал письмо такого же содержания в ЦК ВКП(б).

Был конец мая, но было уже жарко. Подполковник инженерной службы Юрганов трясся по ухабам дороги на Первомайск в еще ленд-лизовском «виллисе», проклиная и своего начальника управления, пославшего подполковника для выполнения спецзадания в Сахалинский обком, и сам обком за это дурацкое задание, которое нужно было бы выполнять не ему, а какому-нибудь психиатру. В 221-м отдельном ди-

визионе он представился командиру дивизиона и, стараясь сказать как можно меньше, объяснил, зачем он приехал. Командир вызвал командира батареи, приказал комбату исполнять распоряжения подполковника, и тот сопроводил Юр¬ганова в свое подразделение.

В маленькой комнатке канцелярии батареи было три табуретки и два стола: за одним из столов сидел ефрейтор, второй был стол капитана. Вошедший капитан скомандовал «Смирно!» и пропустил первым подполковника.

-- Сюда, товарищ подполковник, садитесь за мой стол, — старался быть спокойным капитан, совершенно не представляя, кто этот подполковник и что ему на батарее надо, но, заметив его взгляд, брошенный на ефрейтора, дал ефрейтору еще одну команду, — постойте в коридоре!

Подполковник сел, достал блокнот, изучающее взглянул на севшего перед ним на табурет капитана и спросил:

— Что вы можете сказать о младшем сержанте Лаврентьеве Олеге Александровиче?

— А что он натворил? — тут же встревожился капитан.

— Что он за солдат? Каких-то ненормальностей за ним не наблюдается? — уточнил вопрос подполковник.

— Вы имеете в виду, не контуженый ли он?

— Примерно это…

— Нет! — даже возмутился капитан. — Мы его еще в прошлом году должны были демобилизовать — участник войны и шестой год служит! Но задержали — специалистов нет. Радист прекрасный. Голова — во! В том году в вечерней школе сразу три класса за один год окончил, получил аттестат зрелости и послал документы в Московский университет — на физика хочет учиться. Всему гарнизону лекции про атомную бомбу читает — меня даже командир за него похвалил. Книг и журналов у него — чемодан, и такие книги, что сроду не прочитаешь...

В коридоре перед дверью ефрейтор направил ухо на филенку и пытался услышать, о чем начальство толкует, поэтому и не заметил подошедшего старшину. Впрочем, старши-

на не стал обращать внимание на эту мелочь, а сразу взял быка за рога.

— Васильев, что у него на погонах?

— Подполковник инженерной службы.

— Так. Лопатки будет проверять,— немедленно оценил обстановку опытный старшина, — а у нас шесть штук не хватает. Так, Васильев, мчись в четвертую батарею к старшине...

Его прервала открывшаяся дверь, в которую выглянул капитан.

— Васильев, младшего сержанта Лаврентьева ко мне! Бегом! — дал он команду ефрейтору, опередив в этом старшину.

Несколько минут спустя в канцелярию батареи вошел и доложил о себе Лаврентьев.

— Младший сержант Лаврентьев по вашему приказанию прибыл!

— Садись, сынок, — показывая на табурет, пригласил подполковник, после чего кивнул капитану. — Нам с сержантом наедине поговорить надо...

Капитан вышел в коридор в коридор к обеспокоенному старшине.

— Проверять будет? — тревожился тот.

— Нет, тут что-то другое, — недоумевал капитан.

— А лопатки в четвертой батарее все же надо одолжить — береженого бог бережет! — к такому выводу пришел опытный служака.

Юрганов возвращался в кабинет командира 221-го дивизиона успокоенным — сержант был безусловно вменяем, и, безусловно, был очень неординарной личностью, со знаниями, удивившими и окончившего академию Юрганова. А то, что Лаврентьев не рассказал ему суть того, что он собирается сообщить в ЦК, даже понравилось подполковнику — парень не за славой стремился и, судя по всему, действительно что-то придумал.

На правах работника штаба округа он распорядился:

— Задерживать его демобилизацию больше нельзя — если им Москва заинтересовалась, то у нас никаких оправданий не примут. И, главное: младшего сержанта Лаврентьева от несения службы с сегодняшнего дня освободить, предоставить ему в штабе отдельную комнату и писаря, допущенного для работы с секретной документацией, дать бумагу, чертежные принадлежности. Все, что напишет, — перепечатать в одном экземпляре и срочно выслать в сахалинский обком. Черновики сжечь, составить об этом акт.

Командир дивизиона подполковник Плотников был заинтригован, но понимал, что спрашивать о подробностях у Юрганова бесполезно.

ОТЕЦ ВОДОРОДНОЙ БОМБЫ

Лаврентьеву выделили в штабе дивизиона охраняемую комнату и предоставили возможность написать свою первую работу по термоядерному синтезу.

Работа состояла из двух частей. В первую часть вошло описание принципа действия водородной бомбы с дейте¬ридом лития-6 в качестве основного взрывчатого вещества и урановым детонатором. Она представляла собой ствольную конструкцию с двумя подкритическими полушариями из урана-235, которые выстреливались навстречу друг другу. Симметричным расположением зарядов Олег хотел увеличить скорость столкновения критической массы вдвое, чтобы избежать преждевременного разлета вещества до взрыва. Урановый детонатор окружался слоем дейтерида лития-6. Олег выполнил оценку мощности взрыва, предложил способ разделения изотопов лития и экспериментальную программу проекта.

Во второй части работы он предлагал устройство для использования энергии термоядерных реакций между легкими элементами в мирных целях — ту самую идею управ-

ляемого термоядерного синтеза, работы по которой ведутся уже более 50 лет во всем мире.

Лаврентьева, конечно, торопили, да и он сам спешил быстрее закончить работу, так как им уже были посланы документы в приемную комиссию МГУ, и пришло уведомление, что они приняты.

21 июля пришел приказ о его досрочной демобилизации, — солдат, который переписывается с ЦК, да еще и по секретной почте, — это большие хлопоты для любого начальства, от таких солдат очень полезно побыстрее избавиться. Олегу пришлось закругляться, хотя вторая часть его работы была еще не закончена. Работа была отпечатана в одном экземпляре и 22 июля 1950 года отослана секретной почтой в ЦК ВКП(б) на имя заведующего отделом тяжелого машиностроения И.Д. Сербина. Черновики были уничтожены, о чем составлен акт за подписью военного писаря секретного делопроизводства старшины Алексеева и самого автора. Грустно было смотреть Олегу, как сгорают в печке листки его первой выдающейся научной работы, в которые он вложил две недели напряженнейшего труда и несколько лет раздумий. Уже вечером с документами о демобилизации младший сержант выехал в Южно-Сахалинск, а там узнал неприятную новость. Оказывается, близ Владивостока дождями размыты железнодорожные пути, и на вокзале скопилось более 10 тысяч пассажиров. А до начала приемных экзаменов оставалась неделя!

Олег обратился в Сахалинский обком партии за помощью и секретари по науке и промышленности помогли ему купить билет на самолет до Хабаровска, чтобы перепрыгнуть пробку во Владивостоке, а пока он ожидал своего рейса, посоветовали прочитать отчет Г.Смита, который был у них в обкомовской библиотеке. Как досадовал Олег, что эта книга не попалась ему раньше. В ней он нашел подробное описание работ по американскому атомному проекту и ответы на многие вопросы, до которых ему приходилось додумываться самому.

В Москву Олег приехал 8 августа, приемные экзамены еще не закончились, и его включили в группу опоздавших.

2 августа 1950 года Берия, сидя за столом в своем кабинете, снял с кипы принесенных ему секретарем бумаг документ в три десятка скрепленных страниц, начал их читать и вспомнил, улыбнувшись, что сам пару месяцев назад заказал Сербину получить эту работу с Сахалина. Он небрежно начал листать страницы, полагая, что пробежит эту работу «по диагонали» и отдаст кому-нибудь для ответа этому энтузиасту-солдатику, но получилось по-другому. Как только Берия понял, что именно предложил Лаврентьев, эта работа целиком захватила его, и Берия начал читать труд Олега с первой страницы и с карандашом в руке. Через полчаса он встал, подошел к книжным шкафам, быстро нашел и вынул «Курс общей химии» Б.В. Некрасова, раскрыл на оглавлении, просмотрел, машинально нашептывая: «Гидриды, гидриды»,— раскрыл на нужной странице, прочел, удивленно покачав головой, после чего снял трубку.

— Соедините меня с Курчатовым.

Спустя полтора часа Берия задал Курчатову вопрос.

— А если мы в водородной бомбе вместо смеси жидких дейтерия и трития применим твердый дейтерид лития?

— Дейтерид лития? — удивился вопросу Курчатов. — А что это даст?

— Дейтерид лития — это не газ, это твердое вещество с температурой плавления в 700°. Я проверил по Некрасову. Значит, бомбе не нужны будут криостаты, значит, ее можно сделать легкой! Схема проста — атомная бомба, а вокруг нее слой дейтерида лития.

— Да, но литий будет задерживать нейтроны,— растерялся Курчатов от такой простоты решения вопроса.

— Наоборот! Нужен не просто литий, а литий-6! Вот в чем хитрость! Тогда при поглощении нейтрона он даст гелий и тритий! А тритий, соединяясь с дейтерием, даст гелий и нейтрон! Эта цепь реакций замыкается по нейтронам! — с

этими словами Берия передал Курчатову предложение Лаврентьева. — Вот посмотрите, что пишет этот солдат, вернее, младший сержант.

Курчатов начал быстро просматривать документ.

— Черт возьми! А ведь это может быть решением вопроса... Но тут очень много написано, это надо обдумать.

— Дайте на заключение специалистам, и это заключение срочно пришлите мне! Эта слоеная водородная бомба что-то уж очень проста и поэтому очень убедительна! Да, еще: все это должно держаться в строжайшей тайне, — Берия слегка задумался. — Если это предложение пойдет, то даже этому солдату пока не сообщать, что его предложение принято. Он сейчас поступает в университет, дело молодое, может невзначай где-нибудь похвастаться. Ему надо сказать, что он большой молодец, но что мы создаем водородную бомбу другим способом. Пообещайте, что мы его привлечем к этой работе, когда он выучится, но что сейчас нужно держать язык за зубами. Отметить мы его и так отметим, а сейчас пусть пока побудет в неведении. Для пользы дела, — подытожил Берия.

19 августа 1950 года. Берия в своем кабинете прочел две страницы документа, после чего снял трубку и соединился с секретарем.

— Запиши: Лаврентьев О.А. Он должен был в этом году поступать в Московский университет. Выяснить в отделе кадров МГУ, поступил или нет. И соедини меня с Курчатовым.

Не прошло и пяти минут, как он уже говорил по телефону.

— Здравствуйте, Игорь Васильевич! Прочел заключение по известному вам вопросу некоего Сахарова... Заключение толковое и восторженное. Значит, у нас в этом вопросе прорыв? Значит, начинаем разрабатывать слойку Лаврентьева?.. Да, я тоже сплюну через плечо, чтобы не сглазить.

Еще минут через пять вошел секретарь.

— Лаврентьев Олег Александрович зачислен на физический факультет МГУ.

— Если бы этот Ломоносов не поступил в МГУ, нужно было бы закрыть МГУ.

— Какой Ломоносов? — не понял секретарь.

— Это я так — не тебе.

В сентябре, когда Олег Лаврентьев уже был студентом, он встретился с Сербиным. Олег ожидал получить рецензию на свою работу, но встреча его огорчила. Правда, Сербии встретил очень радушно, попросил рассказать подробно, о всех предложениях Олега по водородной бомбе. Слушал внимательно, вопросов не задавал, а в конце беседы сказал, что известен другой способ создания водородной бомбы, над которым сегодня и работают наши ученые. Тем не менее он предложил Олегу поддерживать контакт и сообщать ему обо всех идеях, которые у Олега появятся.

Потом он усадил Лаврентьева в отдельной комнате и Олег примерно полчаса заполнял анкету и писал автобиографию, давал подписку о неразглашении тайны. Эту процедура Олегу впоследствии приходилось повторять неоднократно.

Через месяц Лаврентьев написал еще одну работу — по термоядерному синтезу — и через экспедицию ЦК направил ее Сербину. Но отзыва снова не получил, ни положительного, ни отрицательного.

Берия получил работу Лаврентьева по термоядерному управляемому синтезу 2 октября 1950 года, внимательно прочел с красным карандашом в руках, наложил резолюцию и снял телефонную трубку.

— Соедините меня с Махневым...

В.А. Махнев был министром атомной промышленности. Это министерство в то время имело кодовое название «Министерство измерительного приборостроения» и помещалось в Кремле рядом со зданием Совета Министров.

— Василий Алексеевич, — сказал Берия, соединившись с Махневым, — я получил от студента Лаврентьева новое и, похоже, тоже очень интересное предложение по магнитному термоядерному реактору, направлю это предложение Павлову и Александрову. Я хочу познакомиться с этим Лаврентьевым, кстати, и с этим молодым физиком Сахаровым... Нет, в ближайшее время я вряд ли смогу, но ты эту встречу держи под контролем — напоминай мне.

В это время финансовое положение Олега Лаврентьева стремительно ухудшалось и неотвратимо приближалось к краху. В первом семестре он стипендию не получал, а его скудные военные сбережения закончились, мать же, работавшая медсестрой во Владимире, помочь ему практически не могла. А в то время за обучение в университете нужно было платить, и хотя плата была не велика — 400 рублей в год — месячная зарплата уборщицы, тем не менее и этих денег Олег не мог собрать. И декан физического факультета Соколов решил отчислить неплательщика из университета, подав в отдел кадров соответствующие документы.

ПОД ЗАЩИТОЙ БЕРИИ

А 29 декабря 1950 года в кабинет Берии зашел секретарь, забрать подписанные бумаги, и задержался, ожидая, когда Берия закончит писать резолюцию на очередном документе.

— Кстати, товарищ Берия. Из отдела кадров МГУ позвонили по поводу Лаврентьева — они запомнили, что мы им интересовались.

Берия поднял голову и с интересом посмотрел на секретаря.

— У него отца нет, а мать — медсестра. Короче, у него нет денег, чтобы оплатить учебу в университете. Его выгоняют. Он раньше подрабатывал и оплачивал учебу сам, а сейчас, видимо, не получается.

— Та-ак! — Берия стукнул кулаком по столу. — Я чувствовал, что университету имени Ломоносова Ломоносовы не нужны,— и снял телефонную трубку. — Соедините с Махневым, — распорядился он и через полминуты жестко напомнил Махневу. — Я просил познакомить меня с Лаврентьевым и Сахаровым... Я просил напоминать... — Берия посмотрел свое расписание в календаре и согласовал дату, — 6—7 января, часиков на 9—10 вечера.

Затем, обращаясь к секретарю, дал задание.

— Позвоните в отдел кадров МГУ, пусть не спешат с отчислением, мы этот вопрос решим.

А у Олега началась зимняя сессия. После первого экзамена по математике он вернулся в общежитие поздно вечером и неожиданно узнал от соседей по комнате, что его разыскивали и оставили номер телефона, по которому Олег должен позвонить, как только придет. Человек на другом конце провода представился: «Министр измерительного приборостроения Махнев», — и предложил приехать к нему прямо сейчас, хотя время было позднее. Сказал: «Подъезжайте к Спасским воротам». Пораженный Олег не сразу поверил, что его приглашают в Кремль, который в то время был закрыт для доступа посетителей, и переспросил адрес, а министр терпеливо стал объяснять, куда надо ехать.

В бюро пропусков, кроме Олега, был еще один молодой мужчина, который внимательно на него посмотрел, когда Олег, получая пропуск, назвал свою фамилию. Оказалось, что им нужно идти по одному адресу, и когда они пришли в приемную, Махнев вышел из кабинета и познакомил их. Так Андрей Дмитриевич Сахаров впервые увидел человека, изобретение которого самого Сахарова прославит.

На столе у министра Лаврентьев увидел свою вторую, аккуратно отпечатанную работу, а рисунок к ней уже был выполнен тушью. Кто-то прошелся по тексту красным карандашом, подчеркнув отдельные слова и сделав пометки на полях. Махнев спросил, читал ли Сахаров эту рабо-

ту Лаврентьева. Оказалось, что он читал и предыдущую, и эти работы произвели на него сильное впечатление. Особенно важным он считал выбор Олегом умеренной плотности плазмы.

Несколько дней спустя, Олег и Андрей снова встретились в приемной Махнева, и опять поздно вечером. Махнев объявил, что их примет председатель Специального комитета, но придется подождать, так как у него совещание. Ждать пришлось довольно долго, а потом все пошли в здание Совета Министров СССР. Прошли три поста: в вестибюле здания, при выходе из лифта и в середине довольно длинного коридора, — и, наконец, попали в большую сильно накуренную комнату с длинным столом посередине. Форточки были открыты, но помещение еще не проветрилось.

Махнев сразу ушел на доклад, а Лаврентьев с Сахаровым остались на попечении молоденьких капитанов с голубыми погонами, которые начали угощать их лимонадом, но Олег с Андреем стеснялись, и Олег долго потом жалел, что не попробовал, какой лимонад пьют министры.

Минут через тридцать в кабинет был вызван Сахаров, а еще через десять — Лаврентьев. Он открыл дверь и попал в слабо освещенную и пустую комнату. За следующей дверью находился внушительных размеров кабинет с большим письменным столом и приставленным к нему буквой Т столом для совещаний, из-за которого поднялся грузный мужчина в пенсне. Он подошел, подал руку, предложил садиться и первым же вопросом огорошил.

—У вас что, зубы болят? — спросил он и, начав выслушивать, почему у Олега пухлые щеки, махнул Сахарову рукой, — можете идти.

В приемной Сахаров с устремленным вдаль взглядом и счастливым лицом сразу же подошел к столику с лимонадом.

— Нельзя ли стакан лимонада? — сипящим от пересохшего горла голосом, попросил он.

Капитан открыл бутылку и налил полный стакан, Сахаров с тем же взглядом машинально залпом опрокинул его в рот и снова подставил стакан капитану, тот налил, и Сахаров выпил второй стакан несколько медленнее, но снова подставил его капитану.

Капитан, улыбаясь, начал открывать вторую бутылку.

— Понравился лимонад?

— Что? — Андрей непонимающе посмотрел на стакан в своей руке — Да, да, очень понравился. Спасибо! — поставил стакан на столик и, потирая подбородок, отошел к столу заседаний и опустился на стул.

А в это время в своем кабинете Берия, в присутствии Махнева, ставил Лаврентьеву задачу.

— Это не мне, это СССР необходимо, чтобы ты как можно быстрее включился в работу по термоядерным проблемам. Поэтому я и прошу тебя сделать все, чтобы закончить МГУ не за пять, а за четыре года. И, конечно, тебе надо уже сейчас втягиваться в эту работу.

— Я понял, товарищ Берия, я приложу все силы.

— Молодец. Я на это надеюсь. А теперь скажи, Олег, чем я могу тебе помочь?

— Мне ничего не надо... — смутился Лаврентьев.

— Олег! — укоризненно протянул Берия. — Я заместитель главы Советского государства. Я многое могу. Чем тебе помочь?

— Нет, — еще больше смущаясь, ответил Олег. — Я сам. Мне точно ничего не надо.

Берия изучающе посмотрел на Лаврентьева и удивленно покачал головой.

— Хорошо. Тогда до свидания, — попрощался он с Лаврентьевым за руку. — Товарищ Махнев сейчас выйдет и проводит тебя.

После того как дверь за Лаврентьевым закрылась, Берия, глядя в сторону, спросил официальным, бесцветным голосом, не предвещающим ничего хорошего.

— Товарищ Махнев, вы знаете, что по идеям студента Лаврентьева мы разрабатываем водородную бомбу-слойку и, скорее всего, будем строить термоядерный реактор?

— Да, конечно! — с готовностью ответил тот.

— А вы знаете, что студента Лаврентьева исключают из МГУ за неуплату денег за обучение?

— Как?!

— И я хочу знать — как?! — зло прореагировал на этот вопрос Берия. — Если его исключат, то для России это будет позор хуже... хуже... хуже, чем позор Японской войны! Понимаете, Махнев, если Лаврентьев, в отличие от Сахарова, ничего не просит, то это еще не значит, что ему действительно ничего не надо! Идите!!

По коридору Совмина, Махнев, Сахаров и Лаврентьев почти бежали — молодые люди отказались от предложенной машины и спешили, чтобы не опоздать на метро. Вдруг Махнев, вышедший от Берии веселым, но и каким-то озабоченным, остановился, вынул из галифе бумажник и начал отсчитывать купюры, но потом вынул из него все деньги и сунул их в руку Лаврентьеву.

— Вот, возьми!

— Как?! Зачем?! — поразился Олег, машинально взяв купюры.

— Ну, в долг,— не сумел придумать ничего лучшего Махнев.

— Я не смогу отдать столько! — Олег попытался вернуть деньги Махневу.

— Отдашь, не волнуйся, скоро все отдашь, — Махнев засунул руку Лаврентьева с деньгами ему в карман, не обращая внимания на смущение Олега. — Теперь у тебя все будет хорошо, — весело сказал он и похлопал Олега по плечу.

Лаврентьев и Сахаров вышли из Кремля в первом часу ночи и от Спасских ворот пошли пешком в направлении Охотного ряда. Лаврентьев услышал от Сахарова много теплых слов о себе и о своей работе, Сахаров тоже заверил Оле-

га, что все будет хорошо, и предложил работать вместе, на что простодушный Олег, конечно, согласился. Сахаров ему очень понравился, и, как Лаврентьев полагал, и он произвел тогда на Сахарова благоприятное впечатление. Они расстались у входа в метро, возможно, проговорили бы и дольше, но уходил последний поезд.

14 января 1951 года Берия за своим рабочим столом диктовал секретарю ответы на входящее письма. Он взял очередное письмо.

— Откажите в просьбе — пусть укладываются в плановые нормы, и добавьте, чтобы срочно прислали отчет о причине аварии на нефтеперерабатывающем в Уфе.

Передал письмо секретарю, взял следующее и начал диктовать адресатов.

— Ванникову, Курчатову, Завенягину... — затем надиктовал текст, закончившийся словами: *«Учитывая особую секретность разработки нового типа реактора, надо обеспечить тщательный подбор людей и меры надлежащей секретности работ. Кстати сказать, мы не должны забыть студента МГУ Лаврентьева, записки и предложения которого по заявлению т. Сахарова явились толчком для разработки магнитного реактора (записки эти были в Главке у т.т. Павлова и Александрова).*

Я принимал т. Лаврентьева. Судя по всему, он человек весьма способный. Вызовите т. Лаврентьева, выслушайте его и сделайте совместно с т. Кафтановым С.В. все, чтобы помочь т. Лаврентьеву в учебе и, по возможности, участвовать в работе. Срок 5 дней».

Спустя пять дней, 19 января 1951 года Махнев докладывал Берии об исполнении поручения.

— По Лаврентьеву. Ванников, Курчатов, Завенягин и Павлов предлагают следующее, — Махнев начал читать: *«По Вашему поручению сегодня нами был вызван в ПГУ студент 1-го курса Физфака МГУ Лаврентьев О.А. Он рассказал о сво-*

их предложениях и своих пожеланиях. Считаем целесообразным: 1. Установить персональную стипендию — 600 руб. 2. Освободить от платы за обучение в МГУ. 3. Прикрепить для индивидуальных занятий квалифицированных преподавателей МГУ: по физике Телесина Р.В., по математике — Самарского А.А. (оплату производить за счет Главка). 4. Предоставить О.А.Л. для жилья одну комнату площадью 14 кв. м в доме ПГУ по Горьковской набережной 32/34, оборудовать ее мебелью и необходимой научно-технической библиотекой. 5. Выдать О.А.Л. единовременное пособие 3000 руб. за счет ПГУ».

— У него одинокая мать, — задумчиво сказал Берия. — Медсестра. Напишите: предоставить трехкомнатную квартиру,— и пояснил Махневу.— Чтобы он мог вызвать мать.

— Но товарищ Берия! Сейчас же так тяжело с жильем! — запротестовал Махнев.

— Знаете, товарищ Махнев, сейчас, когда с атомным проектом многое стало ясно, в этот проект полезла толпа научной серости, которую раньше в этот проект и на аркане нельзя было затащить. И вот этому научному...быдлу мы не квартиры даем — мы им строим особняки и дачи за государственный счет, хотя это быдло не внесло в атомный проект — да и не внесет! — и сотой доли того, что уже дал Лаврентьев. — Берия помолчал, а потом с некоторой тяжестью в голосе резюмировал. — Товарищ Махнев. У нас сейчас в атомном проекте быстро вьет себе гнездо клан научной серости, а Лаврентьев хотя и выдающийся талант, но он простой русский парень — он безответный. И если мы его не защитим, то эта научная серость, которая из четырех действий в арифметике помнит только, как отнимать и делить, это быдло его обворует, а самого его «сожрет».

Для того чтобы закончить университет за четыре года, Олег должен был «перескочить» с первого курса на третий, для чего у министра высшего образования было получено разрешение на свободное расписание и посещение занятий первого и второго курса одновременно. Кроме того, Лаврен-

тьеву была предоставлена возможность заниматься дополнительно с преподавателями физики, математики и английского языка. От физика ему пришлось вскоре отказаться — физик был слаб, а с математиком, Александром Андреевичем Самарским, у Олега сложились очень хорошие отношения. Ему он считал себя обязанным не только конкретными знаниями в области математической физики, но и умением четко поставить задачу, от чего в значительной степени зависело ее успешное и правильное решение.

С Самарским Олег провел расчеты магнитных сеток термоядерного реактора, были составлены и решены дифференциальные уравнения, позволившие определить величину тока, проходящего через витки сетки, при котором сетка защищалась магнитным полем этого тока от бомбардировки высокоэнергетичными частицами плазмы. Эта работа, законченная в марте 1951 года, дала начало идее электромагнитных ловушек.

Приятной неожиданностью для Лаврентьева был переезд из общежития на Горьковскую набережную, в трехкомнатную квартиру на седьмом этаже нового большого дома. Махнев предложил перевезти в Москву мать, но она отказалась, и вскоре Олег предложил заселить одну из комнат своей квартиры — жилья в то время сильно не хватало.

В начале мая 1951 г. был наконец решен вопрос о допуске Лаврентьева к работам, проводившимся в Институте атомной энергии группой И.Н. Головина. Его экспериментальная программа выглядела довольно скромной, поскольку Олег хотел начать с малого — с сооружения небольшой установки, но рассчитывал в случае быстрого успеха на дальнейшее развитие исследований на более серьезном уровне. Руководство отнеслось к его программе одобрительно, поскольку не требовались значительные средства для ее начала, а Махнев даже называл эту программу «грошовой».

Был Сталин, был Берия, и в СССР было, кому защитить молодых советских Ломоносовых и кулибиных.

Справка: 5 марта 1953 года был отравлен И.В. Сталин, а 26 июня 1953 года был убит Л.П. Берия.

Через полтора месяца после убийства Берии, 12 августа 1953 года по идеям Лаврентьева в СССР испытан первый в мире термоядерный заряд (реальная «сухая» водородная бомба), в котором использован дейтерид лития-6. Среди тех, кто был награжден за создание этой бомбы, ее автора, О.А. Лаврентьева уже не было. Авторство бомбы скромно взял на себя А.Д. Сахаров. Строго говоря, какое-то право на это он имел, поскольку поверх слоя дейтерида лития предложил и слой необогащенного урана. По идее Сахарова, это должно было усилить мощность взрыва. Мощность не усилилась, но от взрыва этой бомбы им. Сахарова территория СССР была загрязнена радиоактивными элементами больше, чем загрязнили ее все предшествовавшие и последующие взрывы вместе взятые.

А авторство идеи использовать дейтерид лития скромно взял на себя В.Л. Гинзбург.

Затем студента Лаврентьева постепенно отстранили от работ в области атомной физики, а после окончания МГУ выселили из Москвы и, по указанию академика Л.А. Арцимовича, направили на работу в Харьков, а академик Арцимович безуспешно пытался реализовать вторую идею Лаврентьева — идею управляемого термоядерного синтеза.

А Лаврентьев всю жизнь проработал в Харькове над своей теорией магнитных ловушек, для проверки которой нужны были деньги, но денег ему не давали — они были нужны Арцимовичам.

И только Будкер Герш Ицкович, физик, академик АН СССР, увидев Лаврентьева как-то на конференции, засовестился и сказал: «Угробили хорошего парня!»

Глава 8

УГРОЗА РАЗОБЛАЧЕНИЯ

ТИМАШУК

Хрущев не мог понять, жалеть ему, что заговор «ленинградцев» провалился, или не жалеть? Ему было и жаль, что он не стал единовластным хозяином Украины, но арест Кузнецова освободил ему ключевую должность в секретариате ЦК, а вместе с нею он получил и престижнейшую должность в Москве. Того, что заговорщики его выдадут, он перестал бояться, поскольку такая глупость с их стороны начисто лишала их надежды на помилование и прощение. Но опасность возникла неожиданно, и Никите просто повезло, что он успел принять меры для ее предотвращения.

В сентябре 1950 года он проходил обычный регулярный для членов ЦК и Правительства медосмотр, и, пошучивая, лежал на кушетке в кардиологическом кабинете кремлевской Поликлиники. Кардиолог Лидия Тимашук и медсестра сняли его кардиограмму, после чего Тимашук разрезала на части вышедшую из аппарата ленту, рассмотрела ее и наклеила в больничное дело Хрущева.

— Снимайте электроды! — дала она команду сестре, но потом неожиданно обратилась к Никите. — Товарищ Хрущев, если у вас есть пара минут времени, не могли бы вы выслушать меня?

Медсестра деликатно вышла, а Хрущев встревожился:

— Что-то не в порядке с моим мотором?

— Нет, окончательно скажет консилиум, но и я могу сказать точно — пока что сердце у вас в норме даже для вашего возраста, — похвалила врач.

Хрущев начал одеваться.

— Тогда что же вы хотели?

Тимашук замялась, но потом все же решилась.

— У меня дело, Никита Сергеевич, политическое.

Хрущев удивился и с небольшой иронией предложил.

— Вот как? Тогда выкладывайте, Лидия... как вас по батюшке-то?

— Федосеевна.

— Выкладывайте, Лидия Федосеевна, что там у вас есть.

Тимашук по-прежнему мялась.

— Не знаю, как начать...

Хрущев уже закончил одеваться и демонстративно посмотрел на часы, чтобы Тимашук не очень надеялась, что он будет бесконечно тратить время на выслушивание ее каких-то, наверняка мелких внутрибольничных дрязг.

— А начните с конца, Лидия Федосеевна. Так быстрее. А если я чего не пойму, тогда начнем с начала.

— Я так понимаю, что скоро будет суд над товарищем Кузнецовым, простите, оговорилась, над Кузнецовым. Так вот, у меня есть доказательства, что этот враг народа скрыл от партии, что товарищ Жданов умер от неправильного лечения.

— Что?! — Никита метнул взгляд на закрытые двери и сел за столик напротив Тимошук. — А ну начинайте с начала.

— С самого начала? — переспросила Тимашук, заметившая жест Хрущева с часами.

— Да, что знаете и как узнали.

Тимашук немного задумалась, вспоминая.

— Товарищ Жданов поправлял здоровье в санатории на Валдае под присмотром своего лечащего врача товарища Майорова. А кардиограммы ему периодически снимала мой врач Карнай, очень хороший кардиолог. Но в середине августа она ушла в отпуск, поэтому на очередное комиссионное обследование товарища Жданова я, как заведующая кардиологическим кабинетом, полетела сама. Я вылете-

ла вместе с начальником Лечсанупра товарищем Егоровым, академиком Виноградовым и профессором Василенко. Это было 28 августа 1948 года— за три дня до смерти товарища Жданова. Я хорошо помню, поскольку сохранила фотокопии всех документов о тех событиях.

При этих словах Хрущев удивленно взглянул на нее и насторожился — если кто-то потратился на изготовление у фотографа фотокопий, то это очень серьезно!

— Мы прилетели рано утром и Егоров сказал, что состояние здоровья товарища Жданова хорошее, что его вчера посетили товарищи из ЦК, привезли передачу, товарищ Жданов был веселым, — продолжила рассказ Тимашук. — Тут еще Василенко забеспокоился — не привезли ли они ему спиртного, но Егоров сказал, что нет, что только компот. Это так, я действительно видела у него на столе банку с остатками компота. Меня послали снять кардиограмму, но когда мы с сестрой подвозили аппарат к комнате товарища Жданова, то он на кого-то сильно кричал по телефону. Мы отошли и немножко подождали, чтобы он успокоился. И где-то около полудня я сняла кардиограмму — у товарища Жданова был инфаркт!

— Так. Значит эта, как ее... Партай неправильно делала кардиограммы?

— Нет, я же говорила, Карнай очень хороший врач. Я просмотрела ЭКГ, снятые Карнай, — до моего приезда у товарища Жданова инфаркта не было!

«Так, — подумал Хрущев, — значит, у Жданова случился инфаркт после того, как он попил компота, привезенного «товарищами из ЦК». Узнать, кто это был? Нет, от этого дела надо держаться подальше!» Он кивнул Тимашук продолжать.

— Так, и что же вы сделали?

— Я доложила консилиуму, что у товарища Жданова инфаркт миокарда в области левого желудочка и межжелудоч-' ной перегородки, а они на меня накричали, что я не умею диагностировать ЭКГ и никакого инфаркта у товарища Жданова нет. Они меня тут же отправили обратно в Москву.

Но на следующий день, то есть 29-го, мы узнали, что у товарища Жданова сердечный припадок, и я тут же вылетела на Валдай. Но Виноградов и Егоров не дали снять кардиограмму в тот день, сказав, что это успеется и завтра, но заставили меня изменить в истории болезни мой диагноз.

— Как это — «заставили»?

— Но товарищ Хрущев! — затараторила Тимашук, оправдываясь. — Ну, кто я, и кто Егоров с Виноградовым! Я простой врач, а профессора Егорова лично товарищ Кузнецов перевел заведовать кремлевской больницей из Ленинграда.

Вы же помните процесс 1938 года правотроцкистского блока? Ведь суд за неправильное лечение Горького, Куйбышева и Менжинского приговорил к расстрелу врачей Левина, Казакова и Плетнева по заключению академика Виноградова. Суд Виноградову поверил, а не им.

— Там и других доказательств было много…

— Все равно, без заключения Виноградова их бы не расстреляли. Так как сравнивать мое слово с его словом?

Но товарищ Хрущев, я ведь не бездействовала! Когда я узнала, что консилиум прописал товарищу Жданову гулять по парку, ходить в кино, я немедленно написала письмо начальнику Егорова — генералу Власику, в котором указывала, что товарищу Жданову нужен постельный режим и терапия инфаркта. Я предупреждала, что такое лечение убьет товарища Жданова. Я тут же, в этот же день передала товарищу Власику это письмо через майора Белова.

— Та-ак! — удивился Хрущев. — Значит, начальник кремлевской охраны генерал-лейтенант Власик знал, что Жданова лечат неправильно?!

— Знал!

— И что же он сделал?

— Для спасения жизни товарища Жданова — ничего. Егоров по-прежнему предписывал товарищу Жданову увеличивать физические нагрузки, вечером у товарища Жданова был еще один приступ, начался отек легких, и 31-го он умер.

— Но я хорошо помню заключение, врачебной комиссии, и в этом заключении ничего об инфаркте не было, там было что-то такое про болезненное изменение сердца.

— Вот именно! Вот поэтому я и обратилась к вам, — обрадовалась Тимашук, что Хрущев хорошо запомнил те события. — В момент смерти товарища Жданова я находилась на Валдае и была очевидцем всего. Умер такой большой человек, один из вождей партии и народа. Тело его должны были немедленно самолетом перевезти в Москву и там, в современной операционной, в присутствии консилиума лучших патологоанатомов сделать вскрытие и установить причину смерти. Так ведь?

Хрущев попытался вспомнить.

— А разве было не так?

— Вот именно! Не тело товарища Жданова перевезли в Москву, а в санаторий прилетел патологоанатом профессор Федоров с помощником, и в темной ванной комнате они произвели вскрытие тела товарища Жданова. Как какого-то бродяги-алкоголика! И при вскрытии присутствовал не консилиум патологоанатомов, а Кузнецов, Вознесенский и Попков.

— Все трое? — уточнил Хрущев, но Тимашук пропустила мимо ушей его вопрос, в желании рассказать главное.

— И Федоров зачем-то описал инфаркт словами, которые не каждый врач поймет: «некротические очажки», «фокусы некроза», «очаги миомаляций» и тому подобное. А это был инфаркт! Но его скрыли и сообщили, как вы правильно сказали, о смерти от якобы постепенного болезненного изменения сердца.

Никита тут же понял, зачем заговорщики изменили диагноз. Ведь Сталин знал, что в СССР есть яды, вызывающие инфаркт, и, узнав, что у Жданова инфаркт, он мог бы потребовать провести анализ тканей тела Жданова на наличие яда.

— Я тогда работал в Киеве и ничего этого не знал… — задумчиво покачал головою Хрущев, — Вернее знал, что По-

литбюро назначило Кузнецова присутствовать на вскрытии тела товарища Жданова, но вот то, что вскрытие происходило в какой-то ванной комнате и что на нем почему-то присутствовали еще и Вознесенский с Попковым, этого я не знал.

«Не сказал Кузнецов об этом, докладывая на Политбюро о результатах вскрытия, не сказал!» — подумал Никита, и уточнил:

— Так получается, что этот Федоров обманул Кузнецова?

-- Нет, Кузнецов все знал.

— Почему вы так уверены? — удивился Хрущев.

— Я написала об этом Кузнецову.

— Как?! И ему тоже? — Хрущев был искренне поражен этим врачом.

— Да. Уже после смерти товарища Жданова товарищ Власик передал мое заявление для рассмотрения Егорову. Я в заявлении жалуюсь на Егорова, а он Егорову и передал на рассмотрение мою жалобу! Это противозаконно! Егоров и Виноградов сняли меня с работы и перевели в районную поликлинику. Тогда 7 сентября я написала жалобу товарищу Кузнецову, в которой указала, что у товарища Жданова был инфаркт. И меня восстановили в Лечсанупре.

— И фотокопия этой жалобы у вас есть? — уточнил Хрущев, уже не сомневаясь в ответе.

— Конечно! У меня есть копии всех трех жалоб Кузнецову.

— Как? Вы писали ему по поводу смерти Жданова три раза? — уже не смог скрыть удивления Никита.

— Да, в сентябре, а потом еще в ноябре и в январе 49-го. Но он мне ни разу не ответил.

— А зачем вы писали?

— Ну, товарищ Хрущев! Я уже двадцать четвертый год работаю в кремлевской больнице. А меня не ценят! Я же поставила точный диагноз товарищу Жданову, а не они. Вон у всех у них грудь в орденах, а мне хотя бы медальку дали!

Хрущев внутренне облегченно вздохнул: Тимашук была тщеславной карьеристкой, а не фанатиком, и это упрощало дело.

— Что-то еще хотите сказать?

— Знаете, товарищ Хрущев, я упоминала процесс 38-го года, так вот, когда он уже шел, то один врач, фамилия его Белоцерковский, прочитал об этом процессе в газетах и дополнительно выступил на суде, показав, что профессор Левин не лечил, а убивал товарища Максима Горького. Об этом его гражданском поступке тогда писали все газеты. Вот я и думаю выступить на суде этих врагов народа и показать, что Кузнецов скрыл причины смерти товарища Жданова.

«Ах ты, сука, ты же из-за своего тщеславия и меня под расстрел подведешь!» — тут же промелькнуло в мозгу у Никиты, но он сдержал себя и «поддержал» Тимашук, зло сощурившись.

— А что? Мысль хорошая. Но дайте я немного подумаю.

«Но какие же идиоты эти ленинградцы!! Ясно, что они отравили Жданова ядом, вызывающим инфаркт. Но что такое инфаркт? Миллионы умирают от инфаркта. Вон Щербаков, тоже член Политбюро, умер от инфаркта — и ничего! Зачем надо было это от Политбюро скрывать? Кто бы догадался искать этот яд в теле Жданова? А теперь десятки людей знают, что Жданов умер от инфаркта, а Кузнецов это скрыл, да еще для этого вскрытие тела Жданова провел чуть ли не тайно. Е… их мать! Слов нет! Пидарасы!

Сокрытие ими причины смерти Жданова — это прямое доказательство того, что причина его смерти преступна, прямое доказательство того, что Жданов отравлен ядом скрытого действия, вызывающим инфаркт! Если из-за этой дуры дело вскроется, то Кузнецов и Вознесенский не устоят и признаются. А значит, потянут и меня за собой. Ах, пидарасы, ну пидарасы!

Так, но нужно что-то делать с этой сукой, а то она, упаси господь, еще заявление кому-нибудь напишет… Так, ладно, сначала кнут, а потом пряник», — наконец нашел Хру-

щев выход из положения. И он обратился к Тимошук, как бы выходя из раздумий.

— Мысль-то хорошая, но вот тут какое дело. Вы знали, что у Жданова инфаркт? Знали! А Егоров с Виноградовым ошиблись, положились на эту Карнай, вы сами говорили, что она врач хороший. Далее. Кузнецов не врач, а, значит, его обманули врачи, которые хотели скрыть ошибку. Почему Кузнецов должен был верить вам, а не профессорам и академикам? Так что остается? Остается одна врач, Тимашук Лидия Федосеевна, которая знала, что у товарища Жданова инфаркт, но не приняла мер для его спасения.

— Я написала заявление, чтобы спасти товарища Жданова! — побледнела Тимашук.

— Лидия Федосеевна, я уже давно не хлопчик, — Хрущев говорил спокойно и равнодушно. — Я много разных заявлений видел, и меня заявлением не удивишь. Вы написали заявление не для того, чтобы спасти товарища Жданова, а для того, чтобы спасти, как на Украине говорят, свою сраку. Если бы вы хотели его спасти, то вы бы пошли к нему, сказали, что у него инфаркт и ему нужно лежать, а уж он, поверьте, заставил бы сделать себе кардиограмму, а не перенес бы ее на завтра. А вы этого ничего не сделали, а написали заявление. Почему? Потому, что если бы у Жданова инфаркта не оказалось, то вы ни при чем, так как вы ничего ему об инфаркте не говорили и усиливать физические нагрузки не мешали. Не мешали ему умереть. А теперь, когда он умер, вы этим заявлением себе сраку-то и. прикрываете. Я правильно вас понял?

Хрущев понял все правильно, так как Тимашук, перепуганно пялясь на него, сползла со стула на колени и запричитала.

— Товарищ Хрущев!! Пожалейте! Дура баба, дура. Не сообразила! Пожалейте, век бога буду за вас молить. Дура я, дура!!

«Да не такая уж ты и дура, раз фотокопии всех заявлений сделала и где-то спрятала», — подумал Хрущев, но ласково предложил.

— Да вы садитесь, Лидия Федосеевна, садитесь. Но это один вопрос, с которым я разберусь и сообщу вам решение, наверное, тогда, когда буду узнавать у вас заключение консилиума по своей ЭКГ.

Второй вопрос. Это вопрос о том, что вы тут давно работаете, а вас не ценят. Над этим вопросом я тоже поработаю, — Хрущев поднялся, довольный произведенным эффектом.— До свидания, Лидия Федосеевна, успокойтесь, не расстраивайтесь... — Никита сделал паузу и с нажимом продолжил, — если будете вести себя правильно, то все будет хорошо.

Вечером того же дня Хрущев и Абакумов вошли в пустой кабинет Абакумова и Хрущев жестом показал плотно прикрыть дверь, после чего подошел к окну. Абакумов продолжал еще в коридоре начатый разговор:

— Так что ленинградское дело полностью подготовлено и может быть рассмотрено судом хоть завтра... — Но удивленно замолчал, остановленный новым жестом Хрущева.

— Сегодня разговаривал с женщиной, которая в свое время написала много заявлений, зовут Тимашук.

— И чего же она хочет? — напрягся и жестко спросил Абакумов.

— Хочет еще одно заявление сделать.

— Это лишнее. Ленинградское дело затянется и примет очень нежелательный оборот, — заметил Абакумов.

— В том-то и дело.

— Видимо нужно срочно что-то сделать.

— Не дури, — остановил Хрущев, правильно поняв это «что-то», — не будь таким дураком, как ленинградцы. У нее копии заявлений неизвестно где, а у тебя, небось, оригиналы. Если с ней что-то случится, то эти копии попадут туда, — показал пальцем вверх,— а оригиналы у тебя найдут. При наличии этих копий и свидетелей оригиналы не уничтожишь. Что будет, понимаешь?

— С нами?

— С тобой — это уж точно! ...Ну, и у меня забот прибавится, отрицать не буду.

— Так что же делать?

— Ее заявления в адрес Кузнецова можно уничтожить — о них никто, кроме нее, не знает. А вот первое заявление уничтожать бесполезно — о нем знают десятки человек. Сейчас я ее запугал, но на сколько этого хватит — не знаю. Поведение бабы предсказать трудно, а это еще и хитрая, или думает, что хитрая, а это еще хуже.

В общем, так. Чтобы завтра же из Лечсанупра в Президиум Верховного Совета поступило представление ее к ордену.

— За что?

— Ну, она в Лечсанупре уже 24-й год работает.

— Не круглая дата, внимание обратят.

— А вы к ордену Ленина не представляйте, — раздраженно ответил Хрущев, — утешим бабу орденом «Знак Почета». Завтра же!

Еще через два дня из своего кабинета Хрущев по телефону соединился с Тимашук.

— Ну что там, Лидия Федосеевна, сказал консилиум по моей кардиограмме? ... Очень хорошо. Кстати, по первому вопросу я все проверил, никаких ваших дополнительных действий не требуется, — подчеркнул голосом. — Никаких! А по второму вопросу хочу вас обрадовать — принято решение о награждении вас орденом «Знак Почета»... Не стоит благодарности. Запомните, Лидия Федосеевна, партия ценит не болтунов, а преданные партии кадры, — слова «болтунов» и «преданные кадры» Хрущев снова выделил голосом.

НИКАКОЙ ПОЩАДЫ!

Вечером 30 сентября 1950 года проходило заседание Политбюро, которое Маленков специально назначил на позднее время из-за необходимости принять оперативное решение по важному делу. Но пока вопрос, ради которого, собственно, и было созвано совещание, еще не подоспел, члены Политбюро решали текущие вопросы. За столом для засе-

даний в торце стола сидел Сталин, возле него Маленков и Молотов, далее остальные: Берия, Микоян, Хрущев, Каганович, Андреев и Шверник. Маленков зачитывал Политбюро вопросы, требующие решения.

— Следующий вопрос: о выделении помощи английскому писателю Джеймсу Олдриджу. Это прогрессивный писатель, очень хорошо о нас пишет и отзывается, сочувствует коммунистам. За это его печатают в Англии мало, и ему надо помочь деньгами...

В это время в комнату вошел секретарь и положил перед Маленковым лист бумаги, забрал документы, по которым уже было принято решение, и ушел. Маленков, пробежав глазами принесенный секретарем документ, сообщил.

— Вот срочный вопрос, для решения которого мы и собрались так поздно. Вы в курсе, что в Ленинграде идет судебный процесс по делу антипартийной группы Кузнецова, Вознесенского и других. Специальное присутствие Верховного Суда пришло к мнению, что Кузнецов, Вознесенский, Родионов , Попков и Капустин заслуживают высшей меры наказания, но приговор пока не выносят и просят им сообщить, не считает ли политическое руководство страны необходимым снизить наказание, поскольку оно исключительное.

Мы это дело за, считайте, полтора года уже изучили вдоль и поперек, и, думаю, знаем его подробности лучше суда. Какие будут мнения?

Возникла пауза, никто не брался в таком вопросе высказать свое мнение первым. Наконец начал Берия.

— Я, наверное, хуже всех знаком с этим делом, поскольку часто отсутствовал в Москве, но по предвоенному опыту реабилитации жертв ежовского произвола, скажу, что бывали случаи романтических, что ли, дураков. Вот сказал Троцкий, что Россию нужно сжечь, чтобы разгорелся пожар мировой революции, и дуракам это очень нравилось. Очень хотелось им сжечь СССР во имя победы коммунизма во всем мире. А на сталинский ЦК, не соглашавшийся смотреть на советских людей, как на вязанку хвороста, они

смотрели, как на предателей в коммунистическом движении. Конечно, оттого, что это не алчный враг, а глупый дурак, нам было не легче, но все же... Может, эти негодяи и в самом деле искренне были уверены, что коммунистам России без своей компартии не обойтись? Стоит ли применять к ним крайнюю меру?

Хрущев встал.

— Мне лучше стоя. Этот Кузнецов придумал умные слова: Хрущев мне друг, но истина дороже, — хотя он мне и никакой не друг. А Лаврентий мне друг, и я скажу, что Берия мне друг, но истина дороже!

— Эти слова придумал не Кузнецов, их Аристотель сказал о своем друге Платоне, — поправил Хрущева Молотов.

— Это какой Аристотель? Лазарь Рувимович? — удивленно спросил Никита.

Сталин, спрятав в усах улыбку, сделал Молотову замечание:

— Не перебивай! — И кивнул Хрущеву: — Продолжайте товарищ Хрущев, товарищ Молотов потом вам расскажет, в какой парторганизации состоит товарищ Аристотель.

Хрущев простодушно улыбнулся.

— Я опять что-то не то сказал? Ну ладно, зато вот эти слова уж точно сказал Вознесенский: лимит исчерпан! Как к нему в Госплан не обратишься, а он: лимит исчерпан! И я тоже скажу: у партии лимит терпения исчерпан!

Разве они хотели разорвать Советский Союз, чтобы людям жилось хорошо и свободнее? Нет! Они его хотели разорвать, чтобы свои карманы набить, чтобы советских людей обокрасть. А товарищ Сталин и сталинский ЦК не дают им это делать.

Лаврентий мог этого и не читать, а Кузнецов показал на следствии и такой случай, вы, наверное, его помните.

Есть такой Зальцман, директором танкового завода был, дарит он секретарям ЦК подарки. Товарищу Сталину дарит сделанную умельцами завода бронзовую чернильницу, наверное, товарищ Сталин ее в музей отдал, а Кузнецову дарит саблю в золоте и бриллиантах. Откуда на танковом за-

воде золото и бриллианты? Значит, украл! В войну наши женщины, вдовы обручальные кольца добровольно сдавали в фонд победы, а этот украл! А Кузнецов эту саблю принял, как юный буденновец. Он что — не понимал, что золото и бриллианты краденые? Понимал, но саблю взял. Вот тут он весь. И если мы таких начнем щадить, то что с нашей партией будет? Я скажу: каков поп, таков и приход!

Расстрелять и никакой пощады!

Других мнений у членов Политбюро не было, но Сталин жестом попросил внимания.

— Товарищ Берия затронул важную мысль о восторженных дураках. Нам не следует сообщать об истинной подоплеке заговора этих негодяев, чтобы не плодить национальных дураков и потом их не наказывать. Для их же блага, так сказать, идею создания российской компартии нужно замолчать.

СТРАННОСТИ АБАКУМОВА

В начале июля 1951 года Маленков был чертовски занят, а его помощник Суханов привел в кабинет пришедшего к Маленкову на прием какого-то подполковника госбезопасности Рюмина с дурацкими обвинениями министру МГБ Абакумову. Рассерженный отвлечением от срочных дел, Маленков заорал на Рюмина.

— Да ты понимаешь, кого обвиняешь?! Да ты не только партбилета лишишься, ты в лагерях сгниешь!

— Товарищ Маленков, я все же считаю, что его нужно выслушать, — не обратил внимания на гнев шефа Суханов.

— Говори! — недовольно разрешил Маленков.

Рюмин начал взволнованно и фанатично:

— Да, товарищ Маленков, я считаю, что Абакумов создал преступную организацию еврейских террористов и эти террористы действуют при его пособничестве...

Маленков злобно хлопнул ладонью по столу.

— Ну, хоть один факт у тебя есть?!

— Ну, выслушайте меня... — взмолился Рюмин.

— Говори! Но только факты, а не этот антисемитский бред!

— Я вел следствие по делу врача-еврея, профессора Этингера. Он был арестован за антисоветскую пропаганду — ну, вместе с сыном болтали про товарища Сталина...

— Да знаем мы об этом, Абакумов прислал в ЦК протоколы допросов,— недовольно скривился Маленков.

— Так вот, этот Этингер вдруг берет и признается на допросе, что неправильным лечением убил товарища Щербакова за то, что тот был антисемитом.

Маленков опешил.

— Ты этого Этингера что — бил?

Рюмин, стуча себя в грудь, поклялся:

— Да я его пальцем не тронул, грубого слова не сказал. Я про Щербакова вообще ничего не знал — не знал даже, что его Этингер лечил. Я просто так сказал, что они, евреи, только болтать горазды, а он на меня вдруг окрысился — мы вас, антисемитов, под корень изведем, ну и вот это про Щербакова вывалил. Я тут же позвал полковника Леонова — это начальник следственной части, а тот Абакумова, и мы втроем еще раз допросили Этингера, и тот все подтвердил.

— А как он Щербакова убил?

— Щербаков лежал в больнице под Москвой и там у него случился инфаркт, и этот Этингер инфаркт определил, но ничего Щербакову не сказал — не сказал, что нужно лежать и не шевелиться. А вместо этого посоветовал 9 мая — это же был 45-й год, только Победу объявили — съездить в Москву на празднество, дескать, лучше себя почувствуете. Ну, Щербаков поехал и умер.

— Та-а-к... — протянул Маленков и посмотрел на Суханова. — Почему мы об этом не знаем?

— Я проверил еще раз, — спокойно подтвердил Суханов. — В протоколах допросов, присланных из МГБ по делу Этингера, об этом его признании ничего нет.

— В этом-то и дело! — горячо продолжил Рюмин. — Абакумов объявил нас, следователей, неграмотными, поэтому наши протоколы допросов перед отсылкой в ЦК переписывает еврей, полковник Броверман, как он говорит, «литературно правит». И вы получаете и знаете не то, что было на допросах, а то, что Абакумов с Броверманом считают нужным вам сообщить.

Так и это же еще не все. Абакумов запретил мне допрашивать этого Этингера про убийство Щербакова. И это не все. Этот Этингер сидел у нас на Лубянке, и вот я хочу вызвать его на допрос, а мне из внутренней тюрьмы сообщают, что Этингер переведен в Лефортово. Я — следователь, кто без меня перевел?! Отвечают — по приказу Абакумова. Делать нечего, я оформляю все эти бумажки, чтобы допросить Этингера в Лефортово, еду туда, а там сообщают — Этингер ночью умер от инфаркта. Как?! Я же его накануне видел, он ни на что не жаловался!

Товарищ Маленков, это факт или нет?!

Маленков задумчиво постукивал карандашом по столу, вспоминая еще свежие в памяти события прошедшей войны.

В партийной иерархии после членов Политбюро и секретарей ЦК наиболее важными считались не должности первых секретарей республиканских компартий, а должности первого секретаря Московского горкома и обкома. В 1938 г. на эту должность был избран очень молодой (37 лет) А.С. Щербаков. Во время войны Сталин его нагрузил работой, как мало кого грузил. Щербаков руководил не только Москвой, но и Московской областью, был заместителем Сталина в Наркомате обороны, политическим комиссаром всей Красной Армии и руководителем органов военной пропаганды.

Щербаков не снискал любви «советской интеллигенции» вот по каким причинам. С началом войны лучшие представители всех национальностей СССР отказывались от «брони», т.е. от освобождения от призыва, и шли на фронт. Их должности немедленно заполняли еврейские расисты, у ко-

торых есть свойство: обосновавшись где-либо, они немедленно начинают тащить к себе соотечественников, давя и увольняя всех остальных. Сложилось положение, которое «интернационализмом» уже никак нельзя было назвать даже условно. Маленкову вспомнились строки из справки Управления агитации и пропаганды от 1942 г., касающиеся положения в московской филармонии:

«...Всеми делами вершит делец, не имеющий никакого отношения к музыке, беспартийный Локшин — еврей, и группа его приближенных администраторов-евреев: Гинзбург, Векслер, Арканов и др. ...В результате из штата филармонии были отчислены почти все русские: лауреаты международных конкурсов — Брюшков, Козолупова, Емельянова; талантливые исполнители и вокалисты — Сахаров, Королев, Выспрева, Ярославцев, Ельчанинова и др. В штате же филармонии остались почти все евреи: Фихтенгольц, Лиза Гилельс, Гольдштейн, Флиер, Эмиль Гилельс, Тамаркина, Зак, М. Гринберг, Ямпольский и др.».

Такое положение было везде — в науке, образовании, кино, журналистике. Если в центральной прессе «интернационализм» еще так-сяк поддерживался за счет принятия евреями русских псевдонимов, то, скажем, в малоизвестной англоязычной «Moscow News» редакция состояла из 1 русского, 1 армянина и 23 евреев. Терпеть этот разгул еврейского расизма было немыслимо, это было бы оскорблением всех остальных народов СССР. И в то время борьбу с еврейским расизмом возглавил А.С. Щербаков. Действительно, вспомнил Маленков, к концу войны Щербаков начал жаловаться на боли в сердце, его положили в больницу, но 9 мая лечащие врачи вдруг отменили ему постельный режим, он поехал в Москву смотреть салют и на следующий день после Победы — 10 мая 1945 г. — умер. Любить его еврейским расистам было не за что, следовательно, у них и был мотив убить Щербакова.

Маленков вернул мысли к разговору с Рюминым и спросил его:

— Есть еще что-нибудь?

— Вы про организацию молодых евреев «СДР» какое сообщение от Абакумова получили?

Маленков вопросительно посмотрел на Суханова.

— Что это группа малолетних бездельников-антисоветчиков, и только, — напомнил помощник.

— Ага! А то, что эти студенты-евреи оружие запасали, чтобы убить товарища Маленкова, вы не знаете?

Маленков искренне удивился.

— Меня? Почему меня?

. — А они вас считают главным антисемитом.

Маленков недоуменно покачал головой.

— Что еще?

— У Абакумова штук сто любовниц, и все еврейки.

— Ты что -- им свечку держал? — разозлился Маленков.

— Ну, так все говорят, — смутился Рюмин.

— Все говорят! — Маленков хмуро передразнил Рюмина.— Факты нужны, а не сплетни! — кивнул Суханову.— Дайте ему бумагу и пусть все подробно напишет... Про любовниц — не надо!

НАЧАЛО КАРЬЕРЫ РЮМИНА

4 июля 1951 года Маленков обсудил сообщение Рюмина на очередном заседании Политбюро.

— А вот срочный и очень тревожный вопрос об Абакумове, — сказал он, дойдя в повестке дня до Абакумова. — Вы ознакомлены с заявлением товарища Рюмина...

— Это что же получается — Абакумов как-то убил Этингера, чтобы не дать тому рассказать об убийстве Щербакова? — с сомнением уточнил Молотов.

— Что-то не верится в еврейский заговор. Мы помогли провозглашению Израиля, мы помогаем ему сейчас... Почему евреи? Тому же Израилю нет смысла как-то вредить нам, — поддержал сомнения Молотова Сталин.

Но сам Молотов тут же оспорил довод вождя:

— Сионисты стремятся вызвать недовольство евреев в любой стране, а на базе этого недовольства их объединить, и этим создать во всех странах свои «пятые колонны». Они работают с перспективой — сегодня мы им нужны, а завтра их «пятая колонна» сунет нам нож в спину.

— Товарищ Сталин, — усилил доводы Маленков. — Вот само МГБ в сообщении от 4 июля 1950 года докладывает: *«По имеющимся в МГБ СССР данным, в результате нарушения большевистского принципа подбора кадров в клинике лечебного питания Академии медицинских наук СССР создалась обстановка семейственности и групповщины. По этой причине из 43 должностей руководящих и научных работников клиники 36 занимают лица еврейской национальности, на излечение в клинику попадают, главным образом, евреи. Заместитель директора института питания БЕЛКОВ А.С. по этому вопросу заявил: «Поближе ознакомившись с аппаратом клиники, я увидел, что 75—80 % научных работников составляют лица еврейской национальности. В клинике при заполнении истории болезни исключались графы «национальность» и «партийность». Я предложил заместителю директора клиники БЕЛИКОВУ включить эти графы, так как они нужны для статистики. Они были включены, но через пять дней Певзнером снова были аннулированы.*

По существующему положению в клинику лечебного питания больные должны поступать по путевкам Министерства здравоохранения СССР и некоторых поликлиник Москвы, а также по тематике института лечебного питания Академии медицинских наук СССР. В действительности в клинику поступают в большинстве своем лица еврейской национальности по тематике института питания, то есть с разрешения директора института Певзнера и заведующего приемным покоем Бременера. Старшая медицинская сестра клиники ГЛАДКЕВИЧ Е.А., ведающая регистрацией больных, заявила: «Характерно отметить, что большинство лечащихся в клинике больных — это евреи. Как пра-

вило, они помещаются на лечение с документами за подписью Певзнера, Гордона или Бременера»».

Что же получается? Советский народ построил эту клинику для всех, а пользуются ею одни евреи?

— Это еще что! Это, хотя и подлежит беспощадному искоренению, но может считаться пустяком, — взял слово Лазарь Моисеевич Каганович, которому ни еврейское происхождение, ни темперамент не давали отмолчаться по этому вопросу. — А вспомните, как в 1948-м в «Правде» выступил Илья Эренбург со статьей о патриотизме. Он абсолютно правильно писал, что если бы не Советское государство, то никакого еврейского государства не было бы и в помине, объяснял, что государство Израиль не имеет никакого отношения к евреям Советского Союза. У нас нет еврейского вопроса и в еврейском государстве нужды нет. Он высказал позицию партии и Советского государства по этому вопросу — Израиль необходим для евреев капиталистических стран, где процветает антисемитизм. Правильно сказал, что у нас, у единого советского народа, не существует такого понятия — «еврейский народ». Это смешно, так же, как если бы кто-нибудь заявил, что люди с рыжими волосами или с определенной формой носа должны считаться одним народом. Правильно он написал? Правильно!

И чем же ответила эта контра — эти еврейские националисты? Всего через несколько дней был какой-то там еврейский праздник и они у синагоги провели демонстрацию, и какую! Я потом узнавал, обычно по праздникам в синагогу приходило примерно сто-двести человек, а тогда эти американские прихвостни, чтобы приветствовать посла Израиля Голду Меир, собрали пятидесятитысячную толпу. Это как же понять?! Они плюнули в лицо остальным народам СССР, заявив этой демонстрацией, что эти народы — всего лишь три года назад отдавшие миллионы сыновей и за их, евреев, жизнь, — теперь им не братья! Они, видишь ли, евреи, сами по себе, их родина — Израиль.

Эти 50 тысяч евреев — это ведь не только московские евреи, они съехались со всего СССР, была даже делегация из Новокузнецка, а ведь в 1948 г. поездки по стране еще были проблемой, даже по железной дороге. И, тем не менее, как видите, по чьему-то указанию десятки тысяч евреев получили отпуск или фиктивный больничный лист, кто-то помог им купить билеты, организовал их размещение в Москве.

Правильно мы разогнали за это пресловутый Еврейский антифашистский комитет, но только ли он один занимался этой подрывной работой?

И если эта гнида еврейского национализма завелась в Министерстве государственной безопасности, то это страшно — это значит, что у нас теперь нет МГБ, что это не МГБ СССР, а МГБ этих националистов, или Америки, или Израиля. Товарищ Сталин! Евреев нельзя недооценивать. Если их оставлять без присмотра, они в такой кагал объединяться, что не всякая партия с ними сравнится!

Эх, жаль, Лев Захарович Мехлис заболел! Вот кому надо было бы поручить разогнать эти жидовские кагалы.

Ясно одно: Абакумова, этого, как его, Фраермана, что ли, и прочих надо арестовывать и вытряхивать из них правду. Так дело не пойдет! Еврейские заговоры — это те же контрреволюционные антибольшевистские заговоры, и они нам тоже не нужны!

— А кто будет вытряхивать? Может, там уже у всего МГБ «рыльце в пушку», — засомневался Молотов.

— А вот этот, кто заявление написал, подполковник этот, пусть и вытряхивает. Он уже пошел против Абакумова и его евреев, вот пусть и копает дальше, — быстро нашел решение вопроса Каганович.

Берия вспомнил «ежовщину» и с сомнением покачал головой.

— Такие энтузиасты могут такого накопать...

— Ничего, — успокоил его Хрущев, — Политбюро следить будет, если чего, мы раскопаем обратно.

НОВЫЙ МИНИСТР МГБ

После снятия с должности министра госбезопасности Абакумова его обязанности исполнял первый заместитель министра Огольцов. Сталин пока не определился с тем, кого назначить на должность министра постоянно, и Хрущев вызвал к себе Огольцова для непростого разговора.

— Мы с вами знакомы, если не ошибаюсь, с 1947 года? — приветливо спросил Хрущев.

— Да, Никита Сергеевич, я представлялся вам в Киеве… при определенных обстоятельствах.

— Вот именно эти обстоятельства меня и беспокоят. Сейчас, когда после ареста Абакумова вы остались исполнять его обязанности министра госбезопасности, что вы можете сказать о следователе Рюмине?

—Да как вам сказать... — замялся Огольцов.

— А так прямо и скажите — честно, по-партийному.

— Он, как бы это сказать, оперативник, может быть, и неплохой, но опыта для такой должности у него нет, и к тому же, мне кажется, он излишне усердствует в направлении евреев.

— А может, это и хорошо? Жидов погонять — это всегда полезно. А то ведь совсем страх потеряли, опять в кагалы собираются и не Советскую власть, а Израиль славят, неблагодарные сволочи. И если Рюмин надавит на них, а не... — Хрущев сделал паузу и подчеркнул голосом, — не на *другие обстоятельства,* то от этого всем будет польза. Всем.

Огольцов мысленно выругался и по его спине от страха побежали мурашки: «Черт! Он же что-то знает про мое участие в отравлениях, про передачу мною яда Кузнецову! Это же провал, это — расстрел!»

— Я и не думал мешать товарищу Рюмину, — ответил он Хрущеву, не в состоянии скрыть дрожание в голосе.

— Это хорошо, — Хрущев понял, что Огольцов понимает его, — но мало. По долгу службы, не только Рюмину, но

вам надо будет и лично допрашивать Абакумова, а ему может быть обидно, что он сидит, а вы на свободе, и Абакумов может оклеветать честных людей, может вместо того, чтобы все честно рассказать про еврейский заговор, рассказывать про какие-нибудь иные обстоятельства. Мы с таким в 1937 году частенько сталкивались — люди много о чем начинают рассказывать от обиды.

И Огольцов понял Хрущева и мысленно обрадовался: «Так ты, оказывается, не только все знаешь, но и хочешь это скрыть!»

— Да, такое вполне может быть, — он быстро подтвердил это здравое опасение.

— Вот я и думаю, товарищ Огольцов, что партия не может вам вполне доверять, в связи с тем, что вы много работали с Кузнецовым и Абакумовым. Я думаю, что вам лучше поработать, — Хрущев опять подчеркнул голосом, — *некоторое время* где-нибудь подальше от Москвы, а на ваше место партия поставит какого-нибудь партийного работника, пусть пока и неопытного, но которому мы с вами могли бы доверять. А потом, когда Рюмин разберется с ленинградцами, с Абакумовым и евреями, партия не забудет ваш опыт и вернет вас в Москву.

Оценив это хрущевское «мы с вами», Огольцов понял его: «Так вот что ты хочешь! Ты хочешь разорвать связь между арестованными и ядами, ты не хочешь раскрытия дела ленинградской группы до конца, ты не хочешь, чтобы и Абакумов выболтал что-либо о ядах. Ты хочешь меня сохранить, значит и тебе нужны или будут нужны яды. Так, понятно. А что мне остается делать? Мне остается ввериться тебе».

— Я всегда верил и верю в партию и буду верно служить ей, — и тут и Огольцов сделал паузу и подчеркнул голосом, — *и вам* на любом посту.

— Я надеюсь на это, — с простецкой доброжелательной улыбкой ответил Хрущев, — и повторяю, как только во всем разберусь, то приму меры к возвращению вас в Москву. Ваш

опыт нужен партии здесь. Ваше место в Москве... и во всеоружии. Вы меня поняли?

«Как же тебя не понять! Тебе нужен под рукой человек, имеющий доступ к ядам!» — мигом промелькнуло в голове Огольцова, и он, выдержав паузу, подтвердил.

— Понял, Никита Сергеевич, понял все точно и вы не пожалеете, доверяя мне.

Несколькими днями позже Хрущев пришел на прием к Сталину.

— Товарищ Сталин, я считаю неправильным ставить в МГБ Огольцова вместо Абакумова. Огольцов хотя и был замом Абакумова по общим вопросам и следственных дел не касался, но он с ним давно работал, кроме того, во время войны служил в Ленинграде и тесно был связан с Кузнецовым. Лучше его куда-нибудь переместить, а министром МГБ поставить не связанного с МГБ партийного работника, которому можно было бы верить. Опыта он наберется, а вера сейчас для нас главнее.

— А персонально есть кандидатура?

— Да, это Игнатьев: трудолюбив, был секретарем обкома и вторым секретарем ЦК Белоруссии, сейчас завотдела партийных органов.

У Сталина не было никаких кандидатур на место министра МГБ, которым бы он мог доверять, поэтому предложение Хрущева, берущего на себя ответственность за свое предложение, Сталина даже обрадовало.

— Припоминаю его... Ну, что же, подготовьте этот вопрос к очередному заседанию Политбюро.

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН

На заседании Политбюро 25 октября 1951 года вопросы повестки дня дошли до вопроса Берии, по которому он выступил сам.

— Товарищи, — начал Берия, — теперь, после успешного взрыва 18 октября советской атомной бомбы с ура-

ном-235, у нас есть и плутониевая, и урановая бомбы, кроме того, наработка запасов плутония и урана идет в очень хорошем темпе. Поэтому я прошу Политбюро утвердить список участников решения этой проблемы, представленных к награждению Сталинской премией, к званию Героя Соцтруда и к орденам.

Берия начал читать списки тех, кого ожидало присуждение Сталинской премии за создание промышленности по разделению изотопов. По Горьковскому машиностроительному заводу список возглавил директор завода А.С. Елян, в списке был главный конструктор А.И. Савин и еще семь человек. По конкурентам горьковчан — Ленинградскому Кировскому заводу, — список возглавил главный конструктор Н.М. Синев, и в этом списке было еще семь человек. К Сталинской премии представлялись девять проектировщиков, а по заводу Д-1 список возглавили А.И. Чурин, М.П. Родионов, М.В. Якутович, Н.В. Алявдин и еще девять человек. Представлялся к премии А.М. Петросьянц и еще два работника ПГУ, а также двенадцать ученых во главе с И.К. Кикоиным и С.Д. Соболевым. К Сталинским премиям представлялись также строители, монтажники и некоторые предприятия-поставщики.

За особые заслуги по научному руководству диффузионной проблемой, Берия предлагал присвоить звание Героя Социалистического Труда Кикоину и Соболеву. Большая группа руководящего и инженерного состава, а также работников завода Д-1, предприятий-поставщиков специальных материалов и оборудования, строителей, монтажников была награждена орденами и медалями СССР. Список кавалеров открывали награжденные орденом Ленина слесари В.Ш. Ахмадеев, И.Б. Бамбуров, П.Л. Лисицин, аппаратчики А.Е. Грошев, и И.И. Куликов, а дальше следовали кавалеры других орденов.

Среди всех руководителей СССР Берия отличался тем, что никогда не забывал наградить отличившихся подчиненных, в связи с чем толковые работники всегда стремились работать с ним.

— Никого не забыли? — спросил Сталин.

— Как будто бы нет, — ответил Берия.

— Забыли! — вдруг вмешался Микоян. — Опять забыли самого товарища Берию. Непорядок получается: Ванников, даже если и не вспоминать ему его прошлое, подчиненный товарища Берии, уже дважды Герой Соцтруда, а Лаврентий Павлович как получил в войну Звезду, так она у него одна до сих пор. Пора уже давать ему и вторую.

— Нет, товарищи, увольте, я не больше Герой, чем остальные члены Политбюро, тем более что некоторые из нас, товарищ Хрущев, например, и одной Звезды Героя не имеют, — запротестовал Берия.

— Но мы звания Героев не за членство в Политбюро присваиваем, — поправил Берию Сталин.

— Все равно, у меня и так наград — девать некуда, уже И груди не хватает. Орденов Ленина только шесть. Товарищи, давайте закроем вопрос о моем награждении, — упрямился Берия.

— Если мы отмечаем заслуги одних и не отмечаем такие же, и даже большие заслуги других, — заметил Сталин, — то это несправедливо...

Затем, помолчав, Сталин продолжил.

— Наверное, не все до конца понимают, с какими трудностями пришлось столкнуться товарищу Берии. Вы знаете, что мы огромные силы вкладываем в науку и научные кадры. Возьмем только послевоенное время Мы государство рабочих и крестьян, а чьи зарплаты за это время выросли быстрее всех? — неожиданно спросил Сталин, и сам ответил. — Зарплата ректора института выросла с 2,5 тыс. до 8 тысяч рублей, профессора, доктора наук с 2 тысяч до 5 тысяч рублей, доцента, кандидата наук с 10-летним стажем с 1200 до 3200 рублей. Теперь соотношение зарплаты доцента, кандидата наук и квалифицированного рабочего составляет примерно 4 к 1, а профессора, доктора наук 7 к 1.

В коня ли этот корм? Есть ли отдача?

Если мы имеем дело с настоящими учеными, то отдача, конечно, есть.

Вот, скажем, в 1949 году у нас заработала первая советская электронная вычислительная машина МЭСМ, в США ее называют компьютером. Это первый компьютер в Европе и второй в мире. Да, первый компьютер был создан в США в 1946 году, но в мире около 200 стран, а из них на сегодня только два способны создавать компьютеры — СССР и США. Этим научным достижением можно гордиться? Можно!

Но в целом уровень науки у нас понизился. По сути дела, у нас сейчас не делается серьезных открытий. Еще до войны что-то делалось, был стимул — страх перед надвигающейся войной. А сейчас у нас ученые нередко говорят: дайте образец из-за границы, мы разберем, а потом сами построим. По количеству имевшихся и до войны ученых-химиков, мы еще тогда должны были иметь у себя немецкий концерн «И. Г. Фарбениндустри» в кубе. А нет его даже сегодня.

В науке новаторами являются единицы. Такими были Павлов, Тимирязев, Менделеев. Есть такие ученые и сейчас, но очень мало. А остальные — целое море служителей науки, людей консервативных, книжных, рутинеров, которые достигли известного положения и не хотят больше себя беспокоить. Они уперлись в книги, в старые теории, думают, что все знают и с подозрением относятся ко всему новому, но, что особо страшно, они душат молодежь с ее революционными научными идеями.

Что, меньше пытливости ума у нас, у русских? Нет.

Дело в организации. Товарищ Берия поднял организацию в деле создания атомного оружия на такой уровень, что в науке даже рутинеры заработали. Товарищ Берия двинул вперед молодежь — тех ученых, которых раньше затирали, того же Курчатова, и мы создали атомные бомбы практически в такие же по годам сроки, как и американцы, хотя мы понесли огромные потери в войне, а они на этой войне только нажились.

Вот так надо работать, и за такую работу награда полагается.

Сталин задумался.

— А что, если мы введем в стране еще одно звание? Ведь у нас звание Героя Советского Союза дается за мужество, а звание Героя Социалистического Труда — за труд. А давайте введем звание, которое совместит оба эти звания. Скажем, введем звание «Почетный гражданин Советского Союза». Как, — товарищ Берия будет возражать против звания «Почетного гражданина»?

— Товарищ Сталин, — взмолился Берия, — но давайте сделаем это звание просто званием — без знаков, денег, привилегий и прочего. Только звание — и все.

— Ну что, товарищи, уважим эту просьбу первого Почетного гражданина СССР?

Справка. Звание «Почетный гражданин СССР» в последующем оказалось невостребованным, и Л.П. БЕРИЯ в истории является единственным Почетным гражданином СССР

Глава 9

УСТРАНЕНИЕ ПАРТИИ ОТ ВЛАСТИ

СТАЛИНСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА

К заседанию Политбюро, прошедшему в июне 1952 года, Сталин готовился очень долго.

До сих пор ни он лично, ни его постоянные призывы к ученым и объяснения им, что «без теории нам смерть!», ситуацию не улучшили — теории строительства Коммунизма как не было, так и не появилось. Он был уже очень не молод, но хотел при жизни увидеть если не начало Коммунизма, то хотя бы такое государство, в котором Коммунизм возможен. Успехи в строительстве материальной базы Коммунизма были огромны и вызывали в капиталистических странах и зависть и ужас. Теперь оставалось реорганизовать партию так, чтобы власть в СССР полностью перешла в руки всего народа — в руки Советов.

Он сказал вступительное слово и начал объяснять план реорганизации партии.

— ...Мы увеличим количество секретарей Центрального Комитета в перестроенной партии с нынешних 4—5 до, скажем, 10 человек. И не надо должности генерального секретаря. Почему не надо? Потому, что партия это коллектив, и ум партии должен быть коллективным, надо прекращать практику единоличного вождизма. Почему нам надо прекращать эту практику? То, что, может, и было хорошо во времена смертельной опасности для всей страны и для коммунизма, не годится в период, когда надо искать пути дальнейшего движения вперед. А искать эти пути уже сей-

час жизненно необходимо потому, что без теории строительства коммунизма нам смерть. У нас была теория того, как взять власть, у нас был марксизм-ленинизм, но теории как строить коммунизм, у нас нет до сих пор. А когда в партии или стране единоличный вождь, никто не хочет думать самостоятельно— все смотрят на вождя: что им вождь скажет? Самим нужно думать над вопросами строительства коммунизма, самим! Чтобы не вождь, вернее, не только вожди партии, но и каждый коммунист над этим думал, чтобы ночей не спал.

Далее. Нам нужно упразднить самих себя — нам нужно упразднить Политбюро. Ведь, по закону, по Конституции страны, в Советском Союзе высшей властью является Верховный Совет, а по существу, всю полноту государственной власти имеем мы. Правильно ли это? Да, было правильно! Потомубыло правильно, что в стране были троцкисты, была «пятая колонна», была война с фашизмом, по сути, со всей Европой, был тяжелейший период восстановления народного хозяйства. Тогда было не до формальностей демократии, тогда требовалось единое руководство и именно наше руководство — партии большевиков. Почему так было правильно? Потому, что сама история, сама наша победа над всей фашистской Европой это показала.

Но теперь нам нужно провести перестройку и отдать всю полноту власти всему народу Советского Союза, передать власть Верховному Совету СССР.

Далее. Если не будет Политбюро, то нужно реорганизовать и текущее управление самой партией. Сейчас она управляется: Политбюро, секретарями ЦК и оргбюро. Оргбюро упраздним и создадим Президиум партии, и этот Президиум будет управлять только самой партией...

— Товарищ Сталин, — не выдержал Хрущев. — простите, что перебиваю, но я не понял — это что же, мы лишаем партию большевиков власти в Советском Союзе?! Как это можно? Ведь без Политбюро мы никого и ничего не заставим делать.

— А почему партия, даже партия коммунистов, должна кого-то заставлять? Коммунисты должны убеждать! Разве на фронте коммунисты кого-то заставляли идти в бой? Заставляли идти в бой, если это требовалось, командиры — представители советской власти, а коммунисты первыми поднимались в атаку и этим убеждали подняться в атаку и беспартийных. Так должно быть и в мирной жизни. Мы оставляем в ведении партией всю пропаганду в стране, оставляем отбор кандидатов в депутаты Верховного Совета. Разве это не власть?

— Товарищ Сталин, — настаивал Хрущев, — но практика показывает, если у нас не будет Политбюро, то мы не сможем приказывать, а если мы не сможем приказывать, то как же мы будем выполнять решения партии?

— Вы хотите сказать товарищ Хрущев, что вы такой коммунист, который без палки не может никого убедить выполнить решение партии? — резко спросил Сталин. — Что у нас секретарь ЦК и вождь коммунистов Москвы и Московской области, товарищ Хрущев, держиморда? — Сталин смягчился и сменил тон.— Пойми, Никита Сергеевич, мы коммунисты, а коммунизм это коммуна, это такой строй, когда все общее, и в первую очередь, общая власть. Невозможно строить коммунизм дальше, если власть принадлежит только части общества — только партии, тем более, что у нас все больше и больше секретарей парторганизаций под партией начали понимать только себя, а под коммунизмом — коммунизм в собственной квартире.

Бюрократизм и канцелярщина аппаратов управления партией, а при сегодняшнем положении, когда партия управляет страной, то, значит, бюрократизм и канцелярщина управления всей страной, отсутствие ответственности — вот где источники наших трудностей, вот где гнездятся теперь наши трудности. Да, сегодняшняя номенклатура партии это люди с известными заслугами в прошлом, но люди, ставшие теперь вельможами, люди, которые считают, что пар-

тийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Для дураков там — внизу!

Мало у нас в партийном руководстве беспокойных, зато уже есть такие люди: если им хорошо, то они думают, что и всем хорошо. И эти, с позволения сказать, коммунисты, стремятся сделать хорошо только себе, а остальным — как получиться.

Если мы действительно коммунисты, а не каста, захватившая власть для собственной выгоды, то, чтобы двигаться к коммунизму, мы обязаны предать государственную власть всему народу. Ты что, Никита Сергеевич, так и не понял, что мы, приняв в 1936 году Конституцию, еще тогда хотели передать всю власть Советам? Ведь мы еще тогда предполагали на выборах во все Советы выдвигать на одно место по несколько кандидатов? Тогда это сделать не дал Гитлер и троцкисты, но сейчас нам это сделать ничего не мешает. — Сталин задумался. — Как бы тебе это объяснить и в принципе, и чтобы было понятно.

Любую позицию, конечно, можно пересмотреть, но надо объяснить людям, почему это сделано, исходя из каких новых явлений. И мы объясняли людям, какие внешние и внутренние условия в нашей стране, идущей к Коммунизму, требовали, сосредотачивать власть не в руках «коммуны», а в руках немногих—в руках партии. Мы объясняли, почему недовнедрили Конституцию в жизнь.

Но в теории необходима ортодоксальность как верность принципам. А там, где речь идет о принципах, надо быть неуступчивым и требовательным до последней степени. Пойми, этот принцип — то, что мы строим Коммунизм, — это наша идея, это то, во имя чего мы живем. Главное в жизни — идея. Когда нет идеи, то нет цели движения; когда нет цели — неизвестно, вокруг чего следует сконцентрировать волю. Лиши нас идеи, и как движущая сила, как концентратор воли людей, мы, коммунисты, умрем. Мы станем паразитами на шее народа.

— Да, товарищ Сталин, теперь понял, — ответил Хрущев, широко и искренне улыбаясь. — Я же человек простой, до меня такие теоретические тонкости не сразу доходят

Сталин отвернулся, и взгляд Хрущева немедленно стал злобным, а в голове его промелькнуло: «Да ты, Хозяин, или дурак, или враг! Мы тебя на вершину вознесли, ты нашим потом и кровью в своих руках всю власть собрал, а нас и последней власти хочешь лишить?!» Злобный взгляд Хрущева на Сталина с удивлением отметил сидящий напротив Берия, но не успел его оценить, поскольку началось обсуждение.

— Я не понял, — вступил в спор Молотов. — То, что ты, Коба, сказал, я понял, я не понял, чем провинилась партия как таковая? Не бюрократия партии, тут ты во многом справедлив, а рядовые коммунисты? Половина довоенного состава партии погибла на фронтах, а мы возьмем и объявим, что они теперь никто — рядовые пропагандистского фронта.

— А почему бы и не быть рядовым, чем это позорно? — спросил Берия. — Тем более, что партию никто не бросает на произвол судьбы и у нее будут все необходимые средства для пропагандистской борьбы — все средства массовой пропаганды. Кроме того, партия будет встроена в систему советской власти. Простите за сравнение, но оно в данном случае правомерно, будет встроена, как православная церковь была встроена в Российскую империю.

— Ну и чем православная церковь кончила? — вмешался Ворошилов. — Попы, вместо того, чтобы нести в народ слово божье, занялись стяжательством, в результате в ходе революции и Гражданской войны для нас, большевиков, эсэры или меньшевики были страшнее, нежели попы — те вообще никакого влияния на народ не оказывали — народ в своей массе мигом стал атеистами.

— Ну, если наша партия станет, как попы православной церкви, то, значит туда нам и дорога — на свалку истории! Но так в этом и заключается наша задача — задача ЦК, —

перестроить работу партии так, чтобы она постоянно сохраняла власть в умах людей, — горячился Берия.

— Это пустые слова, — вмешался Маленков. — Попробуй оказать влияние на людей, если будет объявлено, что партия уходит от власти. Кто поймет то, что только что сказал товарищ Сталин? Один из тысячи, даже среди коммунистов. А остальные привыкли верить — они не думают. Как только мы будем дискредитированы лишением нас власти, то говори, не говори — толку не будет. Нас просто слушать никто не будет — будут слушать любых болтунов, которые будут немедленно обещать народу какие-нибудь блага. И именно им будут верить. Что, ты не знаешь, как западная пропаганда оболванивает народ?

— Я хочу снова вернуться к началу разговора и сказать о вещах, которые товарищ Сталин не затронул в своем выступлении, — уже спокойно начал Берия. — Пока у нас в стране партийные комитеты всех уровней сохраняют государственную власть, у нас, по сути, самая худшая ситуация с точки зрения управления. Это двоевластие, при котором не найдешь виноватых в упущениях — это узаконенная безответственность управленцев и начальников.

Да, раньше, до войны, когда нас, коммунистов, не признавали или признавали через силу, тогда плохое управление страной нашей партией привело бы к потере нами власти, а потеря власти — к смерти всего партийного аппарата нашей партии. Да, тогда этот страх смерти стимулировал партаппарат вникать во все дела на вверенном тебе участке работы — это стимулировало его учится делу. Да и то, как мы знаем, даже тогда эта угроза была стимулом далеко не для всех, а массу партийных бюрократов надо было и подгонять, и с работы гнать. Но после войны и эта угроза исчезла навсегда — мир нас вынужден принять на равных со всеми основаниях, мы учредители и постоянные члены ООН, коммунистом быть уже безопасно. Так зачем нынешним молодым партаппаратчикам учиться, зачем им лишняя работа? Они останутся дураками.

И другая сторона этого вопроса. Ведь некомпетентность может быть не только следствием отсутствия стимулов, но и следствием врожденных лени и тупости. На производстве, в живом деле такие люди работать не смогут, но чтобы контролировать работу других так, как это требуется от партийного аппарата, компетентность и не требуется. Следовательно, мы уйдем и работа в партаппарате станет вожделенной мечтой ленивого дурака с честолюбивыми мечтами.

Поймите, если мы не примем меры, то пройдет одно поколение, и во всем Советском Союзе некомпетентные люди, дураки, будут руководить знающими людьми.

Мы обязаны провести разделение ответственности: государственная власть — у Советов, а подбор кадров и пропаганда — у партии. Мы обязаны это сделать и для спасения Коммунизма, и для спасения СССР.

— Да хватит нас убеждать в пользе молока, — раздраженно сказал Молотов. — Речь не об этом. Если мы объявим, что уходим от государственной власти, то партия потеряет авторитет и способность вести ту самую пропаганду, за которую ты ратуешь. А как быть коммунистическим партиям за рубежом? Чтобы начать движение к коммунизму, нужно взять власть, а как им ее брать в своих странах, если мы от власти откажемся? Им и будут говорить — вон большевики пропагандой занимаются, вот и вы занимайтесь, и к власти не лезьте!

— Хочу сказать по поводу пропаганды на фронте, — вновь вступил в спор Хрущев. — Я, пожалуй, из всех членов Политбюро больше всех накомиссарил и никто меня не упрекнет, что я комиссарил с фронтового тыла. Так вот, скажу я вам, пропаганда она особенно хороша, когда у тебя есть власть приказать расстрелять труса перед строем. Такая пропаганда остальных трусов убеждает лучше, чем все тома Карла Маркса!

Берия пропустил слова Хрущёва мимо ушей, и продолжил спор с Молотовым.

— А надо ли нам, чтобы все страны строили коммунизм и брали власть только по нашему образу и подобию? —

перефразировал он слова из Библии. — Так ли уж, и всем ли нужны революции и кровь гражданских войн? Может коммунистам за рубежом нужно сначала пропагандой взять власть в умах людей, а потом прийти к власти на выборах? А для успеха их пропаганды, как раз и нужно, чтобы наша партия была сильна именно в этом — в пропаганде, а уровень жизни советского народа был примером для народов других стран.

— Ну, это уж прямой мелкобуржуазный лепет! — возмутился Каганович.

— Социал-демократчина! — подтвердил Микоян.

— Подождите, товарищи, — вмешался Сталин, — мы путаем вместе два вопроса и поэтому превращаем обсуждение в свалку. Вопросы надо разделить. Первый вопрос — надо ли передать власть Советам? Второй — как это сделать? Какое мнение по первому вопросу?

— Какое тут может быть мнение? — вопросом на вопрос ответил Каганович. — Если мы коммунисты, то передать власть народу обязаны.

Остальные согласно молчали, и Сталин вопросительно посмотрел на Хрущева.

— Я тоже «за», товарищ Сталин, — ответил Хрущев.

— Тогда второй вопрос, — не спеша, начал Сталин. — У нас нет необходимости кричать об этой передаче власти на всех перекрестках.

Начнем с того, что мы фактически уже не управляем страной с помощью Политбюро. Начиная с 1941 года, Политбюро рассматривает только вопросы назначения на государственные и партийные должности и вопросы пропаганды. И нам осталось и работу всей партии повернуть в это русло. Дело это не такое, чтобы мы обязательно с ним спешили, его нужно проводить неукоснительно, но не спеша. Товарищи правы — нам нельзя ни оскорблять партию, ни подрывать доверие к ней. Нужно дать ей время осознать и освоить новые исторические задачи.

Мы изменим устав партии, открыто обсудим его проект, а затем соберем съезд партии и примем новый устав. Не вижу необходимости и даже считаю вредным сосредотачивать внимание коммунистов и народа на том, что партия передает всю полноту власти Советам и народу. Иначе получиться так, что Советы и народ ее до этих пор не имели. Проведем перестройку так, как будто это к Советской власти прямого отношения не имеет, а является сугубо нашим, партийным делом, а это, собственно, так и есть.

— Правильно, согласился Молотов, — есть дела, которые не терпят шума. Проведем перестройку тихо.

— И не спеша, — добавил Хрущев.

Это компромиссное предложение Сталина разрядило обстановку, и было видно, что оно всех устраивает.

— Я против! — решительно заявил Берия. — Такое дело нельзя делать тайно, в этом случае умолчание равносильно обману. Это недостойно!

— Почему? — удивился Сталин.

— Создается впечатление, что мы в нем не уверены и молчим, чтобы в случае чего все вернуть назад. Это недостойно.

— Тебя что волнует — абстрактное достоинство, или авторитет партии? — уже рассерженно спросил Сталин.

— И то, и то! Поэтому и против!

— Хорошо, — холодно закончил обсуждение Сталин, — тогда голосуем. Кто «за»?

Кроме Берии, все подняли руки.

— Предложение принято, — подытожил Сталин, — а товарищ Берия подчинится дисциплине.

НОВЫЙ ПОВОРОТ В РАССЛЕДОВАНИИ

Конец лета и осень 1952 года оказались для Сталина и Берии чрезвычайно загруженными. Берия был занят идущей полным ходом разработкой ядерного* оружия, увеличением добычи нефти и угля.

Созданием атомной бомбы, наработкой плутония и оружейного урана было положено начало в создании ядерного щита СССР, теперь требовалось развивать успех.

Увеличение производства плутония и урана-235 требовало резкого увеличения добычи и переработки урановых руд, требовало изготовления блоков из урана для ядерных реакторов, требовало развития радиохимии, получения в больших количествах гексафторида урана для диффузионных заводов, развития машино- и приборостроения. Начальник Первого главного управления Спецкомитета Б.Л.Ванников перестал справляться со все возрастающим объемом работ, и Берия его разгрузил: в конце 1949 г. в ПГУ была проведена реорганизация: из состава ПГУ были выделены Горно-металлургическое управление и часть других подразделений, а на их базе организовано Второе главное управление (ВГУ) Спецкомитета при Совете Министров СССР. В состав ВГУ кроме основного комбината по добыче урана №. 6 (Таджикистан) было передано из ПГУ еще 7 предприятий, включая строительную организацию и завод № 48 («Молния»). Дело создания ядерного оружия росло, как на дрожжах.

Само собой, на комбинате № 817 (Челябинск-40) совершенствовалась работа первого советского промышленного реактора, и строились новые ядерные реакторы. Уже 15 июля 1950 года был пущен более совершенный уран-графитовый реактор АВ-1, а в 1951 году введены реакторы АВ-2 (6 апреля), АИ (22 декабря) и реактор ОК-180 (17 ноября). И там же в 1952 г. вводится в строй реактор АВ-3 (24 мая). Кроме плутониевого производства в Челябинске-40, в марте 1949 г. для расширения производства делящихся материалов правительство принимает решение о строительстве Сибирского химического комбината (№ 816, город Томск-7), а потом были построены уран-графитовые реакторы для наработки плутония и в Красноярске-26.

Ту атомную дубинку, которой США пугали весь мир, Берия уверенно ломал через колено. Мечтаете нанести по

СССР удар двумя сотнями атомных бомб? Мечтайте! В ответ получите такое же количество таких же бомб!

А Сталин же, кроме текущего управления страной, обдумывал и разрабатывал новый устав партии, оценивал те замечания, которые поступали к проекту этого устава от коммунистов, обдумывал персональный состав руководящих органов партии, скрупулезно вникал в числа отчетного доклада съезду. Кроме того, этой же осенью Советский Союз проводил Конгресс народов мира, а это тоже требовало больших затрат времени. И, еще, в Москву приехал Мао-Цзэдун, жил у Сталина на втором, гостевом, этаже Ближней дачи и Сталин вел с ним переговоры по заключению союзного договора с великим соседом.

На какой-либо тщательный контроль по делу Абакумова не было времени, и хотя протоколы допросов в Политбюро приходили, но всю борьбу с еврейским заговором возглавил Хрущев. Под его руководством были осуждены члены бывшего Еврейского антифашистского комитета за шпионаж, были еще некоторые разоблачения, но дело Абакумова не продвинулось ни на шаг.

А на это дело смотрели всерьез. Ведь МГБ — это достаточно хорошо вооруженная организация, кроме того, защищенная законами и документами. Кто не подчинится человеку, предъявившему удостоверение сотрудника МГБ? И если уж сотрудники МГБ занялись террором, то это было страшно. Поэтому вскрыть заговор в МГБ требовалось как можно быстрее, однако Абакумов глупо выкручивался на допросах, но о причинах своего проеврейского поведения молчал, а, главное, молчал, почему он замял расследование убийства Щербакова. Арестованные вместе с ним евреи, работники МГБ и прокуратуры, признавались во многих мелких проступках, в обычном для определенной части евреев расизме, но еврейский заговор с целью терроризма отрицали решительно.

Политбюро распорядилось бить Абакумова, и для МГБ это оказалось определенной проблемой, поскольку не было

ни специалистов этого дела, ни палок. Палки нашли, работникам за битье Абакумова пообещали отпуска, премии и внеочередные звания, но толку не было — Абакумов не признавался, хотя били его почти год и пытки прекратили врачи, предупредив, что Абакумов умрет.

В середине сентября поздно вечером после очередного совещания правительства Сталин задержал Берию в кабинете.

— Ты читаешь протоколы допросов по еврейскому заговору в МГБ?

— К сожалению, товарищ Сталин, я их скорее просматриваю, вникать не успеваю.

— Черт его знает, — пожал плечами Сталин, — складывается такое впечатление, что еврейского заговора нет, но тогда непонятно, почему так отчаянно лжет Абакумов, почему он скрывал убийство Щербакова, почему потакал преступникам-евреям, что его с ними связывает?

Принесли чай, Сталин и Берия, оба уставшие от длинного рабочего дня, долго задумчиво молчали.

— Уже понятно, что Рюмин перемудрил с этим еврейским заговором, а мы продолжаем смотреть на дело его глазами... — не спеша продолжил тему Сталин.— Может, в этом деле все на виду и очень просто? Что-нибудь вроде французского «шерше ля фам»?

— Знаете, товарищ Сталин, вообще-то нееврею заниматься расследованием преступлений евреев страшновато. Пусть этот еврей даже и негодяй-преступник, а тебе все равно приклеят кличку «антисемит». А этой кличке придано значение какого-то пещерного человека, какого-то дегенерата. Не каждый способен плюнуть на мнение этой визжащей толпы, считающей себя цветом человечества...

— Но Абакумов — министр, генерал-полковник, ему ли обращать внимание на это стадо, состоящее из каких-то актеришек, бездарных: поэтов и писателей?

Оба опять задумались.

— Постойте! — вдруг осенило Берию. — А, может, вы и правы насчет «шерше ля фам» — насчет того, что нужно искать женщину, но только не женщину, а много женщин!

— Что ты имеешь в виду? — заинтересовался Сталин.

— Ведь Рюмин составил список любовниц Абакумова, и в этом списке в основном еврейки. А если Абакумов боялся, что если его объявят антисемитом, то перестанут пускать в общество, в котором он развлекается? А если дело еще хуже — если ему подсунули несовершеннолетнюю, да еще и повернули дело так, что он ее изнасиловал или якобы изнасиловал? А если он был под этим шантажом? Между прочим, таким способом вербуем агентов даже мы, а уж у капиталистических разведок это стандартный прием. Как ему, генерал-полковнику, теперь признаться в этом позорнейшем преступлении? Ведь оно позорно даже в среде уголовников — в лагерях из насильников делают педерастов, хотя мы с этим и боремся.

— Может быть, может быть,— задумчиво проговорил Сталин, — но убийство Щербакова почему скрывал, да еще так неуклюже — на глазах Рюмина? Это шантажом раскрыть изнасилование не объяснишь...

— А может, он боялся аналогий? Может, он боялся, если вскроется убийство Щербакова, то оно потянет за собой и расследование смерти Жданова?

— До этого Рюмин додумался — он проверил обстоятельства смерти Жданова — там, похоже, все чисто.

— Да, я помню, — подтвердил, Берия, — он проверял... Но я не помню, назначал ли он медицинскую экспертизу?

Конечно, Рюмин, в желании раскрыть как можно более страшное преступление, занялся и проверкой обстоятельств смерти Жданова. Но немедленно охладел к этому делу, как только выяснил, что среди лечащих врачей Жданова не было евреев. Игнатьев и Хрущев, у которых сначала задрожали колени, когда следователи МГБ начали вызывать на допрос этих врачей, успокоились, видя этот антиев-

рейский уклон следствия под руководством Рюмина, более того, Игнатьев ненавязчиво этот уклон поощрял, согласовывая Рюмину арест все новых и новых евреев, перегружая этой, ни к чему не приводящей работой следственный аппарат МГБ. «Хорошо» вела себя и Тимашук, ее вызывали в МГБ 24 июля и 11 августа 1952 года, но она ни слова не сказала ни о сокрытии врачами инфаркта у Жданова, ни о своем письме Власику.

Услышав от Берии о медицинской экспертизе, Сталин засомневался:

— Возможна ли она, через четыре года после смерти человека?

— А пусть эксперты просмотрят медицинские документы Жданова, может, что-нибудь подозрительное и вскроется.

— Ну что же — это не сложно. Завтра же дам распоряжение министру здравоохранения назначить для этой экспертизы комиссию из лучших специалистов. — И, поднявшись с некоторым трудом со стула, Сталин подытожил: — Ладно, на сегодня хватит, давай-ка разъезжаться по домам.

Через несколько недель, экспертная комиссия под председательством главного терапевта Минздрава СССР профессора П.Е. Лукомского рассмотрела все имевшиеся документы по лечению Жданова и пришла к выводу, что врачи его «залечили» — при наличии у Жданова инфаркта его лечили такими методами, которые должны были привести к смерти. После этого дело закрутилось осмысленнее: 18 октября был арестован начальник Лечсанупра (начальник врачей, лечащих правительство) Егоров, вместе с ним лечащий врач Жданова Майоров, а 4 ноября — и академик Виноградов. Припертые выводами комиссии Лукомского, они вынуждены были признаться, что не определили у Жданова инфаркт, лечили его неправильно, а заключение патологоанатома подделано, чтобы скрыть неправильность лечения. (Какое-то время врачи молчали о диагнозе Тимашук, по-

скольку начальник правительственной охраны генерал-лейтенант Власик изъял из Лечсанупра все документы по рассмотрению ее письма и связанным с этим отстранением Тимашук от работы в Кремлевской больнице).

Теперь Сталин окончательно уверился, что замминистра МГБ Рюмин со своим антиеврейским энтузиазмом потратил год на расследование того, что имело маловажное значение, и этим фактически саботировал расследование террора против членов Правительства СССР. Хрущев тоже, чтобы сберечь Игнатьева; всю вину возложил на Рюмина и предложил его снять, а для помощи еще «слабому Игнатьеву», вернуть из Узбекистана в Москву Огольцова. Никита еще не думал об убийстве Сталина, еще не собирался это делать, но животный инстинкт ему подсказывал, что уже нужно быть к этому готовым. Верящий «простодушному Хрущеву», Сталин согласился с ним: 14 ноября 1952 года был снят с должности и вообще уволен из МГБ полковник Рюмин, а через неделю, 20 ноября генерал-лейтенант Огольцов вновь занял свою прежнюю должность первого заместителя министра государственной безопасности СССР. Хрущев не умел играть в шахматы, но хитрость позволяла ему расставлять фигуры так, что любой гроссмейстер позавидовал бы.

И, надо сказать, Хрущев готовил новое преступление, уверив себя в правоте своего дела — он «спасал не себя», он «спасал ленинскую партию».

ПАРИ

Желание Сталина передать всю полноту власти в СССР Советам было как гром с ясного неба для всех партийных чиновников. Они не представляли, чем будут заниматься и кому будут нужны. Им предстояло стать идеологами строительства Коммунизма и образцами для подражания— какими-то учеными-монахами, а они к этому совершенно не были готовы. Идеи, какого человека на какую должность оп-

ределить, у них были, идеи, кого отругать за невыполнение плана — тоже, но откуда у них было взяться идеям строительства Коммунизма? Что, им, как Сталин, по 500 страниц в день читать? Сейчас им никакая идеология не была страшна: скажут помощнику или какому-нибудь профессору и он им что-нибудь умное из Маркса, или Ленина, или Сталина в доклад напишет, поскольку им-то самим недосуг — они государством руководят. Но, если у них заберут руководство государством и им останется только идеология, то писать-то надо будет самому, а что писать? Ни помощнику, ни профессору написать за себя уже не поручишь, поскольку, если идеи будут помощника, то и идеологом будет помощник, а не ты. Партийным чиновникам стало предельно ясно то, что было ясно и без этого, — они только числились идеологическими работниками, совершенно ничего не умея в этой области.

Все партийные чиновники сознавали, что после реорганизации партии они станут никому не нужны, поскольку их опыт «государственных деятелей» в партии уже будет никому не нужен. Чем им заниматься? Перейти на хозяйственную работу? Но они не были и хозяйственниками — они были надсмотрщиками при хозяйственниках, а это большая разница. По большому счету, им оставалось, как Остапу Бендеру, «записаться в управдомы».

Главное же было то, что они и свое недовольство не могли выразить, поскольку Сталин был абсолютно прав — если они коммунисты, то обязаны передать власть всему народу, а если они этого не хотят, то они не коммунисты и, соответственно, им в партии нечего делать.

Однако у Хрущева был хитрый статус «сельского дядьки», который может позволить себе спросить глупость. И Хрущев начал использовать свой имидж для зондирования почвы среди высших партийных чиновников. Оставаясь один на один, Никита находил случай по-простецки и наивно спросить:

— Да как же это теперь будет? Ленин создавал партию, привел ее к власти, а мы теперь своими руками угробим дело Ленина?!

Хрущев не ожидал на свой вопрос ответа, поскольку понимал, что собеседник может бояться провокации, но по тому, как собеседник, вместо возмущения, с видом недоумения разводил руками, давая понять, что и он так думает, Никита понимал, что это его единомышленник. Что и этот чиновник боится за свое будущее — за свою партийную кормушку, но делает вид, что переживает за «дело Ленина». Мало-помалу Хрущев выяснил, что у Сталина практически нет единомышленников. Никита, помня непримиримость Берии к утаиванию отхода партии от власти, не стал с ним на эту тему говорить, да Молотов как-то странно покосился на Хрущева, когда тот попытался его прощупать. А подавляющее число остальных было единомышленниками Хрущева, «переживавшими за сохранение у власти Ленинской партии большевиков». Даже часть государственных чиновников, которые получили свои должности с помощью партийных органов, были недовольны отходом партии от власти в страхе, что их «съедят» более способные конкуренты-хозяйственники. А хитрый Микоян позволил себе намек, что если бы Сталин неожиданно умер, то это позволило бы сохранить существующее положение, хотя уже в более откровенном разговоре согласился, что покушения на вождя народ не простит.

Так, в неспособности ничего противопоставить Сталину, партийная машина катилась к XIX съезду ВКП(б), который проходил с 5 по 14 октября 1952 года.

Сознавал ли Сталин, что он практически одинок? Если сознавал, то поступил, как садист, поскольку всю реорганизацию партии на съезде озвучили те, кому она была органически ненавистна, а Сталин выступил всего лишь с небольшой заключительной речью, и только. Даже отчетный доклад Центрального Комитета партии не он читал, а ведь

ему было о чем сказать советскому народу, было о чем похвастаться миру.

К примеру, тот же Микоян в своем выступлении сначала напомнил, что в декабре 1947 года в СССР были отменены карточки, чего та же Великобритания, гораздо меньше пострадавшая в войне, и на начало 50-х годов не могла добиться. После 1947 года каждый год снижались цены на товары массового спроса, и к 1952 году результат этого снижения был таким: в СССР в 1952 году хлеб стоил 39% от цен конца 1947 года, молоко — 72%, мясо — 42%, сахар — 49%, сливочное масло — 37%. За эти же пять лет в США цены на хлеб выросли на 28%, в Англии — на 90%, во Франции — более чем вдвое. Цены на мясо в США увеличились на 26%, в Англии — на 35%, во Франции — на 88%. Похожая картина была и по другим сопоставимым продуктам питания. Между прочим, Микоян доложил и о том, что в СССР только по одному товару производство находится на уровне несколько меньшем, чем до войны. Это была водка.

Все выступавшие, естественно, говорили о достижениях плановой советской экономики и о достижениях правительства Сталина, благо было о чем говорить. Скажем, украинский драматург А. Корнейчук делился с делегатами такими своими впечатлениями: *«В Киеве недавно гостил крупный итальянский ученый. Когда он увидел великолепное здание с ажурной мачтой телецентра, он сказал: «Италия до сих пор не имеет телецентра. Правда, нашему народу не до телевидения»*. Да, Италии было не до телевидения, а СССР развивал экономику, ее передовые технику и технологию с невиданными и недостижимыми для остального мира темпами. Все это сидящим на съезде партийным чиновникам слушать было приятно, поскольку они сознавали свою причастность к этому.

Слушать изменения устава им было менее приятно, хотя Хрущев, которому поручили сделать доклад по этому вопросу, постарался, как и решило Политбюро, не акцентировать

на этих изменениях внимания. Для большинства членов партии, рассматривавших Устав, новый текст не представлял ничего интересного или особенного, поскольку речь шла о каких-то естественных (увеличение количественного состава руководящих органов в связи с резким ростом рядов партии), либо, на первый взгляд, косметических изменениях (новых названиях партии и ее руководящих органов). Вряд ли кто-то заметил главные особенности нового устава.

Примерно через месяц после XIX съезда ВКП(б) из Европы на родину, чтобы успеть к Рождеству, возвращался крупный работник Центрального разведывательного управления США Аллен Даллес. В Германии он проверял подготовку разведки США к организации мятежа немцев в Советской зоне оккупации, и теперь решил заехать в Лондон, чтобы встретиться с премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем. В годы Второй мировой войны Даллес отвечал за операции американской разведки в Европе, поэтому и так был хорошо знаком с Черчиллем, кроме того, он входил в команду генерала Дуайта Эйзенхауэра, который 4 ноября 1952 года одержал оглушительную победу на президентских выборах в США, и с 20 января 1953 года должен был официально вступить в должность, а Аллен Даллес должен был стать директором ЦРУ

Поздно вечером они уединились с Черчиллем в его кабинете: Даллес потягивал виски с содовой, а Черчилль дымил сигарой и отхлебывал бренди.

Когда переговорили об американских и европейских делах, Даллес спросил:

— Сэр, как вы оцениваете те успехи большевиков, которые они объявили на своем съезде? Сколько в них реального, а сколько пропагандистской лжи?

— Думаю, там есть некоторые рекламные преувеличения, но в целом дело обстоит именно так, как они и хвастаются. К сожалению, дядюшка Джо — (так называли Сталина во время войны Черчилль и Рузвельт) — ведет Россию впе-

ред недостижимыми для нас темпами, — Черчилль помолчал. — Обидно, мы тут в Англии до сих пор даже треску все еще распределяем по карточкам, а они так рванули вперед. Боюсь, Ален, но и водородную бомбу они создадут раньше нас, так что наши надежды на атомную дубинку оказались иллюзорными. Но у меня вызвало интерес не это… — Черчилль затянулся сигарным дымом.

— Кадровые изменения в большевистском руководстве?

— Нет, это следствие. Меня поразило то, что Сталин увел свою партию от власти в России…

Даллес поперхнулся глотком и долго откашливался.

— О чем это вы, сэр??

Черчилль улыбнулся.

— Вы что — не читали их новый Устав?

— Сэр, я же не профессор политологии из университета, чтобы читать подобные вещи!

— Напрасно. Вам нужно сделать выговор аналитикам ЦРУ за то, что они не обратили на этот устав ваше внимание, — Черчилль достал из ящика стола папку с аналитической запиской. — Придется это сделать мне. Вот смотрите, с 1939 года устав большевиков утверждал, — Черчилль процитировал, — *«ЦК ВКП(б) организует для политической работы Политическое бюро, для общего руководства организационной работой — Организационное бюро, для текущей работы организационно-исполнительного характера — Секретариат, для проверки исполнения решений партии и ЦК ВКП(б) — Комиссию партийного контроля»*. Вдумайтесь: организовывало работу большевистской партии Оргбюро под руководством секретарей, а Политбюро руководило всей Россией. Всем Советским Союзом, но мне удобнее называть его Россией. Политбюро — это инструмент, которым большевики руководили государством.

— А разве теперь иначе? — удивился Даллес.

— В том-то и дело! — Черчилль процитировал перевод на английский язык соответствующего места из док-

лада Хрущева. — «В *проекте измененного Устава предлагается преобразовать Политбюро в Президиум Центрального Комитета партии, организуемый для руководства работой ЦК между пленумами. Такое преобразование целесообразно потому, что наименование «Президиум» более соответствует тем функциям, которые фактически исполняются Политбюро в настоящее время. Текущую организационную работу Центрального Комитета, как показала практика, целесообразно сосредоточить в одном органе — Секретариате, в связи с чем в дальнейшем Оргбюро ЦК не иметь*». Теперь как видите, секретари понижаются в статусе до бывшего Оргбюро и сами организовывают работу партии, а руководит ими Президиум, который теперь предназначен только для руководства партией, а не политической работы, как это было раньше. Причем этот Президиум сам стал парламентом — в нем теперь не 10 человек, как было в Политбюро, а 36. А Политбюро они, как видите, ликвидировали и большевистской партии теперь нечем руководить государством — она всю власть передала своим Советам.

Знаете, Аллен, я всем обязан демократии, но при этом всегда каламбурил, что демократия это худшая из всех форм правления, и право на существование она имеет только потому, что человечество ничего лучшего не придумало. Теперь мы увидели, как Сталин придумал наилучшую форму правления из всех — ведь в СССР теперь власть полностью соответствующая понятию «демократия» — у них действительно власть народа.

Изумление Даллеса сменилось задумчивостью.

— У меня несколько вопросов, сэр. Если большевики уже не правят Россией, то чем они собираются заниматься? Переедут к нам, чтобы совершить в наших странах революцию?

Черчилль усмехнулся.

— Думаю, в массовом порядке этого не произойдет. Вы же видели, что они сменили и название партии.

— Ну и что? Если мне память не изменяет, то они своей партии название меняли не один раз.

— Нет, Аллен, вы недооцениваете дядюшку Джо — у него нет времени делать что-нибудь просто так. И если он изменил название, то это имеет глубокий смысл. Прежнее название партии большевиков — Всесоюзная коммунистическая партия большевиков — объявляло всем о независимости большевиков от России, от Советской власти. Слово «всесоюзная» обозначало просто территорию, на которой действует эта часть всемирного коммунистического Интернационала. Я видел членский билет ВКП(б) — в нем вверху было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», в середине: «Партийный билет», — и в самом низу: «ВКП(б) — секция Коммунистического Интернационала». То есть они были выше России (Советского Союза) — они были в составе всемирных коммунистов, а теперь своим новым названием они объявляют, что привязаны только к России. Их партия *стала* собственностью СССР, структурным подразделением Советской власти. Есть у них Правительство Советского Союза, есть Министерство обороны Советского Союза, теперь вместо ВКП(б) будет Коммунистическая партия Советского Союза. Они из правящей партии стали основной церковью страны...

— Постойте, — перебил Даллес, — если есть основная церковь, то допустимы и остальные. Большевики что же — теперь разрешают многопартийность?

Черчилль полистал папку.

— Знаешь, Аллен, она у них и раньше не была запрещена. У них запрещены партии капиталистического толка, а социалистического — разрешены. Но пока большевики были правящими, пока именно большевики раздавали должности в стране, то кому нужны были партии, которые на это не способны? Но вот сейчас, когда они ушли от власти... — Черчилль немного задумался, — сейчас, пожалуй, у них может возникнуть многопартийность.

— Сэр, я несколько ошарашен вашим анализом, и мне пока непонятно многое. Ведь получается, что они месяц назад совершили революцию, которую легко использовать для огромной пропагандистской шумихи. Почему они молчат об этом?

— Сталин боится компрометации партии и идеи революции — он боится, что объявлением этого, он подорвет революционный энтузиазм и стремление коммунистов во всем мире захватить власть силой.

— Тогда нам немедленно нужно говорить об этом!

— Ни в коем случае! — взмахнул сигарой Черчилль. — Я не исключаю, что дядюшка Джо именно этой глупости от нас и ждет — ждет, что это мы сами признаем их самой демократической страной в мире. Нет, Аллен, о чем угодно можно говорить, но об этом необходимо молчать. Тем более, — несколько погрустнев, добавил Черчилль, — что все это не надолго.

— Что вы имеете ввиду?

— Это партия, Аллен, это очень большая партия, это очень много людей, хорошо устроившихся в этой жизни — они от власти не уйдут! — Черчилль вновь сделал большую паузу, глубоко затянувшись дымом сигары. — Сталин мой враг, поскольку я всегда был империалистом, им и умру, но это, Аллен, очень достойный враг, это величайший человек нашей истории, мне жаль его — они его убьют.

— У вас есть какие-то разведданные? — живо заинтересовался Даллес.

— Мои разведданные — это мои 78 лет и знание человеческой низости.

— Это не много, — скептически заметил Даллес.

Черчилль с иронией посмотрел на Даллеса.

— Аллен, а хотите пари, скажем, на коробку гаванских сигар? Пари на то, что Сталин не доживет до следующей весны?

— У вас весна, как и у нас, считается с 20 марта? — деловито поинтересовался Даллес, и на подтверждающий кивок Черчилля, ответил. — Идет!

Черчилль тяжело вздохнул.

— Я выиграю это пари, но поверьте мне, Аллен, это единственный раз в жизни, когда мне хочется его проиграть.

Даллес допил виски.

— Сэр, вы считаете его великим человеком, а, значит, по определению умным. Так неужели он не в состоянии понять то, что понимаете вы, — что его убьют?

Черчилль грузно поднялся с кресла и подошел к темному окну с фиолетовыми отблесками неоновой рекламы.

— Он об этом не думает...

— Почему?

— Это недостойно. Он делает то, что обязан делать. Поверьте, если бы он и на 100% был уверен, что его убьют, это ничего бы не изменило — он бы все равно делал то, что обязан. Это очень редкий человек, Аллен, нынешним людям таких очень трудно понять.

Ни Черчилль, ни Даллес пока не знали, какие драматические события произошли сразу же после XIX съезда теперь уже КПСС.

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ПОСТУПОК

Задачей любого съезда партии в области управления партией являлись выборы ее Центрального Комитета. Соответственно, съезд и избрал 124 члена ЦК и 110 кандидатов в члены ЦК (имевших совещательный голос и являвшихся резервом для замены выбывающих членов ЦК). После окончания съезда эти 234 человека собрались на свой пленум, который проводился закрыто, то есть без посторонних, чтобы из состава членов ЦК избрать 36 членов Президиума партии и 10 ее секретарей.

Промолчавший весь съезд, на пленуме ЦК Сталин говорил более полутора часов. Используя железную логику и аргументацию, он говорил о самоуспокоенности вождей партии, о их моральной капитуляции перед трудностями

строительства Коммунизма, об их мелких обывательских стремлениях и нежелании самоотверженно трудиться. В качестве примеров такого капитулянтства он выбрал Молотова, Микояна и Ворошилова — самых старых по своему членству в Политбюро деятелей партии. После чего предложил пленуму персональный состав президиума, который вызвал шок у Хрущева и Маленкова — они просто не знали большинства предложенных Сталиным людей, поскольку это были молодые партийные работники-идеологи и министры Правительства СССР. Сталин явственно ставил партию под контроль советской власти тем, что большинство в Президиуме партии стало принадлежать не старым партийным бонзам, а идеологам и представителям советской власти.

Единственным спасением, единственной соломинкой для партийных чиновников было то, что сам Сталин оставался в управлении партии — оставался ее секретарем, неважно, что не генеральным секретарем, ему никакие должности и звания и раньше не были нужны: все и так знали, что он Сталин.

И Сталин попробовал эту соломинку сжечь — он попробовал уйти из управления партией, потребовал освободить себя от должности секретаря партии. А без Сталина на посту секретаря партии, без Сталина в качестве вождя собственно партии, все партийные чиновники теряли реальную власть.

С уходом Сталина из управления партией, всем руководителям страны становилось опасно исполнять команды партийных чиновников — того же Хрущева или Маленкова. Представьте себя министром, который по требованию секретаря ЦК снял директора завода. А завод стал работать хуже и возникает вопрос — зачем снял? Секретарь ЦК потребовал? А зачем ты этого придурка слушал? Это раньше, когда секретари ЦК были в тени Сталина, были его людьми, то их команда — его команда. А после его ухода из секретарей — извини!

По Уставу все органы партии избираются либо прямо коммунистами, либо через их представителей (делегатов). Для того чтобы коммунисты избирали на партийные должности нужных людей, на все выборы в нижестоящие органы партии приезжали представители вышестоящих органов и убеждали коммунистов избирать тех, кого чиновникам надо. Но как ты их убедишь, какими доводами, если голосование на всех уровнях тайное? Только сообщением, что данного кандидата на партийную должность рекомендует ЦК. А «рекомендует ЦК» — это значит рекомендует Сталин. В этом случае промолчит даже тот, у кого есть веские доводы выступить против предлагаемой кандидатуры. И дело не в страхе, а в том авторитете и культе, который имел Сталин: была Личность и был ее культ.

Обеспечив себе авторитетом Сталина избрание низовых секретарей, партийные чиновники с их помощью обеспечивали избрание нужных (послушных чиновникам ЦК) делегатов на съезд ВКП(б) (КПСС). А эти делегаты голосовали за предложенный партийными чиновниками список ЦК, т.е. за тех же Хрущева и Маленкова. Круг замыкался. Высшие партийные чиновники таким несложным способом обеспечивали пополнение собственных рядов только себе подобными.

Хрущев и Маленков с ужасом представили, что будет, если Сталин уйдет с поста секретаря ЦК. Они, оставшиеся без Сталина секретари ЦК, привезут в какую-то область нужного человека на должность секретаря обкома и будут говорить коммунистам области, что «товарища Иванова рекомендует ЦК». А кто такой этот ЦК? 10 секретарей, каких-то хрущевых-маленковых? А вот директор комбината, которого лично знает и ценит наш вождь Председатель Совета министров товарищ Сталин, считает, что Иванова нам и даром не надо, а лучше избрать товарища Сидорова. И за кого проголосуют коммунисты? За привезенного Хрущевым и Маленковым Иванова или за местного Сидорова, ко-

торого они знают как умного, честного и принципиального человека?

А раз нельзя пристроить на должность секретарей обкома нужных Хрущеву и Маленкову людей, то как обеспечить, чтобы секретари обкома прислали на съезд нужных (послушных Хрущеву и Маленкову) делегатов? И как тогда обеспечить собственное попадание в члены ЦК?

Уход Сталина из секретарей ЦК (уход вождя СССР из органов управления партией) был страшной угрозой для партийных чиновников, ибо восстанавливал в партии демократический централизм — внутрипартийную демократию. А при этой демократии люди, способные быть только погонялами и надсмотрщиками, в руководящих органах партии становятся ненужными.

И когда Сталин попросил освободить его от обязанностей секретаря ЦК, на лице Маленкова возникло ужасное выражение — не то чтоб испуга, а выражение, которое может быть у человека, яснее всех других осознавшего ту смертельную опасность, которая нависла у всех над головами.

— Нельзя соглашаться на эту просьбу товарища Сталина, нельзя соглашаться!! — крикнул он.

Лицо Маленкова, его жесты, его выразительно воздетые руки были прямой мольбой ко всем присутствующим немедленно и решительно отказать Сталину в его просьбе. И тогда, заглушая раздавшиеся уже из-за спины Сталина слова Хрущева: «Нет, просим остаться!», — зал загудел двумя сотнями голосов: «Нет! Нет! Просим остаться! Просим взять свою просьбу обратно!».

Сталин не смог настоять на своей просьбе — он остался секретарем ЦК.

Черчилль был прав — Сталин не хотел думать над тем, что после его явно выраженной воли уйти из управления партией, у номенклатуры оставался единственный выход из положения — Сталин обязан был умереть на посту секретаря ЦК, на посту вождя партии и всей страны. В случае

такой смерти его преемник на посту секретаря ЦК в глазах людей автоматически был бы и вождем страны, а сосредоточенные в руках ЦК СМИ быстро бы постарались сделать преемника гениальным — закрепили бы его в сознании населения в качестве вождя всего народа.

Конечно, для партийных чиновников было бы идеально, если бы Сталина застрелила в ложе театра какая-нибудь Зоя Федорова, и Сталин повторил бы судьбу Марата или Линкольна. Но годилась и любая естественная смерть. Главное, чтобы он умер, не успев покинуть свой пост секретаря ЦК.

Глава 10

УБИЙСТВО СТАЛИНА

НУЖЕН БЕРИЯ

Пока шел съезд, арестованные врачи Лечсанупра не выдержали, и в страхе, что это все равно вскроется, а их обвинят в умышленном утаивании важных для следствия фактов, сами рассказали и о диагнозе Тимашук, и о том, что она предупреждала об инфаркте у Жданова не только их, но и Власика. Поняв, что Власик предал, что он утаил от правительства эти важнейшие подробности о смерти члена Политбюро, Сталин вскипел, приказал немедленно арестовать Власика, доставить его в Москву и вытянуть из него все подробности.

С 1927 г., с первой попытки покушения на Сталина, сначала его личную охрану, а затем и охрану всего правительства возглавлял Н.С. Власик, который к моменту своего снятия с должности имел звание генерал-лейтенанта. Возглавляемое им Главное управление охраны было довольно обширным ведомством, включавшим в себя не только штат телохранителей членов правительства, но и медицинское, и материально-хозяйственное обслуживание членов Правительства. Управление не только охраняло, но могло самостоятельно вести агентурные разработки подозрительных лиц, т.е. фактически являлось самостоятельной спецслужбой.

Организационно Главное управление охраны входило в МГБ, но не подчинялось министру госбезопасности. Таким приемом создавалась конкуренция и организовывалась взаимная слежка друг за другом. МГБ следило, чтобы в Главном

управлении охраны не завелся враг, а Управление имело возможность проследить за подозрительными лицами в МГБ.

Как только у Хрущева возникла и возросла опасность ареста из-за связи с «ленинградцами», он инстинктивно стал искать «подходы к Сталину», сначала без определенных целей, а просто на всякий случай. Стал искать в окружении Сталина человека, который в нужный момент смог бы подпустить к Сталину убийцу с ядом или пистолетом. Таким человеком, по своей должности, мог бы стать Власик. И надежды на то, что Власик станет человеком Хрущева, были.

К концу 40-х — началу 50-х Власик морально сильно деградировал, увлекся коллекционированием барахла, но больше — бабами, и стал серьезным конкурентом Абакумова на этом поприще. Вообще-то еще Кузнецов, заручившись поддержкой Хрущева, хотел убрать Власика от Сталина и заменить своим человеком. В 1948 году против Власика пытался сфабриковать дело очень зависимый от Хрущева заместитель министра внутренних дел Серов, но ничего не получилось — Сталин не поверил в предательство Власика. А сам Хрущев, став секретарем ЦК, сначала пытался убрать Власика «за аморалку» — за неразборчивость половых связей, но Сталин только отругал своего главного телохранителя, но снимать его с должности не стал. Тогда Никита поручил Игнатьеву подчинить себе Власика шантажом — было установлено, что человек, помогавший Власику в любовных делах, подозрителен по шпионажу, но Власик не поддался и шантажу — каким бы разгильдяем он ни был, но предавать Сталина он не собирался. А письмо Тимашук скрыл по глупости и из-за страха — ведь это он вытащил из Ленинграда и назначил главным врачом Лечсанупра Егорова, и если бы ошибка лечащих врачей Жданова вскрылась, то вина за смерть Жданова пала бы и на Власика.

И тогда Хрущев с Игнатьевым пошли простым путем: на Власика мгновенно раскручивается дело о хищении продуктов с правительственного стола — любил, надо сказать, Власик побаловать своих женщин хорошим застольем, а списы-

вал все продукты на то, что это якобы товарищ Сталин их съел. Терпение Сталина иссякло, и 29 апреля 1952 г. Власика снимают с должности и отправляют заместителем начальника исправительно-трудового лагеря на Урал.

Вот в этот момент Сталин допустил роковую для себя ошибку. Коменданта Кремля, со снятием с должности Власика, он заменил верным человеком — генералом Косынкиным, но начальника Главного управления охраны сразу подобрать не смог и поручил исполнение этих обязанностей Игнатьеву, доверяя этому «партийному работнику из глубинки». А Игнатьев довольно скоро обнаружил и слабое звено в окружении Сталина — его лечащего врача Смирнова. Попался врач на гомосексуальных связях, хотя, как исполнитель теракта он не годился из-за строжайшего контроля за всеми выдаваемыми Сталину лекарствами и из-за своей трусости. Кроме этого, чтобы убийцы могли воспользоваться услугами врача Сталина, нужно было, чтобы Сталин сам заболел и вызвал врача, но все же завербованный врач — это уже было кое-что.

Тем не менее, угроза разоблачения стремительно нарастала: хотя Власик на допросах ни в чем не признавался, поскольку о заговоре просто ничего не знал, но, получив от Власика подтверждение того, что он знал об инфаркте, и найдя в архивах МГБ докладную записку Тимашук Власику, следователи в конце декабря 1952 года вызвали на допрос и саму Тимашук, а она-то знала слишком много!

— На первом допросе она показала, в общем-то, то, что следователи узнали и без нее, теперь начальник следственной бригады предлагает выяснить, почему она сама не предупредила Жданова об инфаркте, и кому еще из руководителей, кроме Власика, сообщала о неправильном лечении, — Игнатьев тут же доложил Хрущеву результаты допроса.

— Это ни в коем случае нельзя допустить, нужно запретить следователям ее допрашивать!

— Министр Абакумов уже запрещал следователю Рюмину допрашивать подозреваемого Этингера, потом следо-

ватель Рюмин истер об министра Абакумова не одну резиновую палку, — хмуро напомнил Хрущеву Игнатьев. — Тут нужно какое-то политическое решение.

— Валите все на жидов!

— Как?! После признания Власика и лечащих врачей, стало ясно, что в деле о смерти Жданова нет ни одного еврея, а у нас уже и так все Лефортово забито евреями, а они еще и друг на друга показывают разную чепуху, нам уже и арестовывать некуда, и толку от этих арестов никакого нет. И следователи, и надзирающие прокуроры начинают это понимать. Следствие невозможно удержать — оно помимо моей воли разворачивается туда... — Игнатьев запнулся, — туда, куда нам не надо.

Хрущев задумался, хотя, возможно, его состояние этим словом и нельзя было назвать, — инстинкт загнанного в угол зверя подсказывал ему решения.

— Готовь немедленно представление Тимашук к награждению... Хрущев на секунду задумался,— орденом Ленина за помощь, оказанную советскому правительству в разоблачении подлых еврейских врачей-убийц. И немедленно неси это представление мне! Парализуем следователей тем, что сделаем из нее общесоюзную героиню.

— Но там же не было врачей-евреев!

— А ты дополнительно арестуй каких-нибудь подозрительных из тех, на кого сидящие в Лефортово жиды показывают, и никто ничего не поймет. И еще! У нас есть агентура в Израиле?

— Конечно!

Хрущев какое-то время колебался.

— Надо как-то стороной, но побыстрее, дать кому-либо из надежных наших агентов приказ напасть на советских дипломатов в Израиле. Обещай агенту, что попросит. Надо сделать вид, что тамошние евреи поддерживают своих агентов у нас.

— Но это невозможно!

— В нашем положении ничего невозможного быть не может! Либо мы сделаем невозможное, либо сдохнем, как собаки! — жестко напомнил Хрущев. — Действуй! И чтобы не позже чем через две недели арестовал с десяток врачей-евреев.

В первой половине января 1953 года Сталин, перегруженный работой в Правительстве и явственно показывающий, что он хочет отойти от текущей работы в ЦК и поручить ее более молодым товарищам, не пришел на очередное заседание Президиума ЦК. Хрущев воспользовался этим и тут же поставил на обсуждение заявление о врачах-убийцах. У каждого врача умирают пациенты, и теперь, когда следователи МГБ начали разбираться с умершими пациентами у каждого вновь арестованного врача-еврея, образовалась такая куча фактов, которые можно было трактовать как угодно и от которых у членов Президиума голова кругом пошла. Хрущев и Игнатьев, которого Хрущев все же сумел протолкнуть в члены Президиума, этим и воспользовались, убедив членов Президиума принять это заявление.

В результате утром 13 января советский народ смог прочесть в газете «Правда» в статье «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей» грозные слова: *«Следствием установлено, что участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно, злодейски подрывали их здоровье, ставили им неправильные диагнозы, а затем губили больных неправильным лечением...Жертвами этой банды человекообразных зверей пали товарищи А.А. Жданов и А.С. Щербаков. Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью тов. Жданова, умышленно скрыли имеющийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умертвили тов. Жданова... Кому же служили эти изверги? Кто направлял вредительскую деятельность этих подлых изменников Родины? Какой хотели они добиться цели в результате убийств активных деятелей советского государ-*

ства? Установлено, что все участники террористической группы врачей состояли на службе у иностранных разведок, продали им душу и тело, являлись их наемными, платными агентами. Большинство участников террористической группы — Вовси, Б. Коган, Фельдман, Этингер, Гринштейн и другие — были куплены американской разведкой. Они были завербованы филиалом американской разведки — международной организацией «Джойнт». Грязное лицо этой шпионской сионистской организации, прикрывающей свою подлую деятельность под маской благотворительности, полностью разоблачено».

Даже члены Президиума не заметили, как Хрущев с Игнатьевым передернули карты — ведь Жданова врачи-евреи не лечили, а арестованы именно евреи. А 21 января народ узнал о новой героине — враче-кардиологе Лидии Тимашук, и о награждение ее орденом Ленина. Немедленно масса народу вспомнила разные подозрительные действия лечивших их когда-то врачей-евреев и написала по примеру Тимашук заявления в следственные органы, а газеты, все подчиняющиеся ЦК, каждый день начали печатать и печатать материалы, разоблачающие агентуру сионизма в СССР.

В начале февраля Сталин пришел на заседание Президиума ЦК.

— Я по-прежнему не верю, что сионизм, который до сих пор нуждается в нашей поддержке, пошел на теракты против членов советского правительства. Вся эта антисионистская шумиха ничего не дает и только запутывает расследование смерти Жданова.

— Тут, товарищ Сталин, как волка ни корми, а он в лес смотрит, — сказал Хрущев, и ему очень кстати пришла в голову еще одна поговорка. — Короче, черного кобеля не отмоешь добела.

— Национализм дело страшное, а он в случае с евреями налицо. Когда речь идет о национализме, то лучше перегнуть палку, чем оставить зародыши этого самого национализма, — согласился с Хрущевым Каганович.

— Да не в национализме дело, а в том, что мы из-за этой шумихи не расследуем реальное убийство Жданова, — не дал увести себя с темы Сталин. — Теперь уже очевидно, что ни Игнатьев в МГБ, ни Круглов в МВД не справляются со стоящими задачами. Нам нужны срочные меры, и я предлагаю объединить МВД И МГБ и поручить их товарищу Берии. В конце концов, речь идет о жизни каждого из сидящих здесь — если мы не выясним, кто организовал убийство Жданова, то он может организовать убийство и каждого из нас. И как товарищ Берия ни перегружен, но я не вижу другой кандидатуры для решения этого вопроса. Против этого предложения есть возражения?

Все молчали, и тогда Молотов подытожил.

— Да какие тут могут быть возражения, если Лаврентий Павлович согласен.

— Сейчас нам не до его согласия — нам нужна правда, и только Берия может организовать ее получение, — уточнил ситуацию Сталин. — Думаю, что этот вопрос мы окончательно решим к концу месяца, а пока пусть товарищи Берия, Хрущев и Маленков подготовят проект объединения двух министерств — продумают, как организовать работу, кого на какие должности определить, короче, чтобы приказ об объединении не вызвал в этих министерствах хаос и прекращение работы. До этого момента по этой же причине решение об объединении нужно держать в секрете. И еще раз о шумихе. Товарищи Хрущев и Маленков, мы в Правительстве не верим, что сионизм пошел на террор против нас! Еще раз подумайте, нужна ли нам вся эта истерика в газетах?

После заседания Президиума Хрущев встретился с Игнатьевым.

— Тебе конец: в марте тебя сменит Берия и начнет расследования сам. А он докопается до всего, можешь мне поверить.

— Что же делать?!

— Не паниковать! Инициатива пока на нашей стороне — мы бьем первыми. Кстати, Сталин не верит в терроризм жидов. Что там в Израиле делает твоя агентура? За что ей деньги платят?!

И через несколько дней советские газеты сообщили, что 9 февраля 1953 г. на территории миссии СССР в Израиле было взорвано нечто вроде гранаты. Этим взрывом были ранены жена посланника К.В. Ершова, жена сотрудника миссии А.П. Сысоева и сотрудник миссии И.П. Гришин. Премьер-министр Израиля Бен-Гурион принес извинения и поклялся, что ни еврейские террористические организации, ни арабские к этому взрыву не имеют отношения. Но Сталин уже не верил, что Бен-Гурион контролирует положение в сионизме, и СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем, а ЦК усилил антисионистскую кампанию в прессе СССР.

Утром 17 февраля Сталину позвонил Берия.

— Товарищ Сталин, начальник охраны Кремля генерал-майор Косынкин по пустячному случаю лег на несколько дней в больницу. Сегодня он там умер. — Берия несколько замялся, а потом начал говорить извиняющимся тоном. — Товарищ Сталин, ведь вы вполне можете работать на Ближней даче, я очень прошу, не приезжайте пока в Кремль, давайте сначала со всеми этими смертями разберемся.

ОТРАВА В ЧАШЕ

В ночь на 21 февраля Хрущев вернулся с работы поздно, семья уже спала. На кухне Нина оставила ему на столе ужин, накрыв его льняным полотенцем с украинской вышивкой крестиком красными и черными нитками. Никита вспомнил, что он с утра ничего не ел, но есть ему не хотелось, а во рту было сухо и противно. Он открыл бутылку «Ессентуки» и залпом выпил стакан, потом снял полотенце, накрывавшее ужин, и взял вилку, но есть не хотелось до та-

кой степени, что от вида еды даже затошнило. Хрущев поднялся и подошел к кухонному шкафчику.

В отделении для спиртного справа стояли четыре полулитровые бутылки водки «для гостей» — «Столичной» и «Московской особой». Эти водки считались престижными и дорогими, укупоривались настоящими корковыми пробками и заливались белой смолкой. «Московская» стоила 28 рублей 70 копеек, а «Столичная» вообще 30 рублей 70 копеек. А слева стояли три, тоже полулитровые бутылки «Водка 40%-ная», простой водочки, дешевой, разливаемой в бутылки емкостью до трех литров и укупориваемой простым картонным капсюлем с заливкой красной смолкой. Хрущев пил именно эту водку, приговаривая при гостях, что ее и рядовые коммунисты пьют. Между прочим, «красноголовая» ему и нравилась больше, чем «белоголовая».

Никита взял бутылку «красноголовой», оббил смолку, подцепил острием ножа и извлек капсюль, обтер горлышко от остатков смолки и взял было стеклянную зеленоватую рюмку на высокой ножке, но потом передумал, вернулся к столу и налил в стакан, из которого пил минеральную воду. Влил содержимое стакана в рот, приглушенно крякнул, занюхал рукавом. Потом, не спеша, вновь налил минеральной воды и запил ею водку. Сел, обхватил голову руками и задумался.

Положение было таким, что впору было самому застрелиться, не дожидаясь, пока тебя расстреляют. «Застрелиться, как Гамарник», — вспомнил Хрущев бывшего главного комиссара Красной Армии, возглавлявшего военный антисоветский заговор и застрелившегося в 1937 году за несколько часов до своего ареста. На Игнатьева и Огольцова не было никакой надежды — все их «верные люди» были брехней, и было глупо ожидать, что эта парочка «чекистов» сумеет что-то предпринять против Сталина и этим резко изменит ситуацию. Более того, Сталин почему-то перестал приезжать в Кремль и работал на своей даче, даже посла Индии там принял. И, если говорить откровенно, то там он для Игнатьева и Огольцова действительно стал недоступен.

Хрущев держался из последних сил, чтобы не выдать себя ни словом, ни жестом. Пока никто ни о чем не догадывался — и Сталин, и Берия безусловно верили Никите и совершенно откровенно обсуждали с ним все свои планы. Берия почти каждый день советовался с Хрущевым, кого назначит на тот или иной пост в объединяемом министерстве, Никита уже дважды ужинал допоздна у Лаврентия, и Берия совершенно искренне обсуждал с ним свое видение положения. Он пока считал, что заговор идет из еврейской среды, и Хрущев умело и ненавязчиво поддерживал в Берии это заблуждение. Но сколько это заблуждение будет длиться? Как только Берия вникнет в конкретные дела, как только за допросы возьмутся подобранные и руководимые им следователи, то что останется от «еврейского заговора»? А непонятная смерть Жданова останется, а сокрытие ее Абакумовым останется, и сколько времени потребуется Лаврентию, чтобы вспомнить о том, что в МГБ есть яды скрытого действия, и что отвечает за их хранение и использование Огольцов? Надеяться Хрущеву было не на кого — надеяться можно было только на себя.

— Черный ворон, что ты вьешься над моею головой? — губы Никиты начали машинально и шепотом выводить замысловатый мотив этой подходящей его настроению песни.

«Спасти себя могу только я сам! — принял решение Хрущев, и тут же себя поправил. — Нет, спасти дело Ленина, спасти великую партию большевиков, могу только я!»

— ...Ты добычи не дождешься — черный ворон, я не твой! — уже более решительно продолжил Никита шептать мелодию.

«Все, все против Сталина и его реорганизации партии, и все боятся его, никто и слова не пикнет. Пидарасы! — в охмелевшем мозгу Хрущева вспыхнула ненависть к товарищам по партии. — Хрущев для них дурак, а как доходит дело до главного, то никого кроме Хрущева и нет!» Перед глазами Никиты вдруг всплыл образ Сталина, с укоризной глядящего на Хрущева. Никита решительно налил себе еще

полстакана, снова опрокинул содержимое в рот и зло закончил напевать:

— ...Старый ворон, я не твой!!

Утром, под предлогом сбора характеристик на работников МГБ он вызвал в ЦК Огольцова.

— Мне нужно то лекарство, которое вы показывали мне в Киеве.

— Много? — чуть запнувшись, и с нескрываемым удивлением поинтересовался Огольцов.

— Пару ампул. Вечером принесете характеристики на начальников управлений МГБ Среднеазиатских республик... Ну, и это лекарство.

— Сделаю! — Огольцов смотрел на Никиту со смесью страха и уважения.

В те годы длительность рабочей недели была 41 час при шести днях работы. То есть с понедельника по пятницу работали по 7 часов в день, а в субботу — 6 часов. Но график работы высших органов власти был своеобразен. Рабочий день начинался в 9.30, а заканчивался для рядовых сотрудников в 20.00, а для министров и выше — в 24.00. (Но у министров был трехчасовый обеденный перерыв с 17.30 до 20.30). Однако в субботу рабочий день для всех был коротким и заканчивался в 17.00. И в субботу 28 февраля Сталин решил пригласить к себе на ужин Берию, Хрущева и Маленкова, чтобы предварительно обсудить вопросы, которые будут решены на заседании Президиума ЦК КПСС в понедельник 2 марта. Комендант Ближней дачи Орлов был на выходном, и Сталин вызвал его, дежурившего помощника Лозгачева.

— К 20 часам подготовь небольшой ужин на четверых человек, можно без затей... — тут Сталин вспомнил, что гости, скорее всего, приедут прямо из рабочих кабинетов, а Хрущев любил есть сытно, — впрочем, — добавил Сталин, — всего должно хватать. На десерт можно какой-нибудь торт к чаю... пусть повар испечет «Наполеон» — у него хорошо получается.

— Спиртное? — напомнил Лозгачев.

— Дай нам сока бутылки по две.

Сталин молодое грузинское вино «Маджари» называл соком из-за его малой крепости.

Хрущев ехал на дачу Сталина со спокойной решимостью, которой он сам поначалу удивился, а потом вспомнил, что такое с ним было и на фронте, когда стремление выполнить боевую задачу и осознание того, что бояться бессмысленно, глушит страх. В правом кармане его просторного пиджака лежал свернутый вчетверо носовой платок, а в нем, как в конверте, лежали две ампулы. Хрущев взял обе, и теперь в его мозгу навязчиво вертелась поговорка «маслом кашу не испортишь». Легко запоминающий то, что он видел в жизни, Хрущев заранее надрезал горлышки ампул и теперь немного опасался, как бы они не сломались из-за его неосторожных движений.

За ужином Сталин сел, как обычно, в торце стола, слева от него сели Берия и Маленков, а справа Хрущев. Перед ним, за спиной Берии был сервировочный столик, на котором возвышались супница и сковородочки с цыпленком-табака. Закуска уже стояла на столе — заливной язык и сельдь «каспийский залом». Берия разлил вино в фужеры.

— За ваше здоровье, товарищи, — поднял фужер хозяин дома, — и чтобы ничто не мешало нам двигаться вперед!

Все выпили, приступили к закускам, Берия долил вино в фужеры.

— Я ценю вашу самостоятельность, Георгий и Никита, — Сталин прожевал и проглотил кусочек языка, — я хотел бы, чтобы вы в ЦК были совершенно самостоятельны и работали, не оглядываясь на меня. Вы же знаете, что я даже просил пленум ЦК не назначать меня секретарем и освободить от работы в партии, — Сталин положил в рот еще кусочек и на время замолчал. — Но, понимаете, — продолжил он, — что-то мне не нравиться в этой вашей кампании против космополитизма. Какую газету ни откроешь, а там каждый день евреи, евреи и евреи. Мне кажется, что мы пересаливаем с

этими евреями. Так мы из интернационалистов, сами того не желая, превратимся в антисемитов. В конце концов, наша цель это строительство Коммунизма, а не борьба с еврейскими недостатками. Это один, очень небольшой по численности народ из всех народов СССР, а мы столько пропагандистского пыла на него тратим.

— Товарищ Сталин! — тут же возразил Маленков. — Вы просто не представляете, сколько сигналов на евреев поступает и к нам в ЦК, и на места!

— Почему не представляю? — не спеша, ответил Сталин. — И сколько сигналов нашло подтверждение?

— Ну, мы пока проверяем, — несколько смутился Маленков.

— Строго говоря, — вступил в разговор Берия, — основная масса этих сигналов пересылаются для проверки в МГБ и МВД. Следователи завалены ими, и в подавляющем числе эти сигналы яйца выеденного не стоят, а на проверку требуют огромного времени.

— Раз мы за такие сигналы начали ордена давать, то теперь мы этими сигналами захлебнемся,— напомнил Сталин, — многим охота орден за бумажку получить.

Хрущев понял, что Берия уже кое в чем успел разобраться и переговорил со Сталиным. У Никиты в голове возникла смутная комбинация, связанная с тем, что с понедельника министром внутренних дел станет Берия и Берия будет отвечать за арестованных евреев, но Никита не успевал эту комбинацию обдумать, а лишь решил не присоединяться в своем мнении к Маленкову.

— Товарищ Сталин прав, Георгий, — поддержал вождя Хрущев, — надо эту кампанию прекращать. Вернее, не так — прекращать ее вести так огульно. Надо Суслову сказать. Когда суд кого из евреев осудит, тогда и писать. А то еще ни одного приговора нет, а Суслов заставляет редакторов газет в каждом номере про этот космополитизм писать, — перевел Никита стрелки с Маленкова на секретаря по пропаганде Суслова.

— Ну, ладно, — сказал Сталин, увидев, что гости уже закончили закусывать, и спросил,— приступим к супу?

Сталин встал, отодвинул свой стул от стола и направился к сервировочному столику, а сердце у Никиты бешено забилось. Еще раньше к столику подошли Берия с Маленковым, Лаврентий открыл супницу, предлагая Сталину налить себе первому. Хрущев встал, сунул руку в карман пиджака, зажал в пальцах обе ампулы, повернул их вертикально и большим пальцем нажал на их шейки, почувствовав хруст стекла. Сталин Берия и Маленков стояли спиной к нему, оценивая поднимающийся из супницы запах куриного бульона. Никита пошел к ним, огибая торец стола, на долю секунды задержался, вынул из кармана руку и стряхнул содержимое ампул в фужер Сталина, в котором было еще на треть вина. Снова сунул руку в карман, вложил ампулы в платок, вынул руку и подошел к сервировочному столику. Все произошло так быстро и незаметно, что и сам Никита не до конца осознал, сделал он это или нет. И только правая рука, на указательном пальце которой чувствовалась мокрота, непроизвольно пыталась вытереть ее о брючину.

Дальнейший ужин проходил у Хрущева, как во сне с чувством неутолимой жажды. Он не любил вина, а тут начал пить его и пить, оправдываясь, что селедка была слишком соленой, его с улыбкой поддерживали, но к десерту вино закончилось, и Маленков рассмеялся.

— Да ты, Никита, совсем грузином стал!

А поскольку Маленков был как бы самым крайним, то он вышел из столовой, через минуту вернувшись еще с двумя бутылками «Маджари». За десертом, начали обсуждать проект постановления Верховного Совета об объединении МГБ и МВД, и проект распоряжения Сталина о кадровых назначениях в объединенное министерство. Кандидатур было очень много, вспоминали достоинства или недостатки каждого и целесообразность назначения его в должность, посему ужин закончили незадолго до полуночи.

Хрущев упал на заднее сиденье своего автомобиля, тело ломило, как от тяжелой физической работы, страшная усталость навалилась на Никиту, его тянуло в сон. В лобовом стекле фары высвечивали редкие падающие снежинки и стоящие вдоль дороги заснеженные ели. И тут Хрущев вдруг вспомнил обстоятельство, которое как током поразило его.

Лет двадцать назад он, тогда еще секретарь Бауманского райкома ВКП(б) Москвы, вдруг узнал, что в молодые годы Сталин писал на грузинском языке стихи, причем настолько хорошие, что их печатали практически во всех выходящих до революции сборниках грузинских стихов и даже в школьных учебниках. Ему пришла в голову мысль, разучить какой либо стих Сталина, чтобы при случае на каком-либо собрании щегольнуть этим, и понравиться Сталину, который к тому времени становился все более авторитетным и уважаемым. Ему нашли переводы стихов Сталина на русский язык, Никита выбрал, как ему показалось, самый подходящий стих, разучил его, но случай щегольнуть декламированием так и не представился. То стихотворение Сталина, которое, как ему казалось, он напрочь забыл, теперь всплыло в памяти:

Шел он от дома к дому,
В двери чужие стучал.
Под старой дубовый пандури
Нехитрый мотив звучал.

В напеве его и в песне,
Как солнечный луч чиста,
Жила великая правда —
Божественная мечта.

Сердца, превращенные в камень,
Будил одинокий напев.
Дремавший в потемках пламень
Взметался выше дерев.

Но люди, забывшие Бога,
Хранящие в сердце тьму,
Вместо вина отраву
Налили в чашу ему.

Сказали ему: «Будь проклят!
Чашу испей до дна!..
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!

Мистический ужас охватил Хрущева — он влил в вино Сталину отраву точно так, как и предугадывал Сталин более пятидесяти лет назад! И влил потому, что ему не нужна была правда Сталина!

«Нет! — упокоил себя Никита. — Нет у Сталина никакой правды, нет у него божественной мечты! Вся правда у Ленина, а я спасал великую ленинскую партию большевиков!»

Дома Нина вышла из спальни в халате, наброшенном на ночную рубашку.

— Голоден?

-— Нет, ложись, Нина, я сейчас тоже лягу.

Хрущев зашел на кухню и подошел к печи водяного отопления дома, открыл чугунную дверцу топки. На колосниках лежал раскаленный антрацит. Никита достал из кармана платок с пустыми ампулами и бросил в топку, платок немедленно вспыхнул, запахло горящей тряпкой, через мгновенье в пламени платка показались ампулы. На глазах они покраснели от жара, стекло начало размягчаться и оплывать. Хрущев бросил на них совок угля и пошел мыть руки. Мыл долго и тщательно.

Он вспоминал — тот исполнитель в Киеве говорил, что яд действует самое скорое через половину суток, — поэтому ложился спать с уверенностью, что успеет выспаться до наступления ожидаемого события. Но телефон разбудил его в два часа ночи.

СМЕРТЬ ВОЖДЯ

Звонил Игнатьев.

— Несколько минут назад позвонила охрана Сталина, считает, что Сталин потерял сознание. Я пока поднял только врача Сталина Смирнова, он одевается. Я сейчас выезжаю на Ближнюю...

— Заезжай ко мне, поедем вместе! Жду у ворот! — Хрущев положил трубку и начал быстро одеваться.

В коридоре дачи их ждали встревоженные телохранители Сталина, помощник коменданта и Бутусова.

— Что случилось? — тихо спросил их Хрущев.

— Мы это....- начал и замялся телохранитель Хруста¬лев, — ну, в замочную скважину иногда смотрим, что товарищ Сталин делает — спит или нет. Ну, и где-то без пятнадцати два заглянули, а товарищ Сталин на ковре лежит. Мы вбежали, а он непонятно — вроде как спит и во сне похрапывает, но странно как-то. И еще... — Хрусталев вновь замялся, — обмочился он. Мы его на диван перенесли и сразу товарищам Игнатьеву и Смирнову позвонили.

— Так, — сказал Хрущев и тут же скомандовал Игнатьеву и Смирнову, — разбувайтесь! — и сам быстро снял ботинки. — Охрана пока постоит здесь, чтобы не сильно шуметь, а мы тихо идемте!

Они в одних носках, стараясь бесшумно идти по ковру, вошли в комнату и подошли к дивану. Сталин лежал на спине и действительно слегка похрапывал. Смирнов опустился на колени осторожно взял Сталина за запястье руки, потом пощупал пульс, всматриваясь в лицо, затем вставил в уши стетоскоп и, осторожно отбросив плед и расстегнув на груди Сталина рубашку, стал выслушивать сердце. Затем встал, покусал губы и прошептал.

— У него инсульт.

— А это? — Хрущев показал на мокрые брюки Сталина.

— Это естественно — с потерей сознания расслабились мышцы мочевого пузыря.

— Та-ак, — шепотом протянул Хрущев. — Я думаю, что товарищ Смирнов сильно ошибается. Товарищ Сталин накануне сильно выпил и сейчас просто спит. Если мы поднимем панику, то как будем выглядеть мы и как будет выглядеть он? Так что давайте тихо уходить.

— Но товарищи! — шепотом, но горячо не согласился Смирнов. — Это инсульт! А при нем спасает только быстрота терапевтического вмешательства!

— Ты, мужеложец, в случае чего, скажешь, что ошибся! — зашипел на него Игнатьев.

— А будешь нас слушаться, так этого «в случае чего» не будет. Понял? — почти ласково добавил Хрущев смертельно побледневшему Смирнову.

Они так же тихо вышли в коридор к ожидавшей охране. Хрущев, потирая рукой подбородок, как бы с сомнением взглянул на Хрусталева.

— Мы тут с товарищем Сталиным несколько часов назад изрядно выпили, — и, в ответ на согласный кивок Хрусталева, помнившего, что Маленков заносил дополнительные бутылки, продолжил, — а оно, если бы водка была, так она сразу по мозгам бьет, а это молодое вино — оно долго забирает. А годы уже не те… — вздохнул Хрущев. — Короче, надо товарищу Сталину проспаться. Не надо его тревожить — неудобно как-то — с кем не бывает? Пусть завтра сам встанет, переоденется, а мы как бы вроде ничего и не видели.

Телохранители и Бутусова облегченно вздохнули, согласно и понимающе закивали головами, проводив приехавших к выходу.

Хрущев все же немного поспал и встал в 8 утра не по необходимости, а из-за колотившей его тревоги. Он не находил себе ни места, ни занятия, все время ожидая неминуемого звонка. Игнатьев позвонил в третьем часу дня.

— Охрана опять звонит — Сталин не запросил завтрак и не выходит. Они спрашивают, что делать?

Хрущев уже был готов к такому развитию событий.

— Так, позвони им минут через пять и скажи, что ты лично по прямому телефону переговорил со Сталиным, и он сказал, что «Боржоми» у него есть, а ничего остального он пока не хочет. Пусть охрана не беспокоится. Ну и выскажи охране свое мнение, что Сталину, дескать, неудобно за ночное происшествие.

— Понял, — подтвердил Игнатьев, — вам перезвонить?

— Если что-то будет не так.

Никита по-прежнему не знал, чем отвлечься от этого тягостного ожидания. Пытался играть в домино с сыном Сергеем, но даже эта игра у него не получалась. Наконец семья пошла спать, а он в кабинете делал вид, что изучает документы. И в первом часу ночи на понедельник 2-го марта позвонил Игнатьев.

— Охрана в панике, кричат, что сейчас будут звонить всем, может, кому уже и позвонили. Они все же зашли к Сталину в спальню, а он лежит, как они и мы его в ночь на воскресенье оставили.

— Позвони и запрети паниковать, скажи, что мы выезжаем. У меня машина здесь, я сам доеду, подожду тебя на повороте.

— Брать врача?

— Уже не надо.

Хрущев и Игнатьев вошли в дом Ближней дачи, не раздеваясь.

— Так, — сказал Хрущев жестко глядя на новую смену телохранителей и Бутусову, — партия и весь советский народ доверили вам жизнь товарища Сталина, а вы, когда он потерял сознание, даже не позвонили?!

Телохранители Старостин и Туков опешили, как от удара по голове, Старостин бессильно опустился на стоявший у стены стул.

— Как не позвонили??? Мы же…

Хрущев, не слушая его, повернулся к Игнатьеву.

— Тебе звонили?

— Нет, — угрожающе ответил Игнатьев, — никто не звонил!

На лицах охраны вспыхнул беспредельный страх. «И этим мы доверяем свои жизни!», — вдруг некстати подумал Никита, но тут же вернулся к начатому разговору — охрану Сталина надо было додавливать, пока она не пришла в себя.

— Значит так, слушайте меня внимательно. Все, что делается, делается по решению Политбюро и во имя нашей большевистской партии и советского народа. Подробности вам знать не полагается. Упаси вас господь хоть кому-нибудь хоть полслова сказать о том, что вы видели или знаете! До седьмого колена уничтожим! — Хрущев говорил властно и уверенно, ведь эти охранники понимают, что Сталина уже нет, а они с Игнатьевым живы и вполне могут осуществить любую свою угрозу. — Мы сейчас уедем, а вы в семь утра позвоните товарищу Игнатьеву и сообщите, что видели товарища Сталина живым и здоровым до 4 утра, а в 7 часов он внезапно встал с постели и упал на пол. Запоминайте! — почти рычал Никита. — Сегодня в 4 утра он был здоров, а в 7 вы его нашли лежащим на полу! Поняли?!

— Поняли, — со страхом и растерянностью подтвердили Старостин, Туков и Бутусова.

— И если хоть мысль придет хоть кому сказать иное, то лучше сразу себе языки поотрывайте!

— Вы работники МГБ и знаете, что такое тайна, и какова ответственность за ее разглашение, а я министр МГБ и держать язык за зубами — это мой вам официальный приказ! — дополнил Хрущева Игнатьев.

Они вышли на крыльцо.

— Разболтают, может и не сразу, но разболтают! — отчаивался Игнатьев.

—Не паникуй, мы их сразу вышлем из Москвы, ну, а дальше... а дальше будет видно.

Заработавшегося в ночь на понедельник Берию разбудили в восемь утра, а к девяти его шофер на максимальной скорости подъезжал к Ближней даче и попытался обогнать идущую впереди машину, но Берия не дал это сде-

лать, когда понял, что та везет врачей: Здороваясь кивками с уже прибывшими членами Правительства и Президиума, он подошел к дивану, на котором лежал Сталин. Возле дивана толпились медицинские светила, а главный терапевт СССР, профессор Лукомский как-то нерешительно трогал Сталина за руку.

— Вы же врач, обследуйте, как полагается! — рыкнул на него Берия и, окинув взглядом всех врачей, добавил. —Головой за него отвечаете!

Лукомский стал энергично пальпировать Сталина, стоявший рядом профессор срочно вложил в уши стетоскоп. Берия обернулся и увидел подходившего к нему Хрущева.

— Никита, как это случилось?

— Давай выйдем, не будем мешать врачам.

Они вышли сначала в коридор и оттуда пошли на кухню, но там Василий Сталин весь в слезах яростно выколачивал пробку из бутылки с водкой со словами:

— Сволочи! Сволочи! Угробили отца, сволочи!

А в углу, уткнувшись лицом в стену, выла Валентина Истомина, ее пыталась успокоить тоже плачущая Бутусова, во взгляде которой при виде Хрущева промелькнул явственный страх затравленного животного. Хрущев быстро закрыл дверь на кухню, и они зашли в комнату правительственной связи.

— В 4 утра вроде был полностью здоров, а в 7 поднялся, видимо, воды выпить — возле него бутылка «Боржоми» лежала, и упал. Игнатьев позвонил мне, я примчался и уже отсюда мы с Маленковым стали всех вызывать.

— Как некстати, как некстати, — застонал Берия, — а впрочем, когда бы это его смерть была кстати? — горестно резюмировал он.

— Да он же не умер,— напомнил Никита,— не хорони раньше времени — нехорошо!

— Правильно, — очнулся Берия, — идем-ка к нему!

Они вернулись к постели Сталина. Профессор Лукомский, от имени консилиума, объявил диагноз:

— Инсульт. То есть, кровоизлияние в мозг, с потерей сознания, речи, параличом правой руки и ноги. Очень тяжелый инсульт...

Берия корректно и вежливо, но тоном не допускающим возражений, заявил присутствующим врачам как бы от имени Правительства и Президиума:

— Вы отвечаете за жизнь товарища Сталина, вы это понимаете? Вы должны сделать все возможное и невозможное, чтобы спасти товарища Сталина. Все, что для этого нужно, у вас будет немедленно. Нас не спрашивайте, что вам делать, — все, что считаете нужным, делайте!

Все оставшиеся дни Лаврентий практически не уходил от ложа умирающего Сталина. Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного, — Сталин иногда открывал глаза, но это было без сознания, или в затуманенном сознании. Берия глядел, впиваясь в эти затуманенные глаза, пытаясь своим взглядом добавить вождю хоть немного сил.

Хрущев, с заплаканными красными глазами, подходил к каждому вновь прибывшему. Пожимал руку со словами: «Как же мы теперь будем-то? Какое горе!!» — но в ответных соболезнованиях партийных чиновников видел не только горе, и не только страх перед тем, как они будут без Сталина, но и огромное облегчение от того, что теперь-то уж все вновь будет по-старому.

Никита экстренно созвал летучее совещание Президиума прямо на даче.

— Товарищи, нужно что-то объявить народу. Думаю, не правильно было бы объявлять, что это горе случилось с товарищем Сталиным во время сна. Я думаю, история нас не осудит, если мы немножко обманем народ и объявим, что удар настиг его в кремлевском кабинете — на рабочем посту.

Возразить было нечего — все с этим согласились, а Хрущев, «беспокоясь о государственных и партийных интересах», все расспрашивал и узнавал мнение членов Президиу-

ма и Правительства о том, как им быть, если Сталин умрет. И, к своему удивлению, он увидел, что на должности Сталина в партии и государстве не только никто не претендует, но этих должностей просто боятся из-за той ответственности, с которой эти должности были сопряжены. Более, того, он понял, что почти все хотели бы видеть на месте Сталина какого-то слабого человека, чтобы можно было и не нести ответственности Сталина, и командовать первым руководителем страны. Заместители Сталина в Правительстве и министры (кроме Берии, с которым Хрущев эту тему не обговаривал, понимая, что именно Берии нужно быть главой СССР) показывали скрытое желание, чтобы главой СССР был Маленков — канцелярский работник, который за свою жизнь даже областью не руководил. Все были уверенны, что Маленков по этой причине будет принимать такие решения, которые его замы и министры ему подскажут.

Прощупывая почву дальше, Никита с удивлением убедился, что по этой же причине все партийные чиновники хотели бы видеть во главе партии его! Риск, на который Хрущев пошел, спасая свою жизнь, давал значительно большие дивиденды, чем он мог надеяться! Его, конечно, злило это пренебрежение собой: но вы меня первым сделайте, а уж потом посмотрим, как вы будете мной командовать, — думал Никита.

Утром четвертого марта под влиянием экстренных лечебных мер в ходе болезни Сталина как будто наступил просвет. Он стал ровнее дышать, даже приоткрыл один глаз, и присутствовавшим показалось, что во взоре его мелькнули признаки сознания. Больше того, им почудилось, что Сталин будто хитровато подмигнул этим полуоткрывшимся глазом: ничего, мол, выберемся! Берия как раз находился у постели. Увидев эти признаки возвращения сознания, он опустился на колени, взял руку Сталина и поцеловал ее. Однако признаки сознания вернулись к Сталину лишь на несколько мгновений.

К концу этого дня под влиянием Хрущева все согласились, что тянуть дальше нельзя, — как бы ни было, но если даже Сталин не умрет, то он уже не работник. Нужно принимать решение по назначению исполняющих обязанности занимаемых Сталиным должностей. И Хрущев на пятое марта назначил объединенное заседание Совета Министров СССР и Президиума ЦК КПСС. Берия ехать на это заседание отказался и остался у постели умирающего вождя.

Заседание прошло, как по маслу. С некоторым страхом Хрущев взял быка за рога.

— Товарищи! Ленинские принципы борьбы за Коммунизм требуют непрерывного руководства обществом со стороны нашей большевистской партии. Есть предложение выделить из состава Президиума ЦК КПСС десять человек и создать из них группу для руководства политическими вопросами.

Все понимали, что воссоздается Политбюро, все понимали, что уничтожаются не только идеи Сталина, но и решение XIX съезда партии[4], но все потупили глаза и единодушно проголосовали «за».

— Предлагается также сократить число секретарей партии до пяти человек, как было при товарище Ленине.

И в этом вопросе убивались идеи Сталина, и по нему, потупив глаза, все проголосовали «за». Очередной вопрос внес на рассмотрение Маленков.

— Товарищи! Есть предложение назначить товарища Хрущева координатором работы секретарей ЦК.

Маленков не мог сказать ни «генеральным», ни «первым секретарем» — уж очень циничным было бы это на фоне того, что эту должность отказывался занимать сам Сталин и еще в 30-х ее упразднил. Маленков с Хрущевым нашли новый термин — «секретарь-координатор». Все снова единодушно проголосовали «за».

Теперь Хрущев предложил назначить Маленкова вместо Сталина исполняющим обязанности председателя Совета Министров СССР.

— Справится ли? — засомневался Каганович.

— Но у него же остаются первыми заместителями товарищи Берия и Молотов.

— Ну, что же, дай бог! — согласился Каганович.

Других возражений не было.

— Товарищи! — продолжил Хрущев. — Вы помните предложение товарища Сталина объединить МГБ и МВД под руководством товарища Берии. Как раз в пятницу мы у товарища Сталина обсудили все подробности этого объединения, все готово. Есть предложение осуществить эту волю нашего дорогого товарища Сталина.

Все члены Президиума несколько напряглись, и Никита прекрасно понимал их. Они не боялись того, зачем Сталин назначал Берию министром МВД, — не боялись расследования убийства Жданова. Они боялись другого. Раньше МГБ, а теперь объединенный МВД следил за каждым из них — за их моральным обликом. А Берия в отношении этого был, пожалуй, похуже Сталина. Он мог и не простить некоторые «слабости товарищей по партии». Быть под контролем Берии никому не хотелось.

Конечно, назначения Берии министром МВД больше всех боялся сам Хрущев — Никита не сомневался: если Берия возьмется за расследование убийства Жданова, то до него докопается обязательно. Но по этой же причине Хрущев не мог сам возражать против вступления Лаврентия в должность министра МВД — никто не должен был догадываться, что Хрущев как-то заинтересован в этом расследовании. Правда, у Хрущева уже созрел план, идея которого возникла еще за последним ужином у Сталина. Он был уверен, что Берия еще долго провозится с евреями, а месяца через два можно будет послать в МВД комиссию и обвинить Берию в аресте невиновных евреев. Снять его с должности министра и больше не допускать к политической работе, оставив ему только хозяйственную работу, в которой, как Хрущев знал, Берии равных не было. «Как было бы хорошо,— думал Хрущев,— если бы я был вождем партии и советского народа, а Лаврентий — председателем Сове-

та Министров!» Но Никита отогнал от себя эти преждевременные мечты и терпеливо ждал, чтобы кто-то возразил против назначения Берии в МВД. Но все молчали. «Ну, трусы!» — подумал Никита, и первым поднял руку «за». Все потянулись за ним.

Но следующим вопросом Хрущев предлагал членам Президиума конфетку.

— Товарищи! У нас освободился от работы член Президиума товарищ Игнатьев — опытный и талантливый партийный работник. Предлагаю назначить его на должность секретаря ЦК, поручив ему контроль за правоохранительными органами.

Все повеселели, поняв, кто будет контролировать работу Берии, и единодушно проголосовали «за»!

И так, один за другим, Хрущев и Маленков поставили на рассмотрение членов Президиума и Совета Министров 16 вопросов и за 40 минут все их решили! Хрущев сам удивился, как оказалось легко вести за собой это стадо осиротевших без Сталина партийных чиновников.

А на Ближней даче, Сталин, видимо почувствовал, что его «товарищи» его предали, — было видно, что сердце Сталина останавливается, и счет пошел на секунды. Врач-реаниматор Чеснокова обнажила грудь Иосифа Виссарионовича, и они с профессором Неговским начали попеременно делать массаж — он пятнадцать минут, Чеснокова пятнадцать минут. Массаж делали уже больше часа, пока не стало ясно, что сердце завести не удастся. На часах было 21:30, Берия сказал: «Хватит!». Глаза у Сталина были широко открыты, и Лаврентий ладонью закрыл их.

ПРОЩАНИЕ

Комиссию по организации похорон Сталина возглавил Хрущев.

Совесть подспудно упрекала его, что он теперь настоящий убийца — тот, кто убил своими руками, и что ему те-

перь нет и не может быть никакого прощения ни от кого на свете. И Никита глушил этот слабый голос совести мыслями о том, что он спас ленинскую партию большевиков от преступных посягательств Сталина на ее власть, он убеждал себя в правоте своего дела, и от этого его ненависть к убитому им Сталину все время возрастала. Никто не умеет так ненавидеть, как предатель ненавидит того, кого он предал, а Хрущев был еще и убийцей, все время искавшим себе оправданий.

Он был, пока, неофициальным, но главой партии, и ему полагалось выступить с прощальным словом на похоронах Сталина. Но Хрущев не хотел, чтобы «спасенная им партия» прощалась со своим «тираном», и сумел отговориться от этой обязанности, мотивировав ее своим неумением красиво говорить и тем, что есть «более заслуженные товарищи». В результате со Сталиным прощалась только Советская Власть — только правительство СССР — председатель Совета Министров Маленков, первый заместитель председателя Совмина Берия и еще один первый заместитель — Молотов. Ни один секретарь ЦК КПСС на похоронах не выступил.

Как только Берия увидел, что Президиум вновь создал Политбюро и тихой сапой уничтожает и вновь принятый Устав КПСС, и Конституцию СССР, он выступил против. Связанный партийной дисциплиной, он пока не мог решиться, заявить об этом всем, но считал ниже своего достоинства унижать себя до хитростей. Да, Берия понимал, что он практически один, но его это не останавливало — уже в своей речи на похоронах Сталина он заявил всем партийным чиновникам «иду на вы!», и заявил это так, что они не могли не понять.

От революции в официальных речах и документах исполнительную власть страны называли только так — «Коммунистическая партия и Советское Правительство». Партия на первом месте и не иначе! То есть говорили: «Коммунистическая партия и Советское правительство ведут совет-

ский народ к коммунизму», или: «Коммунистическая партия и Правительство СССР обеспечили победу в войне», и т.д. Причем, можно было упомянуть только партию, но упоминание только правительства без партии было равносильно официальному отказу от партии и от своего членства в ней.

Партийные чиновники на Конституцию просто не обращали внимания. Зачем она нужна, если сами эти чиновники способны был с помощью Политбюро обеспечить принятие какого угодно закона и как угодно изменить саму Конституцию? Напоминание о ней было равносильно напоминанию в армии самодуру-начальнику, что и он обязан подчиняться общеармейскому Уставу. Возразить на это начальнику будет нечего, но он воспримет ваше заявление как попытку покуситься на его личную власть и будет смотреть на вас как на личного врага.

На похоронах Берия говорил после Маленкова перед Молотовым. В речах Маленкова и Молотова во всех случаях, где по смыслу нельзя было обойтись без правительства, они, как и полагается, упоминали его только вместе с партией, и только после партии: *«Коммунистическая партия Советского Союза, Советское Правительство считают, что самой...», «Коммунистическая партия, Советское Правительство стоят на том, что...», «Мы должны еще теснее сплотиться вокруг Центрального Комитета нашей партии, вокруг Советского Правительства»*. И, разумеется, ни тот, ни другой не упомянули о Конституции, которая тогда официально называлась по имени своего автора — Сталина.

Берия в общих местах тоже говорил о партии и правительстве, но когда дошел до знакового места, до сути речи, до того, как страна будет жить без Сталина, то Берия резко поменял акценты: *«Рабочие, колхозное крестьянство, интеллигенция нашей страны могут работать спокойно и уверенно, зная, что Советское Правительство будет заботливо и неустанно охранять их права, записанные в Сталинской*

Конституции». Для партийных чиновников это был удар током — Берия вознамерился вести страну дальше без партии, т.е. без них, — он обещает народу беречь его права, которые дают народу не они — партийные чиновники, а какая-то там Конституция?!

Когда он окончил речь и отошел от микрофона, то оказался рядом с Микояном. Тот, прищурившись, вполголоса произнес.

— В твоей речи есть место, чтобы гарантировать каждому гражданину права и свободы, предусмотренные Конституцией. Это и в речи простого оратора не пустая фраза, а в речи министра внутренних дел — это программа действий. Собираешься ее выполнять?

— Выполню! — Берия в упор взглянул в глаза Микояну.

Микоян отвел глаза.

Вскрытие тела Сталина опасений у Хрущева не вызвало — никто не искал в теле ядов, да и тело спешили бальзамировать, чтобы выставить его для прощания. Все судят людей по себе, и Хрущев, люто ненавидевший Сталина, полагал, что прощаться со Сталиным придут только те, кому по должности полагалось это делать, — Никита не представлял размера народной любви к вождю. Вообще-то, московская милиция, дважды в год организующая миллионные шествия москвичей на 1-е Мая и 7-е Ноября, имела огромный опыт в проведении подобных мероприятий, но и она недоучла того, что произошло.

В стране остановилась работа предприятий и прекратилась учеба в учебных заведениях, массы бросились на вокзалы в надежде добраться до Москвы. Власти выпустили из рук контроль за ситуацией, и Москва оказалась переполнена людьми, рвавшимися в Октябрьский зал, в котором было выставлено для прощания тело Сталина. Возникла давка, в которой погибло много народа, поскольку никто не ожидал такого скопления людей. И только через сутки порядок был наведен, в основном за счет того, что все подъезды к Москве и вся Москва была перекрыта кордонами, и

к прощанию со Сталиным допускали только организованные делегации.

Скорбел весь мир, и даже враги Сталина, из тех, кто не потерял благородства, вынуждены были сказать о том, кого потеряло человечество. Будущий президент Франции Шарль де Голль, яростный противник коммунизма, в интервью на смерть Сталина сказал: *«Сталин имел колоссальный авторитет, и не только в России. Он умел «приручать» своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него было больше, чем поражений...».*

Это перепугало Президиум ЦК — партийные чиновники хотели, чтобы народ и мир как можно быстрее забыл бы о Сталине и, главное, о его передаче власти в СССР от партии Советам. Поэтому уже 10 марта Президиум собрался с единственным вопросом — как реагировать на это всемирное преклонение перед Сталиным. Маленков высказал общее мнение: «Считаем обязательным прекратить политику культа личности...» — а Хрущеву поручалось установить строгую цензуру и следить за материалами о Сталине на стадии подготовки к публикации. Уже к концу марта имя вождя практически перестало упоминаться в печати Советского Союза.

Глава 11

УБИЙСТВО БЕРИИ

100 ДНЕЙ БЕРИИ

Все это не укрылось от Берии, но у него пока не было ни сил, ни времени противостоять упорному возвращению себе власти партийным чиновничеством.

Помимо огромного добавившегося объема работ, связанных с объединением МГБ и МВД, у Берии резко увеличился объем работ в Правительстве. Маленков не знал, как решать те вопросы, которые Сталин решал лично сам, и Маленков постоянно собирал совещания Совета Министров, постоянно отсылал вопросы для решения в Президиум, где сам же их и обсуждал, но уже с новыми участниками, — рабочее время уходило бездарно, а решений не было! Верхушка СССР как бы обмякла и расслабилась — никто не хотел лишних проблем и тревог, никто не хотел дополнительной работы и взятия на себя ответственности за государственные решения. Берия с удивлением отметил, что он, по сути, остался единственным генератором идей, а остальные только критиковали его и раздражались тем, что от идей Берии возникают лишние тревоги и хлопоты. Коечто, сделать все же удавалось, но меньше, чем это было бы сделано при Сталине.

По крупным вопросам умственно зажиревших чиновников невозможно было сдвинуть с места. По сообщениям из ГДР, там назревал мятеж.

— Поймите, товарищи, — убеждал Берия Президиум, — ни нам, ни Коммунизму проводимая нами насильственная

социализация немцев в ГДР ничего не дает и только вредит. Американцы по плану Маршалла вкачивают в ФРГ огромные средства — гораздо больше, чем в Англию или Францию. За счет этого материальный уровень жизни в ФРГ гораздо выше, чем в ГДР, и это компрометирует социализм. Немцы из ГДР бегут в ФРГ, убежало уже около полумиллиона человек. В ГДР назревает мятеж, мы его подавим, но от этого наш авторитет у немцев еще больше упадет — нас будут сравнивать с фашистами.

— Что ты предлагаешь конкретно? — раздраженно спросил Молотов, который был министром иностранных дел и считал такие вопросы своими, а не Берия.

— Надо немедленно выступить с идеей объединить ФРГ и ГДР...

— Как?! Прекратить строительство социализма в ГДР? Предать дело Ленина? — перебил Берию Маленков.

— При чем тут Ленин? Когда было нужно, Ленин отдал и Польшу, и Финляндию! Раз мы выступим с идеей объединения Германии, то у нас будет инициатива — немцы нас будут считать отцами объединенной Германии, а мы потребуем обязательным условием нейтралитет новой Германии и соответствующего статуса коммунистов в ней! Если мы будем медлить, то американцы вовлекут ФРГ в НАТО, а немцы — это чуть ли не вся Европа. Зачем нам такие враги?

— Мы не можем предать дело Коммунизма в Германии, — тупо твердили члены Президиума, надеясь, что с ГДР дело само собой как-нибудь устроится.

И так было по многим вопросам — энергия Берии приводила к тому, что ему завидовали и относились к Берии все более и более враждебно. Подливало в огонь масло и то, что Берия, невзирая на изменения в управлении партии, проведенные после смерти Сталина, упорно настаивал на том, что делом партии является только пропаганда и подбор кадров, а остальное — это дело Правительства СССР. С ним не спорили, а отводили глаза и все равно несли вопросы в Президиум для их решения там, а не в Правительстве, все рав-

но исполняли все решения Президиума, даже если они касались сугубо государственных вопросов.

Но особо тяжело было в МВД. Берии достался аппарат МВД-МГБ, в котором 7 лет хозяйничали Абакумов, Игнатьев, Круглов и Серов, т.е. аппарат был достаточно разложившимся. Нужны были честные люди, которых надо было найти в этом аппарате или привлечь со стороны. Таких людей было очень мало, кроме того, за годы отсутствия Берии в МВД многие погрязли в обывательщине и не хотели уходить от спокойной жизни. Берия перевел на Украину министром МВД Мешика из Спецкомитета, вернул из заграницы и сделал своим первым заместителем Кобулова, но Меркулов, на которого Берия имел столько надежд, не захотел вернуться в МВД. Правда, Берия принял экстренные меры к освобождению из тюрьмы ряда арестованных вместе с Абакумовым сотрудников МГБ и МВД, которым он верил, но этого было мало.

Думая в свободное от иных дел время над тем, кто же мог состоять в заговоре, он обратил внимание на то, что Игнатьев, фактически саботировавший расследование, вместо того, чтобы быть разжалованным, стал его партийным начальником, да еще и по протекции Хрущева. Это впервые заставило Берию заподозрить Никиту, которому до этого Лаврентий, безусловно, верил. Более того, он обратил внимание, что работники МВД исполняют его задания с оглядкой на секретаря ЦК Игнатьева, и смотрят на самого Берию, как на человека временного. Подумав над причинами этого, Берия понял, что его заманивают в ловушку, и этой ловушкой являются арестованные врачи-евреи.

Просмотрев их дела еще раз, Берия вызвал начальника следственного Управления.

— Все врачи, сидящие у нас, арестованы по 58-й статье за измену Родине. Все разумные сроки следствия уже прошли. Я даю всем следователям еще две недели, за которые вы обязаны предъявить всем врачам обвинения по 58-й статье. И ни по какой иной! — предупредил Берия. — С остальны-

ми их грехами по другим статьям Уголовного кодекса потом разберутся. Если через две недели вы будете неспособны предъявить прокуратуре обвинительные заключения по 58-й, всех врачей немедленно освободить!

— Но, товарищ Берия!

— Никаких но! Исполняйте!

А через две недели Берия, никому ни о чем не сообщая, своей властью приказал газете «Правда» опубликовать сообщение МВД об освобождении 28 врачей и 9 членов их семей, в котором были следующие слова:

«...Проверка показала, что обвинения, выдвинутые против перечисленных лиц, являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия.

На основании заключения следственной комиссии, специально выделенной Министерством внутренних дел СССР для проверки этого дела, арестованные ВОВСИ М.С, ВИНОГРАДОВ В.Н., КОГАН Б.Б., ЕГОРОВ П.М, ФЕЛЬДМАН А.И., ВАСИЛЕНКО В.Х., ГРИНШТЕЙН А.М., ЗЕЛЕНИН В.Ф., ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Б.С., ПОПОВА НА., ЗАКУСОВ В.В., ШЕРЕШЕВСКИЙ Н.А., МАЙОРОВ Г.И. и другие привлеченные по этому делу полностью реабилитированы в предъявленных им обвинениях во вредительской, террористической и шпионской деятельности и, в соответствии со ст. 4 п.3 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР, из-под стражи освобождены».

После того, как Хрущев прочел в «Правде» это сообщение, у него по коже поползли мурашки — он понял, что Берия ему уже не верит и начал драться самостоятельно. Этим сообщением Берия фактически «убивал» Игнатьева — ведь это при нем были арестованы эти врачи, при нем от них до-

бивались признаний «запрещенными приемами». И в тот же день Хрущев получил служебную записку Берии, в которой тот просил исключить Игнатьева из партии и дать согласие ЦК на его арест.

Хрущеву пришлось срочно обзвонить всех членов ЦК, получить от них согласие на освобождение Игнатьева не только от должности секретаря ЦК, но и на исключение из членов ЦК. Однако Хрущеву удалось пока передать дело Игнатьева на расследование комиссией ЦК, а ее председателю он дал понять, что спешить никуда не надо. Для Берии Игнатьев был пока недоступен. Но это был не последний удар Берии.

В один из вечеров Лаврентий, освободившись от текущих дел, в мыслях вновь вернулся к делу о смерти Жданова.

Вполне вероятно, думал он, что врачи действительно прошляпили у Жданова инфаркт. Пусть и преступно, но вполне понятно, что они свой промах попытались скрыть. Понятно и поведение Власика — этот дурак пытался избежать обвинения в том, что он принял на работу таких врачей. Но Абакумов почему скрывал и смерть Жданова, и смерть Щербакова? А если Жданов был отравлен ядом скрытого действия и Абакумов об этом знал?? Тогда понятно, что Абакумов скрывал подробности смерти Щербакова, чтобы не навести на мысль проверить смерть Жданова. Но ведь Рюмин всех евреев вывернул наизнанку — не виновны они в терроре против Жданова... Да, тупик! А если,— Берия даже похолодел, — а если это свои, и Абакумов их исполнитель? Если это кто-то из высшего руководства? Но кто и зачем ему это? Борьба за власть? Какая? Вот умер Сталин, и власть отдали самым слабым, на нее никто иной и не пытался претендовать. Стоп? А смерть Сталина? Он умер своей смертью или отравлен?

Тут Берия с удивлением отметил, что не знает никаких подробностей смерти Сталина, кроме сообщенных ему Хрущевым утром 2 марта. В подозрение о том, что и Сталин отравлен, не хотелось верить, но оно гвоздем засело в мозгу.

Ладно, подумал Берия, кто в заговоре, пока понять невозможно. Но где они взяли яд? Ведь не из-за границы им его привезли. А у нас яд был только в МГБ у Абакумова. Нет, вспомнил Берия, не у Абакумова, а у тихого и незаметного Огольцова. Так, кажется, Огольцов — это тот конец ниточки, за который можно распутать весь клубочек. Ну, и надо бы узнать побольше подробностей о последних часах жизни Сталина.

На следующий день он приказал арестовать Огольцова пока за преступную халатность в хранении ядов. Огольцов все категорически отрицал. Теперь предстояла длительная работа по проверке документации, связанной с ядами, с целью понять, мог ли Огольцов изъять из хранения яд так, чтобы по бумагам это не было видно?

Спустя несколько дней Берия нашел свободное время в своем недельном графике и распорядился вызвать к себе телохранителей Сталина, дежуривших 1 и 2 марта. Но тут выяснилось, что все телохранители и весь обслуживающий персонал сразу же после смерти Сталина были высланы из Москвы по распоряжению ЦК. Берия позвонил Хрущеву.

— Послушай, Никита, — пытался удержать прежний дружеский тон Берия, — хотел кое-что узнать у бывшего прикрепленного Сталина, — Берии удалось быстро вспомнить одну из фамилий, — Хрусталева. И тут выяснилось, что по твоему указанию вся обслуга Сталина выслана из Москвы. Почему?

Хрущев этот вопрос давно ожидал.

— Да мы же договорились, что объявим, что Сталин умер в Кремле, вот мы и решили выслать их на работу в другие города, чтобы не проболтались о том, где он умер на самом деле.

Логика в этом была и Берия, поблагодарив Никиту, положил трубку и вызвал помощника.

— Разыщите, где служит бывший прикрепленный Сталина Хрусталев, и организуйте его приезд ко мне для беседы.

Через три дня помощник растерянно доложил:

— Я с этим Хрусталевым созвонился и договорился, что он приедет сегодня. Но он не приехал, я позвонил ему домой, и выяснилось, что он вчера умер.

Берии стало понятно, что, во-первых, подозрения об убийстве Сталина имеют все основания, во-вторых, его врагам известен каждый его шаг, а он до сих пор не подозревает, кто это может быть, вернее, уже подозревает всех, но не имеет ничего определенного — ни одного конкретного факта. Стало понятно и другое — его попытки допросить свидетелей и подозреваемых будут кончаться их смертью, поэтому главным стало сохранить свидетелей.

Берия вызвал двух сотрудников, которых хорошо знал еще с военной поры и которым верил, и приказал немедленно и тайно арестовать и поместить во внутреннюю тюрьму на Лубянке лечащего врача Сталина, а начальника тюрьмы предупредил, что тот головой отвечает за жизнь Огольцова и Смирнова. Смирнов тоже ото всего отказался, упорно заявляя, что его вызвали к Сталину только 2 марта, но по этому врачу было видно, что он врет. Положение усложнялось тем, что нельзя было допустить на стадии следствия никаких слухов о возможном убийстве Сталина, и допрашивать подозреваемых желательно было самому, а времени для этого катастрофически не хватало.

Возникла и еще проблема — Берии донесли, что Василий Сталин запил и часто в пьяном разговоре утверждает, что его отец убит, более того, высказал намерение пойти в китайское посольство и там все рассказать. Стало понятно, что Василия скоро убьют, поэтому Берия вновь вызвал доверенных людей.

— Арестуйте Василия Сталина, — Лаврентий задумался, — скажем, по подозрению в хищениях на посту командующего ВВС Московского военного округа. Поместите в одиночку и предупредите начальника тюрьмы, что жизнью отвечает за жизнь Василия. Пусть каждый суп, каждый ку-

сок хлеба для Василия сам пробует! Допрашивать пока не надо.

Обезопасив свидетелей, можно было начинать расследование смертей Жданова и теперь уже Сталина, но невозможно было выкроить на это время из-за обилия других, не менее важных дел.

В Западной Украине и в Литве шла война с националистическим подпольем, и после вступления Берии в должность министра внутренних дел он начал отвечать за победу в этой войне. О величине проблемы, вставшей перед Берией, говорят числа. Только на Западной Украине с момента окончания Великой Отечественной войны, с 1945 года, бандеровцы убили 55 тыс. советских граждан, в том числе 2622 активиста и партработника, 582 председателя сельсовета, 1930 учителей и врачей, более 25 тыс. военнослужащих, пограничников и милиционеров. Ответными мерами разным видам репрессий подверглось до 500 тыс. человек местного населения, в том числе арестовано более 134 тыс., убито более 153 тыс., выслано навечно из пределов УССР более 203 тыс. человек. И конца этого противостояния не было видно.

Берия затребовал подробнейшие данные по Украине и Литве и понял, что только репрессиями вопрос решить нельзя. Да, этих националистов науськивает НАТО, да, НАТО платит им деньги, но сколько идиотов согласится только за деньги умереть в стычках с советской милицией? Значит, есть более глубокие корни! Лаврентий начал их изучать, и на заседании Президиума ЦК 26 мая он говорил.

— Мы, советская власть, в западных областях Украины и в Литве имеем вид оккупантов, а не народной власти! — И, несмотря на то, что многие члены Президиума явственно поморщились от таких слов, Берия продолжил: — Так, например, из 311 руководящих работников областных, городских и районных партийных органов западных областей Украины только 18 человек из западноукраинского населения. Как это понять?

Из 1718 профессоров и преподавателей 12 высших учебных заведений города Львова западноукраинцев 320 человек, в составе директоров этих учебных заведений нет ни одного уроженца Западной Украины, а в числе 25 заместителей директоров только один является западным украинцем.

Но это ведь не восточные украинцы, которые с детства знают русский язык, это западные украинцы, которые русского не знают. Так как тогда понять, что преподавание подавляющего большинства дисциплин в высших учебных заведениях Западной Украины ведется на русском языке? Например, в Львовском/торгово-экономическом институте все 56 дисциплин преподаются на русском языке, а в лесотехническом институте из 41 дисциплины на украинском языке преподаются только четыре. Аналогичное положение имеет место в сельскохозяйственном, педагогическом и полиграфическом институтах г. Львова.

Понятно, что у нас после войны осталось не у дел огромное количество партийных работников, но надо ли было пристраивать их на работу в национальных республиках, более того, надо ли было пристраивать туда тех, кто не желал и не желает изучить местный язык?

Литва с 1917 г. по 1940 г. не была в составе Советского Союза, русский язык там не преподавался, и на нем не разговаривали. А Западная Украина вообще никогда в составе России не была. Граждане этих республик просто не знают русского, и нужна пара десятилетий, а то и более, чтобы русский стал в этих районах разговорным.

Вы же знаете, что у Литвы и до присоединения была очень сильная компартия, она в подполье издавала даже детские сатирические журналы, у литовцев всегда было и сильное стремление к Союзу. Но мы в Литву послали представителей, которым лень учить литовский язык, и эти чиновники для удобства своего общения с подчиненными стали и внизу менять литовцев на тех руководителей, кто хорошо знает русский язык.

У нас в Литве председателем Бюро ЦК ВКП(б) был товарищ Суслов. Вот, к примеру, что свидетельствуют данные агентурного наблюдения МГБ о тогдашней его работе: *«...Лично т. Суслов работает мало. Со времени организации Бюро ЦК ВКП(б) около половины времени он провел в Москве, в несколько уездов выезжал на 1 — 2 дня, днем в рабочее время можно часто застать его за чтением художественной литературы, вечерами (за исключением редких случаев съездов или совещаний) на службе бывает редко»*. Сейчас товарищ Суслов у нас секретарь ЦК по пропаганде, не знаю, может, он с того времени исправился и стал более трудолюбивым, но в Литве он оставил вот какое наследство.

Партийные, советские и хозяйственные органы, как в центре, так и на местах, катастрофически не обеспечены руководящими кадрами из коренного литовского населения республики. Например, из четырех заместителей Председателя Совета Министров Литовской ССР только один является литовцем. В аппарате ЦК КП Литвы из 15 заведующих отделами литовцев только 7, в Вильнюсском обкоме из 16 заведующих отделами и секторами всего 3 литовца, в аппарате Каунасского горкома из 8 заведующих отделами литовец только один, из 22 лекторов ЦК и обкомов КП Литвы всего 6 литовцев. В аппарате бывшего Министерства государственной безопасности Литовской ССР в составе 17 начальников отделов лишь один литовец, из 87 начальников райотделов МГБ литовцев всего 9 человек, а из 85 начальников райотделов милиции — всего 10 литовцев.

Даже в составе руководящих хозяйственных работников литовцы составляют меньшинство. Так, из 92 директоров совхозов литовцев только 27, из 132 директоров МТС только 53 литовца.

Надо же понять, что наличие на руководящих постах в партийных и советских органах людей, не знающих литовского языка, не знакомых с обычаями, культурой и бытом литовского населения, затрудняет сближение Советской власти с массами и дает пищу вражеским элементам для анти-

русской пропаганды. И надо ли удивляться, что с начала этого года литовские националисты уже убили 7 человек?

Логика у Лаврентия была железной, приводимые числа «убивали», его доклад коробил членов Президиума своей беспощадной прямотой, но крыть было нечем, и Президиум принял постановление в духе доклада Берии, хотя Берия и не был уверен, что это постановление будет внедрено в жизнь в полном объеме.

После окрепших подозрений в том, что Жданов и Сталин были убиты, после непонятных смертей коменданта Кремля и Хрусталева, сомнений в том, что борьба Берии может закончиться его собственной смертью, не осталось. Но Берия был мужчиной и не свернул бы с дороги только из-за того, что она смертельно опасна.

Кроме этого, он видел, как победить в этой борьбе. План был прост и естественен.

Да, Берия прекрасно понимал, что тысячи партийных чиновников, прекрасно устроившихся на партийных должностях, стали его врагами, поскольку он покусился на их власть, точнее — на их обеспеченную жизнь, которую давала им эта власть.

Но за Берией стоял советский народ! И чтобы сломить сопротивление партийного аппарата, Берии надо было обратиться прямо к народу. Он мог бы это сделать на съезде партии, но съезд собирался раз в четыре года. К пленуму ЦК обращаться было бесполезно — заседания ЦК были закрытыми, а члены ЦК в подавляющем числе и были партийными чиновниками. Но был Верховный Совет! И он собирался на свои сессии дважды в год. Оставалось только выступить на его сессии и объяснить, что Сталин передал всю полноту власти от партии народу, но партийная верхушка не хочет ее отдавать, и в нарушении Устава партии снова исподтишка возвратила власть себе.

Надо было показать, что партийные чиновники возвратили себе власть, чтобы иметь легкую работу и хорошее материальное обеспечение, чтобы своевольничать и брать

взятки, чтобы хапать то, что им не принадлежит. Для этого нужны были факты, и Берия вызвал начальника 1-го спецотдела МВД и дал ему задание.

— Свяжитесь со всеми начальниками управлений МВД СССР и передаете им мое приказание сдать на хранение в 1-й спецотдел министерства все оперативно-агентурные материалы, собранные на руководящих работников партийных и советских органов, — Лаврентий немного задумался, — в том числе на руководителей партии и правительства.

Все эти материалы к 25 мая были присланы в МВД, в том числе 248 опечатанных пачек с материалами техники подслушивания и наблюдения. Берия поручил Кобулову, которому безусловно доверял, выполнить предварительную обработку этих материалов.

Однако в начале июня случилось то, о чем Берия предупреждал Президиум, — в ГДР начался мятеж, и Берию, само собой, 17 июня послали в Берлин на его усмирение.

ПЛАНЫ

Положение Хрущева было не легче, чем у Берии. Поскольку Никита выступал за то, что было нужно всему аппарату партии, то его поддерживали все партийные чиновники, а тщательно создаваемый им имидж «своего парня», даже делал их откровенными. Но ведь они не знали, что Никита — убийца! Просочись только слух об этом, и они его в клочья разорвут! Участие в отравлении Жданова и личное отравление Сталина еще можно было отрицать, но как, при таком количестве участников и свидетелей, отрицать то, что Никита умышленно не оказал Сталину помощи?

Хрущев был одинок, как никто. Его влияние на МВД с каждым днем падало — руководство Берии давало себя знать. Игнатьев сам висел на волоске и помочь не мог, а после ареста Огольцова, лечащего врача Сталина Смирнова и Василия Сталина, Хрущеву стало ясно, что Берия вы-

шел на правильный путь расследования — путь, который вел к нему. Васька Сталин тоже был опасен для Хрущева — Никита хорошо помнил, что когда утром 2-го марта они с Игнатьевым обзванивали членов Президиума и сообщали о болезни Сталина, они Василию не звонили. Но он примчался! Значит, его вызвал кто-то из охраны Сталина. Василий кричал: «Загубили отца, сволочи!» — значит, охрана ему что-то сказала! Васька, конечно, сейчас всех боится, но Берия Ваську со временем разговорит!

В эти дни Хрущев почувствовал в себе волка, загнанного в угол. Никита практически инстинктивно, по-звериному, делал то, что вело к его спасению, но к июню положение было столь тяжелым, что и инстинкт ничего не подсказывал. И Хрущев методично делал единственное, что ему было доступно, — он грузил Лаврентия все новой и новой работой — он вытаскивал для решения Берией массу вопросов, которые объявлял сверхважными, он требовал присутствия Берии на всех совещаниях и заседаниях, — он стремился не оставить Берии времени для расследования. И это по его инициативе в Берлин полетел Берия, а не Молотов и не он сам.

Никита не хотел об этом думать, но уже давно, еще до убийства Сталина понял, что каким бы другом Лаврентий ни являлся, а его тоже нужно убить, он понимал, что и аппарат партии эту смерть воспримет с облегчением. Но как убить?

Хрущев уже давно начал искать для этого подходящих исполнителей, и на память ему все чаще и чаще приходил министр внутренних дел Украины Строкач, с которым в свое время Никита вместе работал более десяти лет. И когда Строкач в марте ему позвонил, жалуясь, что Берия его снял с должности и назначил всего лишь начальником УВД Львовской области, Никита подумал — а может, Строкач? Строкач был у Хрущева на очень большом крючке и знал, что если Хрущев кое-что вспомнит из его забытой биогра-

фии, то Строкачу конец! Но как Строкача уговорить пойти на убийство, которое и Строкачу грозило смертью?

Никита решил еще больше разозлить Строкача, и когда тот, выслуживаясь перед Никитой, позвонил ему из Львова и сообщил, что Берия затребовал из области материалы наблюдений за партийными руководителями, то Хрущев ему в несколько рекомендательной форме посоветовал эти материалы Берии не давать. Никита знал Берию и знал, что тот будет в жесткой, возможно, и оскорбительной форме требовать исполнения своего приказа, а это вспыльчивого и самолюбивого Строкача может привести в необходимую ярость. Но получилось даже лучше, чем Никита хотел. Берия, действительно, сначала криком и матом пытался заставить Строкача исполнить приказ, а потом вообще, видимо, что-то зная о Строкаче, снял его и с должности начальника областного УВД.

В двадцатых числах июня секретарь сообщил, что Строкач просится на прием, и Хрущев в тот же день назначил ему встречу.

— Тимофей Амвросиевич! Дорогой! Сколько же мы нэ бачилысь? — Хрущев с распростертыми объятиями встретил, вошедшего в кабинет Строкача.

— Никита Сергеевич! Що ж цэ творитьзя?! Меня! Генерал-лейтенанта!! Как шелудивого щенка?!! — выплескивалось негодование из обнявшегося и поздоровавшегося Строкача. — Когда Кирпонос сдал немцам Юго-Западный фронт, кто выводил киевский гарнизон из окружения? Строкач! Кто организовал партизанское движение на Украине? Строкач! Кто все эти годы дрался с бандеровцами? Строкач! А он, падлюка, меня на полковничью должность?! А потом вообще без должности?! За что? За то, что я преданный партии коммунист?!

Хрущев распорядился принести Строкачу чаю, усадил его за стол, а сам отошел к окну, делая вид суровой и глубокой задумчивости. Потом повернулся, подошел к Строкачу и ткнул в него пальцем.

— Ты — видишь, что он враг ленинской партии, а, значит, и враг народа! И я это вижу! — Никита ткнул пальцем себя в грудь. — Многие, почти все, это видят! — указал Никита пальцем на дверь. — А взять его нельзя — закона такого нету, — Никита беспомощно развел руками. — Хитер враг, коварен! На наших глазах губит дело Ленина, а мы беспомощны.

Строкача и такие слова, и театрализованное представление, конечно, удивили, но поскольку он хорошо знал Никиту, то не поверил ему ни на копейку. Однако решил, что будет выгодней молчать и дождаться, пока Хрущев сам скажет, чего хочет.

— Есть один путь спасения нашей большевистской партии и дела Ленина. — И, видя, что Строкач не собирается реагировать и делает вид внимательно слушающего, Никита решительно закончил мысль: — Убить его!

У Строкача на мясистом лице ни один мускул не дрогнул, что Хрущева обнадежило. После длинной паузы, Строкач спокойно спросил:

— Но как?

Хрущев, как бы сам оценивая, что говорит, начал рассуждать.

— Ты же знаешь, что когда наше трусливое кадровое офицерство начало тысячами сдаваться немцам в плен, когда оно стало удирать от немцев, то Сталин начал возрождать офицерскую честь. У нас и сейчас действуют офицерские суды чести, мы как-то даже обсуждали, не разрешить ли нам офицерам и дуэли. Короче, сегодня у нас офицерская честь, так сказать, в цене. В хорошей цене.

И представь, — продолжил Хрущев. — приходит к Берии какой-нибудь гордый генерал на прием, а Берия его материт и оскорбляет, и этот генерал в защиту своей чести достает пистолет и убивает врага партии. Думаю, что его сильно не накажут, но такой генерал в глазах коммунистов стал бы героем, настоящим героем! — Хрущев изучающее посмотрел в глаза Строкачу.

Тот взгляд Никиты выдержал, наклонился к Хрущеву и даже несколько зло ответил.

— Дорогой Никита Сергеевич, вы знаете, что я у вас вот где, — Строкач сжал левую ладонь в горсть. — Оно, конечно, может, я и стар, может, и выжил из ума, но не настолько, чтобы становиться Героем Советского Союза посмертно!

Хрущев отшатнулся, но появившееся было отчаяние от неудавшегося плана вдруг сменил еще один план, и даже лучше прежнего. Никита вскочил и вновь подошел к окну, теперь уже в настоящей задумчивости. Такой план мог прийти в голову только ему, пятнадцать лет просидевшему в Политбюро и прекрасно, даже не знавшему, а чувствовавшему, как члены Политбюро поступят в тех или иных случаях. Он быстро вернулся к своему столу, сел и в упор посмотрел на Строкача.

— Так, говоришь, Берия тебе звонил и материл?

— Да,— осторожно согласился Строкач.

— Звонил по секретной связи и свидетелей разговора быть не должно?

— Не должно...

— Та-ак, — протянул Хрущев задумчиво. — А не говорил ли Берия что-то вроде того, что тебе выгоднее служить ему, а не Политбюро?

Партийные чиновники только официально называли новый орган Президиумом, а неофициально именовали его по-прежнему — Политбюро, чтобы приучать людей к мысли, что ничего не изменилось.

Строкач озадачился — Хрущев явно предлагал оклеветать Берию... Но ведь клеветать — не стрелять!

— Возможно, и говорил...

— Надо вспомнить, — ласково потребовал Хрущев.

— Точно — говорил!

— Так-то лучше, — похвалил Хрущев.

Теперь Хрущеву надо было выдумать дату, на которую Берия якобы назначил мятеж, и дать какую-нибудь подробность, которая убедила бы членов Президиума. Тут Хрущев

вспомнил, что еще в начале июня им сообщили, что готова новая опера «Декабристы», премьера которой была назначена на субботу 27 июня. Президиум, чтобы показать свою тесную связь с культурой, решил всем составом быть на этой премьере. Само по себе это было тайной, о которой мало кто знал, и члены Президиума должны были понимать, что Строкач во Львове уж точно об этом знать никак не мог.

— А не понял ли ты Берию так, что, дескать, Политбюро в последний раз в субботу 27 июня послушает оперу «Декабристы», а потом узнает, каковы декабристы бывают на самом деле? — Хрущев отчетливо подчеркнул. — Тут важны дата — 27 июня и название оперы — «Декабристы».

— Да,— уже уверенно подтвердил Строкач,— как же я могу забыть про декабристов.

— Хорошо... — Хрущев еще задумался. — А не говорил ли Берия, что ты, из всех начальников УВД единственный дурак, а остальные начальники управлений в субботу выполнят небольшую работу и получат награды, а Строкач, вместе со своим любимым секретарем обкома будет «стерт в лагерную пыль»?

Строкач уже понял, что Хрущев предлагает ему сфальсифицировать некий заговор под руководством Берии. Но что Строкач терял? Надо было сообщать о телефонном разговоре, которого никто не слышал и который Строкач мог понять, как угодно. Берия будет отрицать, но где свидетели? И даже если они найдутся, то можно прикинуться дурачком и стоять на своем. Ну, может, как-то накажут, но ведь Берия Строкача все равно уже уволил, а Хрущев может работу найти еще и получше.

— Вот именно так Берия и говорил!

Строкач подтвердил это так серьезно и уверенно, что Хрущев даже усмехнулся — Строкач был дерзким, даже наглым, и беспринципным, что для поручаемой ему роли было идеальным сочетанием качеств.

— Так ведь такие же вещи нужно немедленно сообщать Политбюро! — с деланым испугом воскликнул Хрущев.

— Но так ведь я же за тем к вам и приехал, — не растерялся, уже вжившийся в роль, Строкач.

— Так, — деловито подытожил разговор Хрущев. — Оставьте свой московский телефон моему секретарю и далеко от телефона не отлучайтесь — можете понадобиться Политбюро в любую минуту, — посмотрел на Строкача. — Думаю, мне не надо говорить, что партия будет вам благодарна?

— Никита Сергеевич! Вы же знаете, что я за дело Ленина готов на все!

Вечером Хрущев вызвал к себе командующего ПВО Московского военного округа генерал-полковника Москаленко — еще одного своего должника. Хрущев не встречался с ним с фронта, но был уверен, что Москаленко не мог забыть той услуги, которую оказал ему Хрущев, негласно спасая в те годы от разжалования и суда.

Москаленко вошел, и Хрущев понял, что для той роли, которую Хрущев ему приготовил, у Москаленко маловато внешних данных. Москаленко был невысокого роста и щуплым, мало этого, у него был органический дефект — температура его тела была 35 градусов, и Москаленко постоянно мерз. Даже сейчас, в разгар лета, было видно, что под кителем у него пододето несколько джемперов, и из туловища, кажущегося от этого толстым, торчала голова на тонкой шее. А Берия, хотя и обрюзг от постоянной кабинетной работы, мужчиной был очень крепким. «Да, — вздохнул Хрущев,— Лаврентий такого соплей перешибет!» Но никто лучший на ум не приходил, и Никита предложил Москаленко садиться.

— Товарищ Москаленко! Партия поручила вам задание сверхважное и сверхсекретное, а поэтому и сверхпочетное. Речь идет о спасении всей партии… — Хрущев выдержал паузу, чтобы Москаленко осознал сказанное. — Вам поручается арестовать Берию!

Москаленко съежился, как от удара, и, как показалось Никите, даже задрожал.

— Но, товарищ Хрущев, это, как бы сказать, не мои функции.

— У нас у всех функции одинаковые — быть верными ленинцами. А Берия маршал, его арест простым офицерам не поручишь, тут нужен генерал.

Москаленко немного помолчал.

— А если предложить это...эту работу Батицкому? — наконец выдавил он из себя.

«Черт возьми!!» — В мозгу у Никиты вспыхнуло воспоминание. Как же он мог забыть о командире стрелковой дивизии полковнике Батицком, валявшемся у него в ногах и выпросившим, чтобы Хрущев убедил прокурора фронта отправить дело Батицкого в архив? Тогда Батицкий запомнился ему боровом с бычьей шеей.

— А он что — генерал? — Хрущев искренне удивился.

— Генерал-майор, и, между прочим, очень сильно не любит Лаврентия Павловича.

— За что? — живо поинтересовался Никита.

— Берия, когда ему поручили создание ракетного щита ПВО вокруг Москвы, выкинул Батицкого с должности моего начальника штаба. Теперь Батицкий пристроился в штабе ВВС, но, понимаете, он пехотинец, и у летчиков он, как корова под седлом. А служить хочет только в Москве.

«Батицкий, — это удача! — подумал Никита, но отвлекаться от Москаленко не стал. — Но ты-то тоже мне должок отдать обязан, так что не выкрутишься!»

— Очень хорошо, — сказал Хрущев, — Батицкого привлеките обязательно, можете взять и других офицеров, но на вторых ролях. А арестовать Берию обязаны лично вы с Батицким!

— Слушаюсь! — ответил Москаленко, но как-то подавленно.

— Завтра вместе с Батицким будьте на месте, вас вызовут в Политбюро для получения задачи и приказа.

Поняв, что дело будет иметь официальный вид, Москаленко повеселел.

— Есть!

ЗАГОВОР

Президиум Хрущеву удалось собрать только после обеда. Короткое сообщение Строкача все выслушали молча, единственно, Молотов строго переспросил, уверен ли Строкач, что Берия был пьян, поскольку пьяным Берию никто и никогда не видел. Затем Строкача выпроводили в приемную.

— Какой-то собачий бред, — тут же высказал свое мнение Каганович. — Этот Стукач в своем уме?

— Строкач, — поправил его Хрущев.

— Все равно — в заговор Берии я не верю!

— А я верю! — зло сказал Микоян. — Вы помните, какую программу Берия объявил на похоронах Сталина? Я его спросил, ты это серьезно? А он мне так нагло посмотрел в глаза и говорит: «Я это обещание выполню!».

— А мне еще вот что непонятно, — как бы размышляя сам с собой, начал Молотов, — Получается, что Берия снял этого Строкача с должности за то, что Строкач не послал ему результаты наблюдения за партработниками Львовской области. Но зачем они Берии? Ведь он их и так регулярно из Львова получает, изучает и передает для дальнейшего принятия мер Председателю Совета Министров — раньше Сталину, теперь товарищу Маленкову. Зачем он их запрашивал, если они у него и так есть? Что-то в этом рассказе Строкача не так!

— Тут, как в деле Абакумова, когда он посылал в ЦК не подлинные результаты допросов, а сокращенные выдержки из них, да еще так подготовленные, чтобы мы не узнали, о чем на самом деле показал на допросе, скажем, Этингер, — пояснил Маленков. — А в областях начальники МГБ хотят жить в дружбе с партийной властью, соответственно, они посылают в Москву препарированные результаты наблюдений за этой местной властью. А Берия запросил подлинные донесения агентуры, значит, ему нужны откровенно компрометирующие партийную власть факты.

— Все равно, арестовать членов ЦК, арестовать Президиум ЦК — это преступление. Берия на преступление не пойдет, вы же его знаете! — присоединился Молотов к сомнениям Кагановича.

— Мы второй раз назначаем Берию в НКВД, чтобы искоренил преступность, и вдруг он сам совершает преступление?? Я в это тоже не верю! — заявил Ворошилов, который на тот момент был Председателем Президиума Верховного Совета, то есть, главой Советской власти.

— Знаете, товарищи, Никита Сергеевич сообщил мне об этом еще вчера, я, знаете ли, долго не мог заснуть, тоже думал, как Берия может пойти на это преступление, — Маленков начал издалека. — Ну, и освежил в памяти Уголовный кодекс, — Маленков достал тонкую книжицу и раскрыл ее на закладке. — Так вот, если он арестует партийных руководителей во имя Советской власти, то это не преступление...

— Как не преступление?! — перебили его сразу несколько голосов.

— Вот статья 13, — продолжил Маленков, — в ней написано, — стал читать медленно и раздельно. — *«Меры социальной защиты не применяются вовсе к лицам, совершившим действия, предусмотренные уголовными законами, если судом будет признано, что эти действия совершены ими в состоянии необходимой обороны против посягательства на Советскую власть, либо на личность и права обороняющегося или другого лица, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны»*. Тех, кто посягает на Советскую власть, можно и убить, если другого выхода нет, и это убийство не будет преступлением.

— А против посягательств на партию, что написано? — спросил Каганович.

— Ничего не написано, только против тех, кто посягает на Советскую власть. Мы же — партия, — по Конституции не власть, а только политическая организация.

— Сталин нагородил в свою Конституцию черт знает чего, а главного не написал! — вскипел Микоян.

— Да чепуха это! — снова возмутился Ворошилов. — Ну, арестует он нас, а дальше что? Царем себя провозгласит?

— А дальше,— размеренно начал говорить Молотов, уже оценивший ситуацию, — он предложит тебе, или кто там вместо тебя останется, созвать сессию Верховного Совета. А на ней объявит депутатам и народу, что арестовал нас за то, что мы нарушили свой собственный Устав и посягнули на власть Советской власти в центре и на местах, — обвинит нас в том, что мы прекратили действие Конституции. Он действительно не совершит преступления, даже если перестреляет нас.

Хрущев только теперь понял ситуацию и удивился. Он выдумал Берии заговор, а оказалось, что Лаврентию действительно нужно было этот заговор организовать! Но его мысли перебил Микоян.

— Так нам что — сидеть и ждать, сложив руки?!

— Допустить этого ни в коем случае нельзя! — жестко резюмировал Молотов. — Это будет страшнейшим ударом по авторитету партии как внутри страны, так и за рубежом. Это то, почему и Сталин хотел передать власть Советам тихо.

— Так все же, — что делать с Берией? — поддержал вопрос Микояна и Булганин, на тот момент министр обороны СССР.

— Это как раз понятно, — ответил Каганович, — нужно хватать Берию за шкирку и тащить сюда на Политбюро. Тут садить его напротив этого Стукача и делать очную ставку. Надо узнать — действительно Лаврентий организовал заговор, или этот Стукач брешет? Когда Берия возвращается из Берлина?

— Сегодня вечером, — сообщил Маленков.

— А послезавтра, 27-го он хочет сделать переворот, — подсчитывал в уме время Каганович, — значит, вызывать на Президиум его нужно завтра.

— А он придет? — язвительно спросил Микоян. — Он же при любом удобном случае на заседание Президиума уже не ходит! Как Сталин стал, — зло добавил он.

— Силой нужно привести! — сказал Каганович.

— Какой силой, Лазарь? — язвительно поинтересовался Молотов. — Все МВД — у него, охрана Кремля — у него. Сам поедешь силой приводить его на Президиум?

— Надо снять его с должности министра внутренних дел.

На должность главы советского правительства — Председателя Совета Министров СССР, его заместителей и министров, назначал Президиум Верховного Совета СССР с последующим утверждением на сессии Верховного Совета. Все посмотрели на Ворошилова.

— А что я объясню Президиуму Верховного Совета? — в свою очередь зло спросил Ворошилов. — Что Берия, по непроверенным слухам, собрался организовать мятеж, чтобы передать всю власть Советам, и за это его нужно снять с должности? Показания этого выброшенного со службы Строкача я им должен предъявить? — Ворошилов подумал. — А армия у нас есть или ее тоже уже нет?! Есть у нас генералы, способные задержать Берию, если он откажется ехать на Президиум?

Все повернулись к Булганину, и тот съежился. Авторитета в армии он не имел ни на грош, и трудно было ожидать, что найдутся генералы, согласные по просьбе Булганина практически арестовать первого заместителя главы СССР, министра внутренних дел и маршала Советского Союза. Члены Президиума почувствовали себя в этот момент абсолютно беспомощными. Хрущев в душе ликовал — заседание Президиума шло точно так, как он и предполагал, планируя эту авантюру. Он специально не проронил ни слова, чтобы его роль в ней совершенно не была видна.

— Никита, а ты, почему молчишь? — Молотов, наконец, вспомнил о Хрущеве.

Все повернулись к Хрущеву. Он задумчиво почесал лысину.

— Если нужны генералы, надежные и верные партии, то я могу предложить кандидатуры. На фронте, знаете ли,

со многими храбрецами был знаком, встречал их и тут — в Москве.

— Кого? — тут же спросил Булганин.

Никита еще выдержал паузу, как бы вспоминая.

— Генерал-полковника Москаленко, он служит тут в Москве командующим ПВО округа, и встречал я в Москве и генерал-майора Батицкого, этот, по-моему, служит где-то в ВВС округа. Серьезные, и, безусловно, преданные партии генералы. Этим дай, они и черта арестуют, — Хрущев опять немного подумал. — Но, товарищи, даже этим генералам нужна какая-то бумажка от нас, а то их охрана Берии перестреляет.

При слове «бумажка» встрепенулся Маленков, который сидел до этого, как в воду опущенный. Он считался лучшим специалистом в Политбюро по написанию различных документов, его и Сталин за это отмечал. Маленков быстро пододвинул к себе черновик и начал писать, читая написанное для остальных.

— Так... «Товарищу Берия. Вам предписывается прибыть на заседание Президиума ЦК КПСС...». На который час мы назначим заседание? — спросил он присутствующих и сам ответил, — Думаю, на час дня будет нормально. Итак, «прибыть к часу дня 26 июня сего года для рассмотрения вашего персонального дела». Так, теперь документ генералам...

— Постой, — остановил Маленкова Микоян, — да он этой бумажкой подотрется! Надо написать, что если он откажется, то этим генералам Президиум приказал доставить его силой.

— Правильно, — одобрил Ворошилов, причем дописать, — «включая силу оружия».

Остальные члены Президиума эту формулировку одобрили, и Маленков ее вписал в черновик.

— Теперь генералам, — сказал он, и начал писать. — «Товарищам Москаленко и...» Кто второй, Никита Сергеевич?

— Батицкий.

— «... и Батицкому. Правительство Советского Союза и Президиум ЦК КПСС поручает вам привезти в Кремль на заседание Президиума ЦК КПСС товарища Берию Лаврентия Павловича к 13:00 26-го июня сего года. В случае сопротивления товарища Берии, вам предлагается применить к нему силу, включая силу оружия». Предлагаю подписать всем членам Президиума.

— Правильно! — одобрил Микоян. — Пусть Берия знает, что мы на силу всегда ответим силой, а сил у нас побольше, чем у него.

— Если Берия будет знать, что мы разрешили генералам стрелять, то он не будет сопротивляться, — поддержал Микояна и Молотов. — Думаю, что товарищам Булганину и Хрущеву нужно срочно вызвать этих генералов, вручить им эти документы и проинструктировать их...

— Нет, товарищи, — не согласился Хрущев, — этого мало. Они ведь не знают наших подписей. Думаю, что инструктаж, проведем мы, а вот вручать эти приказы, надо товарищам Маленкову и… — Хрущев сделал небольшую паузу, — …и Молотову, как наиболее известному вождю нашей партии. — подольстил он Молотову.

С этим все согласились, и Хрущев пошел к себе, вызывать Москаленко и Батицкого. Никита ликовал — Президиум сам шел в расставленную ловушку, причем, Никита оставался как бы в стороне ото всех принятых Президиумом решений. Никто не мог бы сказать, что этот арест Берии был его выдумкой.

Через час Москаленко и Батицкий прибыли, Хрущев и Булганин провели их к комнате заседаний Президиума и, вместе с вышедшими Маленковым и Молотовым вручили им документы на задержание Берии, затем Москаленко, Батицкий и Булганин пошли в кабинет Хрущева.

— Товарищи, объясняю вам ситуацию, чтобы вы действовали не втемную и понимали важность поручаемого вам дела. Нами получены надежные сведения, что Берия на 27-е число назначил мятеж — вечером того дня собрался аре-

стовать всех членов правительства и ЦК. Нам нужно этот мятеж предотвратить, для этого мы должны арестовать Берию, но предварительно обязаны допросить его на заседании Политбюро. Вот в чем смысл задания, которое мы вам даем: Берия сам может и не приехать на заседание, вот вы его и привезете.

Генералы задумались над услышанным.

— Я мог бы дать приказ и к завтрашнему утру сосредоточить у своего штаба человек с тысячу офицеров из зенитных полков с пулеметами, стрелковым оружием и на бронетранспортерах, — наконец прервал молчание Москаленко.

— Разумное предложение, — одобрил Булганин.

— Но мне нужно согласовать это с командующим Московским военным округом генерал-полковником Артемьевым.

— Это я согласую, — тут же пообещал Булганин.

— Постой, — остановил его Хрущев, — Артемьеву надо будет объяснять, в чем дело. А если он в заговоре? А если предупредит Берию?

Теперь задумался Булганин.

— Под Смоленском начались учения, я могу командировать туда Артемьева, как инспектора.

— Правильно, — одобрил Хрущев. — А потом снять его. Я уверен, что генерал-полковник Москаленко отлично справиться с должностью командующего Московским военным округом.

У генералов алчно заблестели глаза в предвкушении больших наград.

Хрущев и Булганин это сразу поняли. После войны, когда армию сократили, генералов стало некуда девать — в сокращенной армии не было столько генеральских должностей. И сделанное Хрущевым предложение маршальской должности открывало перед Москаленко такие перспективы, о которых он, в условиях генеральской конкуренции, уже и не мечтал.

— Николай Александрович, — обратился к Булганину Хрущев, — время позднее. Ты иди и организуй, чтобы Артемьева к утру в Москве не было, а я с товарищами еще переговорю.

Булганин ушел, и заговорил Батицкий, понимавший, что главная тяжесть ареста должна лечь на него, что для этого его и пригласили.

— Товарищ Хрущев, — начал он, — ну задержим мы Берию, но ведь нужно будет его в Кремль завезти, а там вся охрана подчинена ему. Что, нам с боем прорываться?

Хрущев окинул генералов тяжелым взглядом.

— А вам не надо везти его в Кремль, — и в ответ на немой генеральский вопрос, пояснил, — вам надо будет застрелить его на месте.

— Как?! — хором выдохнули генералы, — ведь в приказе Политбюро...

— Это заговор! — перебил их Никита. — Обезглавить заговорщиков просто необходимо для успешного подавления заговора. Объясните потом, что Берия оказал сопротивление, а в приказе вам разрешено применить оружие.

— Но в приказе не так... — начал было Москаленко.

Хрущев стукнул кулаком по столу.

— Речь идет о спасении партии! Вы поняли или нет?! И партии на командных должностях в армии нужны преданные партии генералы, а не институтки! — Хрущев сдернул с верха стопки принесенных ему на подпись бумаг и положил перед собой листик с десятком фамилий женщин, представленных к званию «Мать-героиня», после чего ткнул в этот листик пальцем. — У партии достаточно генералов исполнить это поручение. Если вы не способны — так прямо и скажите!

От его рыка генералы отшатнулись.

— Будьте уверены, товарищ Хрущев, — Батицкий поднял правую руку со сжатым кулаком, — я пристрелю этого врага партии вот этой рукой!

— Будет сделано! — подтвердил и Москаленко.

СМЕРТЬ ДРУГА

26 июня 1953 года Президиум собрался в 12:30 дня, чтобы между собой, до прибытия Берии, обсудить, что с ним делать. Маленков к этому времени написал на черновике будущего решения Президиума заголовок «К решению вопроса о Берия. Протокол № 10 от 26 июня 1953 г.». Он еще накануне обдумал всю ситуацию и сейчас представил ее собравшимся так.

— Враги хотят поставить органы МВД над партией и правительством, а наша задача состоит в том, чтобы, наоборот, органы МВД поставить на службу партии и правительству, для чего нужно взять эти органы под контроль партии.

Враги хотят в преступных целях использовать органы МВД, а наша задача состоит в том, чтобы устранить всякую возможность повторения подобных преступлений.

Органы МВД занимают такое место в системе государственного аппарата, на котором имеется наибольшая возможность злоупотребить властью. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы не допустить этого злоупотребления властью. Нужна большая перестройка, нужно исправление методов работы, нужна надежная агентура, но, главное, нужно внедрять партийность.

Нужны ли эти мероприятия? Что получилось? Как стали в МВД сегодня понимать задачи МВД?

Сегодня МВД поправляет партию, а ЦК работники МВД вообще отодвинули на второй план. Почему?

Потому, что пост министра внутренних дел у товарища Берии — он с этого поста контролирует партию и правительство. И даже если нет заговора, то это положение чревато большими опасностями, если вовремя, теперь же, не поправить.

— Правильно, это надо вовремя поправить, — поддержал Маленкова Микоян. — А то ведь идет подавление кол-

лектива. Какая же это коллективность, если Берия обо всем судит безапелляционно? С безапелляционностью Берии надо покончить!

— Нам нужен в Президиуме монолитный коллектив, и он есть, если бы не Берия! — подал реплику и Булганин.

— Как исправить это положение? — продолжил Маленков. — Я считаю, что пост министра МВД нужно отдать другому, хотя бы товарищу Круглову. Плюс МВД нужно поставить под жесткий контроль ЦК!

Хрущев смотрел на реакцию остальных членов Президиума, поскольку Маленков говорил ту антисоветскую ересь, против которой и боролся Берия: партия всего лишь политическая сила страны, и она не имеет права контролировать орган Советской власти — МВД. Ведь при Сталине и до сих пор было все наоборот — Советская власть в лице главы страны следила за партией.

Но никто, включая Ворошилова, не протестовал, а Микоян тут же дополнил:

— А Управление охраны правительства нужно прямо отдать под управление ЦК! А то с утра до вечера шагу не шагнешь без контроля со стороны Берии!

— Наша охрана,— продолжил Маленков,— должна быть у каждого в отдельности, и подчиняться тому, кого охраняют, чтобы без доносов. Ведь мы и при товарище Сталине были этим недовольны. Организацию подслушивания тоже надо взять под контроль ЦК, потому, что товарищи сегодня не уверены, кто и кого подслушивает.

— То есть, — уточнил Молотов, — есть заговор или нет, а Берию с должности министра внутренних дел предлагается снять? Я правильно понял? — И на кивок Маленкова продолжил: — Но мы-то собрались по поводу заговора. А если заговор есть, то что нам делать тогда?

— Тогда от поста первого зама Председателя Совета Министров СССР Берию нужно освободить и назначить министром нефтяной промышленности.

— А как же Спецкомитет? Берия же не сможет им руководить и создавать ядерное оружие, если не будет замом Предсовмина, — напомнил Молотов.

«Кому нужно это ядерное оружие, если партию, а вместе с нею и нас, лишат власти?» — подумал Маленков и ответил.

— Специальный Комитет надо будет преобразовать в министерство или в два министерства, и назначить во главу их Сабурова и Хруничева. Ничего, это дело уже на мази, так что и без Берии обойдемся.

Маленков посмотрел на часы — Берии до сих пор не было. Маленков поставил на обсуждение еще один вопрос.

— Давайте поручим Президиуму ЦК давать решения только по крупным вопросам, а по остальным пусть эти решения тоже идут от Президиума, но только за подписью нашего секретаря-координатора товарища Хрущева...

В это время вошел помощник Маленкова Суханов.

— Товарищ Маленков, звонит генерал-полковник Москаленко, говорит, что вы ждете его звонка.

Удивленный Маленков взял трубку, выслушал короткое сообщение и стал бледным, как полотно.

— Будьте там, мы вам перезвоним, — сказал он в трубку и положил ее. — Товарищи, этот генерал сказал, что Берия оказал сопротивление, и они его убили…

Хрущев сделал над собою усилие, чтобы выразить на лице крайнее удивление и ужас, остальным делать это усилие не пришлось — весь Президиум единым возгласом воскликнул:

— Как убили?!

— Говорит, — залепетал Маленков, — что Берия выхватил из портфеля пистолет и этот Батицкий выстрелил. И наповал!

— Черт! — выругался Молотов. — Чувствовал я, что мы перегибаем палку!

— Это ты виноват, — набросился Каганович на Ворошилова, — «силой оружия, силой оружия»! Вот твоя сила оружия! Е... твою мать! Ну, зачем мы это написали?!

— Но это же обычная формулировка в таких случаях... оправдывался Ворошилов.

— Да бросьте вы, товарищи, — остановил их Маленков, — тут нужно думать, что делать.

Молотов схватился руками за голову.

— Что о нас подумает народ, что подумают в Китае, что подумают французские коммунисты!!!

— Не о себе надо думать, а о партии, — вдруг веско заявил Хрущев, — хватит паники! Что случилось, того не вернешь! Сейчас надо думать, что делать.

— Правильно, — поддержал его Микоян, — может это даже и лучше. По крайней мере, среди нас не стало смутьяна, который противопоставлял партии эту Конституцию.

— Но это же убийство без суда и следствия! Такого же со времен Троцкого никогда не было! — не успокаивался Каганович.

— Но мы же все делали правильно — это же ты предложил взять его за шкирку и привести на Политбюро, — вспомнил Кагановичу эту подробность Микоян.

— Но ведь мы так всегда делали! — растерялся Каганович.

— А теперь произошла осечка, — спокойно заявил Хрущев, — и надо без паники думать, как из этого положения выкрутиться.

— Что ты предлагаешь? — уже по-деловому спросил Молотов Хрущева.

— Что тут предлагать, — не дал Хрущеву сказать Ворошилов, — нужно сказать правду и пусть будет, как будет, — но произнес Ворошилов эти слова так неуверенно, что было видно, что его самого этот выход никак не устраивает.

— А я думаю, — сказал Хрущев, — что это будет неправда. Получиться, что Берия убит невиновным. Но разве мы это знаем, чтобы так говорить? Мы же не знаем, был заговор или нет. Надо арестовать его приближенных — тех, кого он пригласил в МВД,— и допросить их про заговор. Глядишь, они и признаются.

— А что с Берией делать, вернее, с телом Берии, — спросил Маленков, который помнил, что ему нужно что-то сказать Москаленко.

— И про Берию нужно сказать, что он арестован, а его тело спрятать или похоронить.

— Не получится, — сказал Ворошилов, — для ареста нужна санкция прокурора, а Генеральный прокурор Сафонов не даст санкцию на арест мертвого Берии и его невиновных сотрудников. Он честный человек.

— Тогда его нужно снять и заменить другим прокурором, — спокойно предложил Хрущев. — Вот на Украине сейчас прокурором Руденко. Это наш прокурор, коммунист-ленинец. Он сделает все, как надо.

— А если следствие покажет, что они не виновны? — спросил Молотов.

Хрущев веско помолчал.

— Я же сказал, что Руденко — наш прокурор. У него они окажутся виновными, в этом можно не сомневаться.

Цинизм Хрущева шокировал, и именно сейчас многие взглянули на него другими глазами.

— Это нечестно, — сказал Каганович.

— У вас, Лазарь Моисеевич, есть другое предложение? Так предлагайте его! — парировал Хрущев.

Повисло тягостное молчание. Наконец, его прервал председательствующий Маленков.

— Других предложений нет. Предлагаю организацию всего этого дела поручить мне и товарищу Хрущеву. Кто «за»?

Первым поднял руку Микоян, за ним медленно и неохотно подняли руки все.

— Нам нужно срочно собрать пленум ЦК, чтобы вывести Берию из членов Президиума и ЦК, и утвердить разрешение на его арест. Прошу товарищей подготовить к пленуму выступления о гнилой сущности этого провокатора и агента иностранных разведок, — распорядился Хрущев.

Все промолчали.

Весь день до ночи Хрущев крутился, как белка в колесе. Сняли с должности командующего Московским военным округом Артемьева и заменили его Москаленко, на его место командующего ПВО округа назначили Батицкого. Сняли с должности Генерального прокурора Сафонова и заменили вызванным с Украины Руденко. Хрущев ввел в курс дела Серова и Круглова, и они вместе наметили тех сотрудников Берии, которые будут обвинены в заговоре, — «членов банды Берии». Тело Берии было помещено пока в бомбоубежище штаба ПВО, чтобы несколько позже сжечь его в крематории. Все были ошарашены, и все, даже числящийся главой СССР Маленков, беспрекословно исполняли команды Хрущева. Никита чувствовал, что он уверенно становится вождем, и его это воодушевляло, пока он не сел в машину и не поехал домой.

По пути он задумался над тем, как легко он овладел властью в Политбюро — властью над людьми, которые еще недавно чувствовали себя умнее его. И его осенило — это не он овладел властью, а власть над Президиумом получило преступление, на которое пошел Президиум. Никита же был автором этого преступления и отсюда его власть. Хрущев вспомнил себя.

Ведь он был честен и свободен, пока не проявил слабость и не пошел на преступление — не вошел в заговор «ленинградцев». И это преступление тут же лишило его свободы и взяло над ним власть: для сокрытия этого преступления он пошел на новое преступление — на совет убить Жданова, затем создал преступную группу, затем убил Сталина, теперь организовал убийство Берии. Одно преступление тянуло за собой другое, и он был во власти этих преступлений — он делал то, что они требовали.

То же произошло и с Президиумом: Президиум совершил первое преступление — попрал решения XIX съезда партии и новый Устав. Членам Президиума это казалось чепухой — ведь не убийство же! А оказалось, что этот пустяк

потребовал и убийства, и было видно, что убийства будут и будут продолжаться...

Не вождем народа, как Сталин, становился Хрущев, а атаманом банды преступников во главе этого народа, преступников, которые уже совершали преступления и теперь были готовы на любые другие преступления, чтобы скрыть уже совершенные.

Понимание происходящего коробило Никиту — ему не хотелось быть столь откровенным негодяем. В какой-то степени Никиту спасало отсутствие способности к фантазии, спасала его неспособность заглянуть в будущее. Каждый раз ему казалось, что он совершит вот это преступление, и оно будет последним. Не получалось! «Я делаю это ради спасения нашей ленинской партии большевиков!» — успокаивал он себя, но и это уже плохо помогало. Он победил, но в этой победе не было радости...

На кухне, как всегда, под полотенцем был ужин. Никита подошел к шкафчику, потянулся было за привычной «красноголовой», но потом передумал и взял бутылку «белоголовой» «Столичной». Несколькими ударами ладони по дну бутылки выбил, а затем вынул пробку, налил водку в стакан для минеральной воды и сел за стол. Вынул из внутреннего кармана белого летнего пиджака фотографию и прислонил ее к бутылке «Ессентуки». С фотографии на него взглянул Лаврентий.

Берии, как и любому мужчине, шла военная форма, но он ее практически не носил, а на этом фото виднелись петлицы Генерального комиссара госбезопасности. Лаврентий смотрел на Никиту ясным и даже несколько удивленным взглядом. На обратной стороне фотографии была надпись: «Другу Никите от друга Лаврика. 29.03.41». Лаврентий подарил Никите это фото в день своего рождения, и Хрущев хранил его в своем рабочем кабинете.

Хрущев залпом выпил, обтер тыльной стороной ладони губы и мысленно обратился к Лаврентию с укором: «Лав-

рик, ну зачем тебе это надо было?! Мы бы с тобой так хорошо работали. Я бы был вождем народа, а ты бы командовал правительством. Мы бы с тобой таких бы дел наделали — ого-го! Мы бы всему миру показали кузькину мать! А так — на кого ты меня оставил?? На этих старых трусливых дураков? На хитрого проходимца Микояна? На беспомощного Маленкова?»

Хрущев налил еще, выпил, затем сгреб фотографию ладонью, скомкал ее и выбросил в ведро для мусора.

СОДЕРЖАНИЕ

Мухин Юрий Игнатьевич

СССР ИМЕНИ БЕРИЯ

Редактор О. *В. Селин*
Художественный редактор С. в. *Курбатов*
Верстка А. *А. Кувшинников*
Корректор *Н. Н. Самойлова*

000 «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-0825
Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-97-89
«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41

Подписано в печать 27.11.2007. Формат 84X108 $^{1}/_{32}$
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,64.
Тираж 8000 экз. Заказ № 5857.

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

СССР
имени БЕРИЯ

Л. П. Берия, оклеветанный Хрущевым, стал для многих людей олицетворением зла. Между тем, будучи ближайшим соратником великого Сталина, он сыграл выдающуюся роль в создании непобедимой Советской империи. В частности, именно благодаря Берия, в СССР в кратчайшие сроки в тяжелое послевоенное время был создан ядерный щит, сделавший невозможным нападение США на Советский Союз.

Заслуги Берия перед Советской державой огромные; он мог бы сделать и больше, если бы не был подло убит почти сразу после убийства Сталина. Автор книги Ю. И. Мухин не сомневается, что это были именно убийства...

ISBN 978-5-9265-0474-0
9 785926 504740 >